ВЫДЕРЖКИ

ИЗЪ

СТАРЫХЪ БУМАГЪ

ОСТАФЬЕВСКАГО АРХИВА.

I.

ПИСЬМА РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ

КЪ КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ

ВЯЗЕМСКОМУ.

1812—1847.

МОСКВА
1867.

ЧЕРТКОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 6617
19/VI 1931.
БИБЛИОТЕКА.

ВЫДЕРЖКИ

ИЗЪ

СТАРЫХЪ БУМАГЪ

ОСТАФЬЕВСКАГО АРХИВА.

МОСКВА.

—

1866.

I. ПИСЬМА 1812 ГОДА.

Предлагаемыя здѣсь письма не сообщаютъ новыхъ, неизвѣстныхъ свѣдѣній, не пополняютъ, не поясняютъ событій новыми указаніями и подробностями; но не менѣе того они, кажется, не лишены нѣкоторой занимательности. Во первыхъ, они писаны лицами болѣе или менѣе извѣстными. Во вторыхъ, въ нихъ, хотя мелькомъ и слегка, а проглядываютъ воззрѣнія и впечатлѣнія современниковъ, и можно въ нихъ прислушаться къ говору и общему мнѣнію тогдашней эпохи. Минувшее сохранило въ нихъ всю свѣжесть и живость дня и минуты, въ которые эти письма были написаны. Настроеніе духа и чувствъ — общее и единодушное; но каждая личность является съ своими оттѣнками и характеромъ, ей свойственными.

Впрочемъ принадлежитъ исторіи одна строка изъ писемъ Карамзина, переда-

ющая намъ готовность его идти съ Нижегородскимъ ополченіемъ на освобожденіе Москвы. Видно, что историкъ не только помнилъ въ Нижнемъ о Мининѣ и Пожарскомъ, не только способенъ былъ описать ихъ подвигъ, но и на дѣлѣ сродниться съ нимъ.

Въ числѣ другихъ, особенно замѣчательно письмо А. И. Тургенева отъ 27 октября 1812 года. Въ немъ есть что-то и пророческое, и зрѣло обдуманное. Вѣроятно, не многіе изъ политическихъ и государственныхъ людей того времени такъ спокойно и такъ вѣрно смотрѣли на совершающіяся событія, такъ здраво оцѣнивали послѣдствія и плоды, которые Россія могла бы извлечь изъ нагрянувшаго на нее бѣдствія, и такъ мѣтко указывали на развязку этой потрясающей и кровавой драмы. Остолоповъ, которому въ Вологдѣ показывалъ я это письмо, присвоилъ себѣ и переложилъ на стихи одну строку изъ сего письма. Въ одномъ изъ стихотвореній своихъ сказалъ онъ:

Но что еще предвижу?
Намъ зарево Москвы освѣтитъ путь къ Парижу.

Дѣло въ томъ, что не онъ это предви-

дѣлъ; и вѣроятно никто, за исключеніемъ Тургенева, въ то время того не предвидѣлъ, и во всякомъ случаѣ, не имѣлъ сознательной смѣлости это высказать.

Мнѣ особенно пріятно огласить это письмо съ тѣмъ, чтобы настоящаго Тургенева, того, котораго любили и уважали Карамзинъ и Жуковскій, противопоставить вымышленному Тургеневу, который такъ недоброжелательно и невѣрно выведенъ Вигелемъ въ извѣстныхъ его Запискахъ. Какъ современникъ и зритель многихъ событій, имъ описанныхъ, и коротко знавшій многія лица, имъ изображенныя, почитаю не лишнимъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы, въ предостереженіе читателямъ, высказать здѣсь мое мнѣніе объ этихъ Запискахъ. По скудости нашей въ подобныхъ твореніяхъ, Записки Вигеля любопытное и драгоцѣнное пріобрѣтеніе для нашей народной и общежитейской литературы. Онѣ писаны умно и мѣстами довольно художественно. Есть живость и увлекательность въ разсказѣ, въ картинахъ и портретахъ, нерѣдко бойкою кистью схваченныхъ. Вотъ хорошая, лицевая сторона этихъ Записокъ. Но есть въ нихъ и важный недостатокъ; должно читать ихъ, слѣдуетъ довѣрять имъ съ большою

осторожностью. Вигель самъ не принадлежалъ къ числу дѣятелей эпохи, имъ описываемой, за нѣкоторыми исключеніями не былъ онъ съ ними ни въ связи, ни въ сношеніи. Однимъ словомъ, былъ онъ внѣ дѣйствующей и вліятельной среды. Многое разсказано имъ по городскимъ слухамъ, сплетнямъ, кривымъ толкамъ судей, не призванныхъ и мало свѣдущихъ. Ничего у него не провѣрено, не изслѣдовано критически. Авторъ имѣлъ замѣчательный, природный и даже довольно образованный умъ. Скажу болѣе, я убѣжденъ, что онъ имѣлъ даже и мягкое, доброе сердце; но раздражительный, щекотливый нравъ его портилъ въ немъ дары природы. Во многихъ отношеніяхъ узкость понятій, мелкое чиновничество, доводившее самолюбіе его до малодушія, затмѣвали свѣтлый умъ его. Способный любить и уважать достойныхъ людей, онъ былъ злопамятенъ въ бездѣлицахъ и за бездѣлицы. Онъ не прощалъ, если не отплатятъ ему тотъ часъ же визита его, если нарушатъ въ немъ права мѣстничества, то есть посадятъ его за столомъ, не на мѣсто, которое онъ считалъ подобающимъ чину его, если при посѣщеніи продолжаешь курить сигарку, которой не переносили его слабые и

причудливые нервы. Все это вносилось имъ въ книгу расчетовъ и обязательствъ, по которымъ онъ рано или поздно производилъ свои взысканія и накладывалъ пени на провинившихся предъ нимъ. Въ теченіи жизни, онъ неоднократно ссорился не только съ отдѣльными лицами, но съ цѣлыми семействами, съ городами, областями и народами. Не претерпѣвшій никогда особеннаго несчастія, онъ былъ несчастливъ самъ по себѣ и самъ отъ себя. Можно сказать, что, при обстоятельствахъ довольно благопріятныхъ, онъ болѣзненно прошелъ жизнь свою, безпрестанно уязвляемый иглистыми терніями и булавками, которыми онъ самъ осыпалъ дорогу свою. Все это отражается въ Запискахъ его и лишаетъ ихъ того здраваго и внушающаго довѣренность характера, который составляетъ прямое и главное достоинство историческихъ и личныхъ Записокъ.

Кн. Вяземскій.

---

1. (Графа) М. А. Милорадовича.

Mon prince! Je me trouve très flatté de l'honneur que vous voulez me faire de servir avec moi, et je m'empresse d'en écrire au comte Rostopchine pour en avoir son agrément. Vous aurez la bonté de vous rendre à l'armée par Mojaisk et Wiasma, pour entrer dans les fonctions de mon adjudant. J'ai l'honneur d'être avec respect et une considération très distinguée, mon prince, votre très humble et obéissant serviteur

Miloradovitch.

Kalouga
14 août 1812.

Переводъ. Князь! Для меня очень лестно, что вы желаете оказать мнѣ честь— служить вмѣстѣ со мною, и я тотчасъ же пишу о томъ къ графу Ростопчину, чтобы испросить его согласія. Сдѣлайте милость, поѣзжайте въ армію, черезъ Можайскъ и Вязьму, и тамъ вступите въ должность моего адъютанта. Съ от-

личнымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ и послушнымъ слугою *Милорадовичъ*. Калуга, 14 августа 1812.

2. К. Н. Батюшкова.

(Москва, Августъ 1812 г.).

Я пріѣхалъ нѣсколько часовъ послѣ твоего отъѣзда въ армію. Представь себѣ мое огорченіе; и ты, мой другъ, мнѣ не оставилъ ниже записки! Сію минуту я поскакалъ бы въ армію, и умеръ съ тобою подъ знаменами отечества, еслибъ Муравьева(1) не имѣла во мнѣ нужды. Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ я ее оставить не могу: повѣрь, мнѣ легче спать на бивакахъ, нежели тащиться во Владиміръ на протяжныхъ. Изъ Володиміра я прилечу въ армію, если будетъ возможность. Дай Богъ, чтобъ ты былъ

---

(1) Екатерина Ѳедоровна Муравьева, вдова извѣстнаго писателя, по мужу дальняя родственница Батюшкова.

живъ, мой милый другъ! Дай Богъ, чтобъ мы еще увидѣлись! Теперь, когда ты подъ пулями, я чувствую вполнѣ, сколько тебя люблю. Не забывай меня. Гдѣ Жуковскій?

Батюшковъ.

*

(Изъ Нижняго).

Я обрадовался твоему письму, какъ самому тебѣ. Отъ Карамзиныхъ узналъ, что ты поѣхалъ въ Вологду и не могъ тому надивиться. Зачѣмъ не въ Нижній? Впрочемъ все равно! Нѣтъ ни однаго города, ни однаго угла, гдѣ бы можно было найти спокойствіе. Такъ, мой милый, любезный другъ: я жалѣю о тебѣ отъ всей души; жалѣю о княгинѣ, принужденной тащиться изъ Москвы до Ярославля, до Вологды, чтобы родить въ какой нибудь лачугѣ; радуюсь тому, что добрый геній тебя возвратилъ ей, конечно на радость. При всякомъ несчастіи, съ тобой случившемся, я тебя болѣе и болѣе любилъ. Сѣверинъ тому

свидѣтель. Но дѣло не о томъ. Ты меня зовешь въ Вологду, и я конечно пріѣхалъ бы не замедля минутой, еслибъ была возможность, хотя Вологда и ссылка для меня одно и тоже. Я въ этомъ городѣ бывалъ на короткое время, и всегда съ новыми огорченіями возвращался. Но теперь увидиться съ тобою и съ родными (2) для меня будетъ пріятно, если судьбы на это согласятся; въ противномъ случаѣ я рѣшился — и твердо рѣшился — отправиться въ армію, куда и долгъ призываетъ, и разсудокъ, и сердце, сердце, лишенное покоя ужасными происшествіями нашего времени. Военная жизнь и биваки меня вылѣчатъ отъ грусти. Москвы нѣтъ! Потери невозвратныя! Гибель друзей, святыня, мирное убѣжище наукъ, все осквернено шайкою варваровъ! Вотъ плоды просвѣщенія или, лучше сказать, разврата остроумнѣйшаго народа, который гордился именами Генриха и Фенелона. Сколько зла! Когда будетъ ему конецъ? На чемъ основать надежды?

---

(2) Сестрами. *К. В.*

Чѣмъ наслаждаться? А жизнь безъ надежды, безъ наслажденій—не жизнь, а мученіе. Вотъ что меня влечетъ въ армію, гдѣ я буду жить физически, и забуду на время собственныя горести и горести моихъ друзей ([3]).

([3]) Какъ напоминаются этими строками и подтверждаются въ своей искренности извѣстные стихи Батюшкова къ Д. В. Дашкову.

Мой другъ! я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары:
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ:
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудных,
Онѣ въ отчаяньи рыдали,
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ;

Здѣсь я нашелъ всю Москву. Карамзина, которая тебя любитъ и любитъ и уважаетъ княгиню, жалѣетъ, что ты не здѣсь. Мужъ ея поѣхалъ на время въ Арзамасъ. Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ плачетъ неутѣшно: онъ все потерялъ кромѣ жены и дѣтей. Василій Пушкинъ забылъ въ Москвѣ книги и сына: книги сожжены, а сына вынесъ на рукахъ его слуга. Отъ печали Пушкинъ лишился памяти и насилу вчера могъ прочитать Архаровымъ басню о соловьѣ. Вотъ до чего онъ и мы дожили! У Архаровыхъ сбирается вся Москва или, лучше сказать, всѣ бѣдняки: кто безъ дома, кто безъ деревни, кто

Трикраты прахъ ея священной
Слезами скорби омочилъ....
Нѣтъ, нѣтъ! талантъ погибни мой,
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!

Батюшковъ (и прежде храбрый воинъ) вскорѣ потомъ поступилъ вновь на службу адъютантомъ къ генералу Бахметеву, и участвовалъ въ славныхъ бояхъ 1813 и 1814 годовъ.

безъ куска хлѣба, и я хожу къ нимъ учиться физіономіямъ и терпѣнію. Вездѣ слышу вздохи, вижу слезы — и вездѣ глупость. Всѣ жалуются и бранятъ Французовъ по французски, а патріотизмъ заключается въ словахъ: *point de paix!* Истинно много, слишкомъ много зла подъ луною; я въ этомъ всегда былъ увѣренъ, а нынѣ сдѣлалъ новое замѣчаніе. Человѣкъ такъ сотворенъ, что ничего вполнѣ чувствовать не въ силахъ, даже самаго зла: потерю Москвы немногіе постигаютъ. Она, какъ солнце, ослѣпляетъ. Мы всѣ въ чаду. Какъ бы то ни было, мой милый, любезный другъ, такъ было угодно Провидѣнію!

Тебѣ же, какъ супругу и отцу семейства, потребна рѣшительность и великодушіе. Ты не все потерялъ, а научился многому: Одиссея твоя почти кончилась. Умъ былъ, а разсудокъ пришелъ. Не унывай и наслаждайся пока дружбою людей добрыхъ, въ числѣ которыхъ и я: ибо любить умѣю моихъ друзей, и въ горѣ они мнѣ дороже. Кстати о друзьяхъ: Жуковскій, иные говорятъ въ арміи, другіе въ Тулѣ. Дай Богъ, чтобы онъ былъ въ Тулѣ, и поберегъ себя

для счастливѣйшихъ временъ (4). Я еще надѣюсь читать его стихи; надѣюсь, что не все потеряно въ нашемъ отечествѣ, и дай Богъ умереть съ этой надеждою. Если же ты меня переживешь, то возьми у Блудова мои сочиненія, дѣлай съ ними что хочешь; вотъ все что могу оставить тебѣ. Можетъ быть, мы никогда не увидимся! Можетъ быть, штыкъ или пуля лишитъ тебя товарища веселыхъ дней юности.... Но я пишу письмо, а не элегію; надѣюсь на Бога и вручаю себя Провидѣнію. Не забывай меня и люби какъ прежде. Княгинѣ усердно кланяюсь и желаю ей счастливо родить сына, а не дочь.

Константинъ Батюшковъ.

3 Октября.

Познакомься съ моимъ зятемъ, и полюби его: онъ добрый человѣкъ и меня

---

(4) В. А. Жуковскій (бывшій издатель Вѣстника Европы, тогдашній ополченецъ и участникъ Бородинскаго боя) въ это время дѣйствительно нашелъ случай побывать на короткое время въ своей родной семьѣ подъ Орломъ. Ско-

любитъ, какъ брата. Засвидѣтельствуй мое почитаніе Юрію Александровичу (5); мы думали здѣсь, что онъ поѣхалъ въ Казань. Пиши въ Нижній Новгородъ и не пропусти почты, иначе письмо твое меня не застанетъ. Я рѣшился ѣхать въ Петербургъ къ должности, или въ армію, тотчасъ по полученіи денегъ. Я не пишу о подробностяхъ взятія Москвы варварами: слухи не всѣ вѣрны, да и къ чему растравлять ужасныя раны?

Зять Батюшкова Шипиловъ бывшій, въ послѣдствіи директоромъ одной изъ Петербургскихъ гимназій, а потомъ директоромъ Гатчинскаго института. Разумѣется, мы вскорѣ познакомились и

ро онъ возвратился къ арміи. Его Пѣвецъ во станѣ Русскихъ войновъ былъ тогда у всѣхъ на устахъ и разошелся въ трехъ изданіяхъ

(5) Нелединскому, который, съ супругою и дочерью, находился тогда въ Вологдѣ. Нелединскій завѣдывалъ училищами Воспитательнаго дома, поѣхавшими въ Казань: вотъ почему Батюшковъ думалъ, что онъ тамъ. Но въ Казань повезъ воспитанниковъ и воспитанницъ товарищъ Нелединскаго по этой службѣ, А. М. Лунинъ.

сблизились съ нимъ и сестрами Батюшкова.

*

Возвратившись въ Москву изъ арміи послѣ Бородинской битвы, выѣхалъ я изъ города въ Ярославль вмѣстѣ съ Н. М. Карамзинымъ, на канунѣ занятія нашей бѣлокаменной Французами (6). Жены наши находились уже въ Ярославлѣ. Оставаться въ немъ нечего было и думать: незваныхъ гостей ждали и въ Ярославлѣ, и въ слѣдъ за великою княгинею Екатериною Павловною поспѣшно выѣхали и многіе жители и пріѣзжіе. Карамзины рѣшились ѣхать въ Нижній Новгородъ, чтобы находиться въ близости помѣстья своего въ Арзамазскомъ уѣздѣ. Моя деревня была подъ Костромою. Я заѣхалъ въ свое село Красное, чтобы запастись по возможности деньгами, а оттуда отправился въ Вологду. Выборъ мой палъ на этотъ городъ потому, что въ Вологду ѣхалъ нашъ знакомый, знаменитый московскій врачь и акушеръ Рихтеръ. Жена моя была беременна первымъ своимъ ребенкомъ и вскорѣ должна была родить. Въ ожиданіи родовъ ея, Рихтеръ просиживалъ у насъ цѣлые часы и въ комнатѣ предъ спаль-

(6) Т. е. 1-го сентября, въ воскресенье.

нею ея писалъ извѣстное свое сочиненіе о медицинѣ въ Россіи (7). *К. В.*

3 Юнкера, бывшаго адъютантомъ при Милорадовичѣ.

Vilna, 7 décembre 1812.

Ayant ignoré votre séjour, mon prince, je n'ai pu avoir l'honneur de vous écrire pour vous donner de nos nouvelles et vous annoncer votre nomination de chevalier de l'ordre de St. Vladimir dont la 4-ème classe vous a été decernée pour la journée de Borodino. Je vous en félicite de tout mon coeur et je regrette sincérement, mon prince, que l'état de votre santé ne vous ait pas permis de faire toute cette campagne si brillante pour les armes de Russie. Les affaires où notre général [8]) a commandé en chef, près de Tatarkino, de Tchirikovo, de Gremiatch, de Wiasma, de Dorogobouch, de Crasnoe, où 17 mille hommes ont mis bas les armes, vous auraient donné l'occasion de vous dis-

(7) Исторія медицины въ Россіи, соч. Вильгельмомъ Рихтеромъ М. 1814—1820 8°, 3 ч.

(8) Милорадовичъ.

tinguer et de cueillir des lauriers. Il n'y a plus d'ennemis sur le territoire de Russie; une partie de notre avant-garde a deja passé les frontières. L'armée de Napoléon est entièrement détruite, mais détruite à la lettre. Il s'est sauvé avec les maréchaux et une partie de la garde, sans artillerie qu'il a du abandonner dans le duché de Varsovie où on le poursuit. Les cosaques espèrent le prendre lui-même. La quartier-général du maréchal prince Koutousoff est ici. Nous ignorons si c'est pour longtemps et s'il n'ira pas plus loin, ce que nous croyons cependant. Le corps des gardes impériales est dans la ville, les autres corps de l'armée sont cantonnés dans les environs; mais on craint que c'est pour bien peu de temps et que toute l'armée avancera. Je me ferai un plaisir, mon prince, de vous donner de nos nouvelles, dès qu'il y aura quelque chose de nouveau concernant les mouvements de l'armée. Le papier, que le général vous envoye, vous autorise à rester chez vous, tant qu il vous plait, et doit vous tranquilliser entièrement. J'espère avoir l'honneur de vous voir, mon prince, après la

campagne. Nous nous arrangerons alors pour le cheval que vous m'avez laissé et qui s'est ressenti des fatigues de la guerre. Il existe toujours, mais il n'est plus ce qu'il a été. Il est peureux et m'a joué souvent de mauvais tours.

J'ai l'honneur d'être, mon prince, avec une estime particulière et une considération distinguée

votre très humble et très obéissant serviteur

Charles de Junker.

Переводъ. Вильна 7 декабря 1812 г. Князь! Я не зналъ гдѣ вы, и потому не могъ имѣть честь писать вамъ, дабы сообщить наши новости и увѣдомить васъ, что вы кавалеръ ордена св. Владиміра 4-й степени, который вамъ назначенъ за Бородинскій день. Поздравляю васъ отъ всего сердца и искренно сожалѣю, что слабое здоровье не дозволило вамъ участвовать во всей этой кампаніи, столь славной для Россійскаго оружія. Дѣла, въ которыхъ генералъ нашъ былъ главнымъ начальникомъ, при Татаркинѣ, Чириковѣ, Гремячевѣ, Вязьмѣ, Дорогобужѣ, Краснымъ, гдѣ 17 тыс. человѣкъ положили оружіе, представили бы вамъ случай отличиться и пожать

лавры. Больше нѣтъ враговъ на землѣ Русской; часть нашего авангарда уже выступила за границу. Наполеонова армія уничтожена, въ буквальномъ смыслѣ уничтожена. Съ маршалами и остаткомъ гвардіи (безъ артиллеріи, по неволѣ брошенной) онъ спасся въ Варшавское герцогство, гдѣ его преслѣдуютъ. Казаки надѣятся захватить его самаго.

Главная квартира фельдмаршала кн. Кутузова здѣсь; не знаемъ, на долго ли, и пойдетъ ли онъ дальше, а полагаемъ, что такъ. Гвардія стоитъ въ городѣ, армейскіе полки расположены въ окрестностяхъ; но, кажется, что въ самомъ скоромъ времени вся армія выступитъ впередъ. Мнѣ будетъ очень пріятно сообщать вамъ извѣстія, какъ скоро произойдетъ что нибудь новое относительно движенія арміи. Бумага, посылаемая вамъ отъ генерала, дозволяетъ вамъ оставаться дома, сколько вамъ угодно; слѣдовательно безпокоиться вамъ нечего.

Надѣюсь, князь, что мы увидимся по окончаніи кампаніи, и тогда поговоримъ на счетъ лошади, которую вы мнѣ оставили и которой война дала себя почувствовать. Лошадь жива, но уже не та что прежде. Она пуглива, и мнѣ при-

ходилось имѣть съ нею много возни. Съ отличнымъ уваженіемъ и пр.

Карлъ Юнкеръ.

Г. Юнкеръ былъ адъютантомъ генерала Милорадовича. Двѣ лошади, погибшія подо мною въ Бородинскомъ дѣлѣ, не мнѣ принадлежали; а моя не поспѣла къ дѣлу изъ Москвы и по отъѣздѣ моемъ изъ арміи была оставлена мною на попеченіе и въ распоряженіе Юнкера. *К. В.*

4. Н. М. Карамзина.

Нижній, 16 октября 1812 года.

Любезнѣйшіе князь и княгиня! Отъ глубины сердца радуюсь и поздравляю васъ съ рожденіемъ любезнаго сына. Вы узнали теперь новое чувство, какихъ немного въ человѣческомъ сердцѣ, и которое въ силѣ уступаетъ единственно любви супружеской. Вотъ новый источникъ сладчайшихъ удовольствій въ здѣшней жизни! Рожденіе вашего Андрюши останется на всегда памятнымъ. Мы, изгнанники Московскіе, какъ магометане, будемъ считать годы *Эгирою*. Дай Богъ, чтобы родильница и рожденный были совершенно здоровы,

и чтобы Вологда въ послѣдствіи времени не напоминала вамъ ничего, кромѣ пріятнаго! Съ нетерпѣніемъ ждемъ дальнѣйшихъ извѣстій отъ васъ, любезные друзья.

Поздравляю и съ освобожденіемъ Москвы: вчера узнали мы, что Наполеонъ вышелъ изъ нея, заслуживъ проклятія вѣковъ. Что-то будетъ! Теперь работа мечу, а тамъ работа уму.

Я ѣздилъ въ деревню, гдѣ слышалъ и видѣлъ только печальное. Думаемъ остаться здѣсь, чтобы имѣть хотя насущной хлѣбъ отъ крестьянъ. Вѣроятно, что въ Нижнемъ скоро будетъ просторнѣе. Я собирался было итти отсюда съ ополченіемъ къ Москвѣ, чтобы участвовать въ ея предполагаемомъ освобожденіи, но дѣло обошлось и безъ меча историографскаго.

Простите, милые. Нѣжно обнимаю васъ *трехъ*. Можемъ искренно пожелать, чтобы внукъ былъ достоинъ незабвеннаго дѣда (*) благородствомъ ду-

(*) Князя Андрея Ивановича Вяземскаго (1750—1807). Очеркъ его жизни и общественнаго положенія можно найти въ Россійскомъ Родословномъ Сборникѣ кн П. Долгорукова, Спб. 1841. кн 2, стр. 13—15.

шевнымъ. Богъ съ вами. Искренно преданный вамъ *Н. Карамзинъ.*

*

Здравствуйте, любезнѣйшіе друзья! Поздравляю кавалера съ бантомъ и радуюсь, что онъ имѣетъ этотъ знакъ въ память Бородинскаго сраженія, которое предвѣстило Наполеону гибель его арміи. Однакожъ, любезный другъ, я не совѣтовалъ бы вамъ прежде весны ѣхать въ Польшу,—совсѣмъ не Италію. Что вы сдѣлаете съ княгинею? Гдѣ она будетъ съ маленькимъ? Нетерпѣливо желаемъ узнать о томъ. Мы остаемся при старомъ планѣ: жить здѣсь до мая, а въ маѣ ѣхать въ ваше Остафьево, а изъ Остафьева въ Петербургъ, если не найдемъ въ Москвѣ удобнаго жилища. Впрочемъ для сего надобно, чтобы крестьяне заплатили намъ оброкъ; иначе трудно будетъ выѣхать отсюда. Благодарю преосвященнаго, васъ и княгиню за такъ называемый Бояновъ гимнъ ([10]). Пожалуй-

([10]) Извѣстный археологическій подлогъ купца Бардина, торговавшаго старинными рукописями.

ста, спросите и меня увѣдомьте, кто имѣетъ оригиналъ, на пергаментѣ писанный, какъ сказано? Гдѣ это найдено, и давно ли извѣстно? кто переводилъ? Ваше, любезный другъ, описаніе Москвы не даетъ охоты видѣть ее. Ужасно слышать и воображать! Не перестаю жалѣть о своей библіотекѣ; радуюсь, что ваша цѣла, равно какъ и мои Остафьевскія книги. Когда увидимся? Когда будемъ жить вмѣстѣ? Простите; мысленно и нѣжно обнимаю васъ всѣхъ трехъ Вяземскихъ. Батюшковъ намъ разсказывалъ о вашемъ житьѣ-бытьѣ. Благодарю любезную княгиню за гостинецъ. Богъ съ вами. *Карамзинъ.*

Болѣзнь, захватившая меня весною 1813 года въ Ярославлѣ, помѣшала мнѣ ѣхать обратно въ армію. Впрочемъ, я никогда не готовился къ военной службѣ, отъ которой отвлекало меня и слабое здоровіе мое. Осенью 1811 года, въ слѣдствіе сильной простуды, было у

Но многіе, въ томъ числѣ и Державинъ, повѣрили было подлинности этого Боянова гимна, будто бы древнѣйшаго произведенія нашей словесности.

меня воспаленіе въ легкихъ, и показывались первые признаки чахотки. Лѣтомъ 1812 года былъ я еще обложенъ пластырями, пользовался исляндскимъ мохомъ и пилъ кобылье молоко. Когда устроилось Московское ополченіе, я все это бросилъ, надѣлъ казацкій чекмень полка гр. Мамонова, случайно познакомился у зятя моего князя Четвертинскаго съ пріятелемъ его генераломъ Милорадовичемъ и такимъ образомъ, можно сказать, также случайно попалъ въ Бородинское дѣло, въ которомъ случайно пали подо мною двѣ лошади, и то еще чужія. Москвичь родомъ и душою, вступилъ я въ военную службу, на защиту матушки-Москвы, не имѣя вовсе въ виду посвятить себя военному поприщу. Съ паденіемъ Москвы, послѣ не совсѣмъ удавшейся попытки отстоять ее на Бородинскомъ полѣ, мнѣ, непризванному воину, казалось и дѣлать болѣе нечего подъ воинскими знаменами.

Весною хотѣлъ я однакоже явиться къ своему генералу и поблагодарить его за Бородинскій гостинецъ, которымъ онъ меня заочно помянулъ. Но прошлогодніе припадки грудной болѣзни моей стали сильно показываться. Я нѣсколь-

ко мѣсяцевъ прохворалъ въ Ярославлѣ. Мамоновскій полкъ стоялъ тогда въ Ярославской губерніи. За неимѣніемъ Французовъ подъ рукою, графъ Мамоновъ воевалъ официальными бумагами съ Ярославскимъ губернаторомъ княземъ Голицынымъ(11). Мы всѣ однополчане стояли за начальника своего, и я такимъ образомъ какъ будто состоялъ еще на дѣйствительной службѣ и находился при дѣйствующемъ отрядѣ. Время длилось, событія поспѣшно слѣдовали одно за другимъ. Не только уже не было въ виду побоища за Москву, но не было и за Россію. Она стряхнула съ себя, разсѣяла, поглотила полчища и племена, на нее нахлынувшія. Мнѣ, стало быть, случайно Московскому ратнику, можно было спокойно и безупречно вложить въ ножны свой казацкой булатъ. Такимъ образомъ военное поприще мое началось и кончилось Бородинской битвой.

Вологодскій преосвященный былъ тогда Евгеній, знаменитый дѣятель нашъ по части Русской исторіи и Русской

---

(11) Тайн. сов. кн. Михаилъ Николаевичь Голицынъ (1756—1827).

словесности. По нѣскольку вечеровъ въ недѣлю просиживалъ я у него, иногда вмѣстѣ съ Юрьемъ Александровичемъ Нелединскимъ. Умная и радушная бесѣда любезнаго и гостепріимнаго архипастыря была для насъ неоцѣненнымъ развлеченіемъ въ нашей Вологодской ссылкѣ. *К. В.*

*

Нижній, 14 ноября 1812 г.

Любезнѣйшіе друзья! Прискорбно слышать намъ, что вы не получаете нашихъ писемъ: слѣдственно они пропадаютъ. Мы не забываемъ и не лѣнимся писать къ вамъ, и сами безпокоились, долго не имѣвъ извѣстія о здоровьи родильницы и новорожденнаго. Слава Богу, что мать и сынъ ведутъ себя наилучшимъ образомъ. Непрестанно жалѣемъ, что судьба разлучаетъ насъ въ изгнаніи. Нижній заступаетъ пока мѣсто Москвы: видимъ людей, которыхъ тамъ видали; однакожъ многаго не достаетъ, и все грустно. Думаю приняться за свое

дѣло; раскладываю бумаги и книги; однакожъ успѣхъ сомнителенъ: не имѣю и половины нужныхъ матеріаловъ. Московская библіотека моя обратилась въ пепелъ: еще не знаю, что̀ сдѣлалось съ книгами, отправленными мною въ Остафьево. Хорошо, если бы хотя онѣ уцѣлѣли. Наши военныя обстоятельства перемѣнились: наконецъ гонимъ Французовъ. Дай Богъ, чтобы Россія скорѣе очистилась отъ этихъ новыхъ Монголовъ. Нѣсколько глубокихъ язвъ останется! Доживемъ ли до временъ спокойныхъ? Еще не имѣемъ понятія о нашей будущей судьбѣ. Гдѣ будемъ жить? И какъ? Располагаемся однакожъ провести здѣсь всю зиму. Мы рады, что вы не совсѣмъ одни въ Вологдѣ, что Нелединскіе и Кашкины съ вами. Скажите имъ нашъ дружеской поклонъ. Скажите также отъ меня ласковое слово епископу Евгенію; я искренно уважаю его, и буду ему благодаренъ, когда онъ пришлетъ мнѣ вѣрную копію съ гимна Боянова, дѣйствительнаго или мнимаго. Простите, любезнѣйшіе друзья. Обнимаю васъ *трехъ*. Извѣстите насъ о судьбѣ Остафьева. Богъ съ вами. Будьте здоровы,

веселитесь Андрюшею и любите насъ. На вѣки преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

*

Нижній, 12 декабря 1812 г.

Любезнѣйшіе друзья! Къ сердечному нашему удовольствію мы получили отъ васъ два письма и знаемъ, что вы, слава Богу! здоровы всѣ *трое*. Жаль, если наши письма пропадаютъ или долго остаются въ дорогѣ. Мы около трехъ недѣль не имѣли объ васъ никакого извѣстія послѣ родинъ княгини: тогда мы очень безпокоились. Теперь переписка наша идетъ регулярно. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ отъ васъ вѣсти, съ которою долженъ возвратиться Демидъ изъ арміи. Вѣсти Остафьевскія насъ крайне огорчили. Любезный Батонди скончался, какъ всегда желалъ, ударомъ. Бѣдный! Онъ не имѣлъ утѣшенія разсказать намъ о своихъ приключеніяхъ. Я плакалъ объ немъ искренно. Миръ его праху! Надѣюсь побывать у него въ гостяхъ на могилѣ. Бурмистръ Александръ Трифоновъ и другіе ваши люди въ Остафьевѣ

горюютъ о томъ, что не получаютъ отъ васъ никакихъ приказаній. Совѣтую вамъ, любезный другъ, написать къ нимъ скорѣе. Есть ли у нихъ хлѣбъ? Дали ли вы повелѣніе доставить его имъ изъ Матова? Вамъ необходимо надобно быть въ Москвѣ, въ Остафьевѣ и въ Тверской или Кашинской деревнѣ, чтобы взять мѣры для возобновленія фабрикъ и заключить контракты съ купцами; охотники, думаю, найдутся. Я съ нѣкотораго времени не здоровъ. Часто грустимъ. Куда поѣдемъ и когда? Извѣстно одному Богу. Доходовъ почти не имѣемъ, а проживаемъ не мало. О Жуковскомъ ничего не знаю. Вѣроятно, что онъ въ штатѣ фельдмаршала. Батюшковъ долженъ быть у васъ. Простите. Богъ съ вами.

Вы конечно не заплатили процентовъ въ банкѣ Петербургскомъ или 25-ти лѣтнемъ, которые должно было послать въ сентябрѣ. Совѣтую вамъ написать въ банкъ съ объясненіемъ нынѣшнихъ обстоятельствъ и съ просьбою, чтобы онъ взялъ терпѣніе; а то я боюсь, чтобы не описали вашего Кашинскаго имѣнія.

Это письмо въ нѣкоторомъ отношеніи живой отпечатокъ характера и чувствъ Карамзина. Съ какою нѣжною и дѣятельною заботливостью печется онъ о дѣлахъ и хозяйственныхъ распоряженіяхъ людей близкихъ сердцу его! И еще въ какое время, когда рѣшалась судьба отечества, и душа Карамзина была еще взволнована грозными событіями, которыя только что начинали утихать и проясняться! Онъ за другихъ озабоченъ дѣлами ихъ, и подсказываетъ имъ, что̀ должны они дѣлать. Признаюсь, въ тогдашнемъ расположеніи духа, удрученный тѣмъ, что̀ было и мало надѣясь на то, что̀ будетъ, я готовъ былъ отказаться отъ всякой дѣятельности и не думалъ о дѣлахъ своихъ. Но пробужденный совѣтами его, въ которыхъ слышался и упрекъ, въ концѣ декабря отправился я въ Москву. Въѣхалъ я въ нее ночью и пораженъ былъ освѣщеніемъ улицъ. Каменьщики и плотники и всякіе мастеровые, при огняхъ, работали и залѣчивали раны, понесенныя Москвою. — Батонди, о которомъ въ письмѣ упоминается, былъ старикъ итальянецъ, чудакъ и существо неразгаданное. Онъ еще отцемъ моимъ былъ принятъ въ домъ нашъ и перешелъ къ намъ по наслѣдству. Никто изъ насъ

не могъ провѣдать о происхожденіи и прежней жизни его. Во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ онъ жилъ у меня въ селѣ Остафьевѣ и вѣроятно содѣйствовалъ сохраненію дома и почти всего, что̀ въ немъ было.

Изъ Вологды посылалъ я служителя своего Демида Ѳедорова въ армію съ письмомъ къ генералу Милорадовичу. *К. В.*

5. Француза Жуфруа.

Vologda ce 29 Novembre 1812.

Monsieur Jouffroy de St. Germain, chevalier de l'Empire (*sic*) chef d'escadron au neuvième régiment des cuirassiers, à son altesse le prince Wiasemski.

Mon prince!

N'ayant reçu votre lettre qu'hier soir, vers les dix heures, je m'étais figuré que l'invitation dont vous avez bien voulu m'honorer de me faire était pour aujourdhui. Veuillez donc m'excuser si je n'ai pu me rendre à votre maison, ayant pris des engagements qui me retenaient ailleurs. J'ose espérer, mon prince, que je ne démériterai nullement de vous,

vous assurant que je suis,
avec le plus profond respect
de votre altesse
le très humble et très obeissant serviteur

M. Jouffroy.

Переводъ. Вологда, 29 ноября 1812. Господинъ Жуфруа де Сенъ-Жерменъ, кавалеръ имперіи, начальникъ эскадрона въ 9-мъ кирасирскомъ полку, — его сіятельству князю Вяземскому. Князь! Получивъ ваше письмо только вчера, около 10 часовъ вечера, я вообразилъ, что приглашеніе, коимъ вамъ угодно было почтить меня, относится къ сегодняшнему дню. Извините меня въ томъ, что я не могъ явиться къ вамъ въ домъ, будучи отозванъ въ другое мѣсто. Смѣю надѣяться, что ваше сіятельство не отнесете этого въ дурную сторону и примите увѣреніе и пр. *Жуфруа.*

Въ прогулкахъ моихъ по Вологдѣ, встрѣчалъ я часто плѣнныхъ Французовъ въ самомъ жалкомъ и бѣдственномъ видѣ. Зима была жестокая, а одежда и обувь ихъ были совершенно лѣтнія. Сострадая къ ихъ положенію, я открылъ подписку для сбора нѣкоторой суммы денегъ, на покупку имъ тулуповъ, теплыхъ рукавицъ, валенокъ и

проч. Я очень былъ радъ тому, что русскіе штыки, русскія пушки и русскіе морозы истребляютъ на русской землѣ вооруженныхъ Французовъ. Но слѣдуя русской пословицѣ, такъ хорошо выражающей русское чувство: „лежачаго не бьютъ“, я не видѣлъ патріотической потребности и обязанности добивать и домаривать обезоруженныхъ Французовъ, находившихся въ плѣну подъ крѣпкимъ карауломъ. Несчастнымъ оказана была посильная помощь. Въ слѣдствіе того и познакомился я съ нѣкоторыми французскими офицерами, приходившими ко мнѣ съ выраженіемъ своей признательности. *К. В.*

6. Д. П. Сѣверина.

7 Октября.

Любезнѣйшій другъ, я получилъ письмо твое изъ Вологды. Оно обрадовало и огорчило меня. Не имѣя о тебѣ никакихъ извѣстій, я чрезвычайно безпокоился, тѣмъ болѣе, что здѣсь кто-то на досугѣ распустилъ слухъ, что ты раненъ. Положеніе твое въ отношеніи къ семейнымъ твоимъ обстоятельствамъ не завидно; надѣюсь однакожъ, что теперь

ты отецъ, что княгиня здорова и что ты столько счастливъ, сколько можно быть въ Вологдѣ. Ты не можешь сомнѣваться, чтобы я не раздѣлялъ грусти твоей о участи Москвы; но признаюсь, я не согласенъ съ тобою, чтобы всему былъ конецъ и пр. и пр. Я еще до сихъ поръ надѣюсь и буду надѣяться, если мы не потеряемъ твердости и особенно, если потщимся подражать безсмертнымъ Испанцамъ. Кстати о Испаніи: скажу тебѣ новость, которая должна опечалить и обрадовать тебя. Мой другъ, это послѣднее письмо, которое ты отъ меня получилъ изъ Петербурга. Лишенъ будучи способовъ служить отечеству въ нѣдрахъ его, я съ удовольствіемъ согласился ѣхать въ Испанію съ миссіей. Дружба Россіи съ симъ государствомъ можетъ ускорить рѣшеніе трагедіи въ нашу пользу, и въ этомъ увѣреніи я рѣшился ѣхать въ Испанію, не смотря на то, что *дружба не благословитъ пути моего:* но дружба будетъ несправедлива. Ты не можешь думать, чтобы я покидалъ отечество хладнокровно. Нѣтъ, отъѣздъ мой мнѣ много будетъ стоить, и сердце мое обливается кровію, когда я думаю о томъ

что̀ я покидаю. Черезъ недѣлю я долженъ ѣхать вслѣдъ за посланникомъ моимъ, Дмитріемъ Павловичемъ Татищевымъ, человѣкомъ умнымъ и благороднымъ([12]). Возьми карту и слѣдуй за мною въ Або, Стокгольмъ, Готенбургъ, Лондонъ, Фальмутъ, Лиссабонъ и остановися въ Кадиксѣ, гдѣ будетъ мѣсто нашего пребыванія при Юнтѣ. Въ другое время съ какою пріятностію я сдѣлалъ бы тоже самое путешествіе; но теперь, признаюсь, самъ не знаю, какъ его вынесу. Блудовъ ѣдетъ сегодня въ Стокгольмъ совѣтникомъ посольства и препоручилъ мнѣ увѣрить тебя въ его дружбѣ. Обнимаю тебя. Когда я прощался съ тобою въ Остафьевѣ, думалъ ли тебя такъ долго не видать!

Д. Сѣверинъ.

7. Петра Васильевича Мятлева.

Получа письмо ваше, м. г., кн. Петръ Андреевичъ, почувствовалъ въ первый

([12]) Д. П. Татищевъ принадлежалъ къ замѣчательнѣйшимъ Русскимъ людямъ. Въ послѣдствіи онъ съ честію служилъ посланникомъ въ Вѣнѣ.

разъ силу огорченія отъ недостатка, видя себя не въ состояніи ѣхать въ Вологду по дороговизнѣ жизни въ семъ городѣ. Быть съ вами столь бы мнѣ пріятно было, что я предпочелъ бы проводить у васъ зиму всякому другому мѣсту. Домъ мой, библіотека, картины и всѣ мебели, эстампы, рисунки, бронзы сожжены и разграблены. Мы здѣсь имѣемъ вѣрныя извѣстія о всемъ чрезъ выходцевъ изъ Москвы. Многіе выходили оттуда 28 числа сентября и сказывали, что большая часть Москвы выгорѣла. Домъ Николая Евгеніевича Кашкина цѣлъ. Въ ономъ живетъ полковникъ и нѣсколько офицеровъ. Лубянка цѣла. Большая Никитская, Малая, Тверская, обѣ Дмитровки, Петровка, Старая и Новая Басманная, Нѣмецкая Слобода большею частью сгорѣли. Дома Апраксина, Маркова, Университетъ сгорѣли. Но окончивъ сіе печальное увѣдомленіе, скажу еще, что Дм. Александр. Л. со всѣмъ своимъ имѣніемъ сохранился. Онъ сдѣланъ городскимъ головою, ходитъ украшенъ бѣлою лентою черезъ плечо и кокардомъ бѣлымъ на рукѣ, и всѣ солдаты предъ нимъ снимаютъ шляпу.

Если увидите *длинную косу*, прошу сказать ей, что по письму ея превосходительства, увѣдомляющему меня, что я въ Вологдѣ помѣщеніе имѣть не могу, я взялъ тотчасъ другія мѣры, коихъ теперь по недостатку перемѣнить не могу.

П. Мятлевъ.

Кострома
(Октябрь 1812.)

Петръ Васильевичъ Мятлевъ былъ уже извѣстенъ въ царствованіе импер. Екатерины II. Онъ былъ женатъ на Прасковьи Ивановнѣ, дочери фельдмаршала гр. Ивана Петровича Салтыкова. Съ европейскою или, если хотите, французскою, образованностію соединялъ онъ русскій острый и веселый умъ. Онъ былъ въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ Дмитріевымъ и Карамзинымъ. О немъ упоминается въ жизнеописаніи Фонъ-Визина. Подъ *длинною косою* вѣроятно подразумѣвался Ю. А. Нелединскій, который носилъ старомодную косу и находился тогда въ Вологдѣ. *К. В.*

8. Н. Ѳ. Граматина.

Милостивый государь мой князь Петръ Андреевичъ! Вы не повѣрите, какое

удовольствіе доставило мнѣ ваше письмо отъ 9 октября; сверхъ того, что я узналъ изъ его, гдѣ вы находитесь, мнѣ пріятнѣе всего то, что вы обо мнѣ помните. Описывая Вологду, вы описываете Кострому: здѣсь такая же грязь, какъ и у васъ, и точно такая же дороговизна въ квартирахъ. Съ бѣдныхъ пріѣзжихъ дерутъ кожу, не помышляя, что завтра ихъ можетъ постигнуть такая же участь. Таковы люди: они знаютъ жалость и состраданіе, когда сами несчастливы; и послѣ жалуются, что имъ никто не хочетъ помочь въ несчастіи! Видно, что теперь вездѣ равно житье, и потому то мнѣ пуще всего жаль, что вы не здѣсь. Туча, кажется, мимо насъ проходитъ; напротивъ того къ намъ безпрестанно пріѣзжаютъ для безопасности. Я думаю, вы знаете, что Москва опять наша, и что даже и полиція туда отправилась. Но я забылся, не Москва, а пепелище! Черезъ здѣшній городъ на недѣлѣ раза два сотнями гонятъ плѣнныхъ; вы не повѣрите, какъ они оборваны, блѣдны, худы — одно основаніе человѣчества, что то похожее на человѣка. И всему этому причиною одинъ чело-

вѣкъ. Боже мой! Если только есть другая жизнь, то мнѣ кажется, вѣчности мало для наказанія за его злодѣйства. Но я уже слишкомъ зафилософствовался въ негодованіи и огорченіи сердца. Простите и пр. и пр.

Граматинъ. (13)

1812, октября 23. Кострома

9. В Л. Пушкина.

Нижній Новгородъ. 14-го декабря.

Наконецъ, любезнѣйшій князь, я дождался письма твоего. Оно меня сердечно обрадовало, въ чемъ я думаю ты и не сомнѣваешься. Поздравляю тебя съ сыномъ. Да будетъ онъ со временемъ твоимъ другомъ и утѣшителемъ!

Я вижу изъ письма твоего, что ты грустишь о Москвѣ, но какъ и не грустить о кормилицѣ нашей? Другой Москвы не будетъ, и часъ отъ часу ра-

---

(13) Извѣстный въ свое время литераторъ, въ послѣдствіи бывшій многіе годы директоромъ Костромской гимназіи.

зрѣніе столицы намъ будетъ чувствительнѣе. Я потерялъ въ ней все движимое мое имѣніе. Новая моя карета, дрожки, мебели и драгоцѣнная моя библіотека, все сгорѣло. Я ничего вынесть не могъ; денегъ у меня не было, и никто не помогъ мнѣ въ такой крайности. Что дѣлать? Я благодарю теперь Бога, что Онъ осѣнилъ щитомъ своимъ храбрыя наши войска, поражающія бѣгущаго злодѣя. Аттила нашего вѣка покрылъ себя вѣчнымъ стыдомъ, и бѣдствія наши ни малѣйшей не принесли ему пользы.

Ты спрашиваешь, что я дѣлаю въ Нижнемъ Новгородѣ? Совсѣмъ ничего. Живу въ избѣ, хожу по морозу безъ шубы, и денегъ нѣтъ ни гроша. Вотъ завидное состояніе, въ которомъ я теперь нахожусь. Алексѣй Михайловичъ, однофамилецъ мой, кричитъ громче, и куритъ табакъ болѣе прежняго. Онъ съ утра до вечера играетъ въ карты и выигралъ уже тысячъ до восьми. Я довольно часто бываю здѣсь у Бибиковыхъ и у Архаровыхъ. Кокошкинъ пишетъ изъ Ярославля, что онъ переводитъ Федру. Читалъ ли ты подражаніе его пророку Аввакуму? Знаешь ли ты, что Батюшковъ

входитъ въ военную службу и будетъ адъютантомъ у Алекс. Ник. Бахметева? Блудова и Сѣверина я ни мало не виню: они служатъ въ дипломатическомъ корпусѣ, и если поѣхали въ чужіе краи, то поѣхали не по пустякамъ. *Баклуши бить*, право скучно. Я это и по себѣ знаю.

Посылаю тебѣ стихи мои къ жителямъ Нижняго Новгорода. Три первые куплета тебѣ извѣстны. Вотъ и послѣдніе. Не знаешь ли ты чего о Жуковскомъ? Пишетъ ли онъ къ тебѣ и здоровъ ли онъ? Прости, любезнѣйшій. Я тебѣ повторяю тоже: надѣйся и мужайся! Богъ милосердъ!

Къ жителямъ Нижняго Новгорода.

Примите насъ подъ свой покровъ,
О Волжскихъ жители браговъ!
Примите насъ: мы всѣ родные,
Мы дѣти матушки-Москвы!
Веселья, счастья дни златые,
Какъ быстрый вихрь, промчались вы!
Примите насъ и пр.

Чадъ, братій нашихъ кровь дымится,
И стонетъ съ ужасомъ земля,
А врагъ коварный веселится
На башняхъ древняго Кремля!
Примите насъ и пр.

Святые храмы осквернены,
Сокровищи расхищены,
Жилища въ пепелъ обращенны;
Скитаться мы принуждены.

Примите насъ и пр.

Давно ли славою сіяла,
Своей гордилась красотой?
Какъ нѣжна мать, всѣхъ насъ питала,
Москва! что сдѣлалось съ тобой?

Примите насъ и пр.

Тебѣ-ль платить поносны дани,
Подъ игомъ пришлеца стенать?
Отмсти за насъ, Богъ сильный брани,
Не дай ему торжествовать!

Примите насъ и пр.

Погибнетъ онъ! Москва возстанетъ!
Она и въ бѣдствіяхъ славна!
Погибнетъ онъ! Богъ Русскій грянетъ!
Россія будетъ спасена!

Василій Пушкинъ.

Ив. Ив. Дмитріевъ любилъ Пушкина, но не щадилъ его своими шутками: онъ говорилъ, что эти стихи напоминаютъ ему колодника, который подъ окномъ проситъ милостыню и оборачивается съ ругательствомъ къ уличнымъ мальчишкамъ, которые дразнятъ его. *К. В.*

10. Посланіе Н. Ѳ. Остолопова.

Пріятное твое посланье,
А больше и того желанье
Мой уголочекъ посѣтить,
Могли ль меня не восхитить?
Я внѣ себя — клянусь не ложно.
И если бы мнѣ было можно,
Я самъ къ тебѣ бы полетѣлъ
И познакомиться бъ умѣлъ;
Но вотъ что кажется завязкой:
Могу ль явиться я съ повязкой,
Съ ужасной, черной головой,
Какъ съ обгорѣлой булавой?
Злодѣи на меня напали,
Ограбили и пощелкали
Такъ сильно, крѣпко, что чуть чуть
Не привелося мнѣ махнуть
Туда... поспѣшнымъ эстафетомъ.
Всего жъ страннѣе въ дѣлѣ этомъ,
Что мнѣ быть битымъ суждено
Въ тотъ день, когда *Бородино*
На тысячи смотрѣло битыхъ,
Живыхъ еще и ужъ зарытыхъ.
Но дѣло, право, не о томъ:
По чести, въ незнакомый домъ
Предстать уродомъ очень стыдно.
И такъ ужъ по неволѣ, видно,
Я долженъ неучтивымъ быть,
Сперва тебя къ себѣ просить.

Приди — прошу и ожидаю.
Теперь уже воображаю,
Какой отвѣшу я поклонъ;
Скажу: и самъ бы Аполлонъ
Не могъ меня утѣшить болѣ!
Прошу садиться! — въ вашей волѣ!
Но, милостивый государь,
Напрасно Адрессъ-Календарь
Меня считаетъ прокуроромъ;
Я обижаюсь этимъ вздоромъ;
Ужъ мнѣ наскучило шумѣть
И непріятности имѣть
Отъ грусти, что законы строги,
А исполнители — не боги:
Иной кривитъ у насъ душой
За тѣмъ, что все цѣной большой
Въ рядахъ и въ рынкѣ покупаетъ;
Другой кривитъ, какъ задолжаетъ
И денегъ не имѣетъ въ срокъ;
А третій, что карманъ широкъ.
И я, для избѣжанья споровъ,
Изъ званья вышелъ прокуроровъ;
Служу Юстиціи самой,
Смотрю лишь только за собой,
Ни пунктами и ни статьями
Ужъ не поссорюсь я съ судьями. —
Потомъ все это объяснивъ,
Скажу ... Но ахъ, какъ я болтливъ!
Твоею дружбой восхищаясь,
Отъ радости ума лишаясь,
Такъ много я наговорилъ;

Ты осторожнѣй въ этомъ былъ,
Но все меня краснѣть заставилъ,
Что много у себя убавилъ
И подалъ пагубный примѣръ:
Солдата хуже офицеръ!!

Николай Остолоповъ.

6 октября
1812 г
Вологда.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Вологду написалъ я нѣсколько стиховъ къ Остолопову, уже извѣстному мнѣ по литературѣ, и зазывалъ его на знакомство со мною. Моя записка оканчивалась, сколько мнѣ помнится, слѣдующими стихами:

Ты офицеръ ужъ заслужёный,
А я, я рекрутъ новобранный,
И на Парнассѣ безчиновный,
И нѣтъ заслуги никакой,
Какъ развѣ то, что Музъ служитель,
Прямыхъ талантовъ я почтитель,
И, стало быть, поклонникъ твой.

На эти стихи и намекаетъ послѣдній стихъ посланія Остолопова. *К. В.*

11. Московскаго профессора Шлецера.

Mon prince! Encore une nouvelle et très sure: deux cent vingt pièces de

canons prises, douze mille prisonniers, — les débris de l'armée ennemie cernés de tous les côtés à Smolensk. La communication entre Koutousoff et Witgenstein établie, la nouvelle la-dessus est venue au prince d'Oldenbourg.

Comme vous irez apparement aujourd'hui à la cathédrale, je n'ose pas vous importuner avec notre bon Horace; mais je viendrai diner chez vous, si vous le permettez et que vous soyez à la maison. *Schlözer.*

Переводъ. Князь! Еще новость, и вѣрная: взято двѣсти двадцать орудій и двѣнадцать тысячъ плѣнныхъ. Это остатки непріятельской арміи, окруженной со всѣхъ сторонъ подъ Смоленскомъ. Сообщеніе между войсками Кутузова и Витгенштейна возстановлено; принцъ Ольденбургскій получилъ о томъ извѣстіе. Такъ какъ по всему вѣроятію сегодня вы пойдете въ соборъ, то я не смѣю васъ безпокоить нашимъ добрымъ Гораціемъ, а приду къ вамъ обѣдать, если позволите и будете дома.

Шлецеръ.

*

Mon prince, j'ai envoyé la toile et l'argent à Batondi, mais le pauvre

vieillard etait dejà mort. Je ne suis arrivé ici que depuis une semaine ayant passé plusieurs jours à Jaroslaw et à Mihaëlowskoë, campagne appartenant au prince Dmitri Mihailowitch Scherbatoff, située près de Jaroslaw.

Ici le nombre des habitants augmente chaque jour. Il arrive même dejà plusieurs seigneurs et on voit paraître quelques voitures dans les rues; malgré cela le séjour d'ici est bien triste. Vous ne sauriez vous imaginer quel aspect horrible les maisons incendiées présentent. Quant à moi je n'ai retrouvé de tous mes meubles que quelques débris de mes droschki: tout, tout est brulé. Pas une chaise ne m'est restée. A ma campagne, la même chose. La recolte d'abord a été brulée par les cosaques, puis les ennemis ont incendié la maison et tous les autres batiments servant à l'économie. Il ne m'est resté que quatre *isbàs*, pas une seule vache, pas la moindre provision de paille ou de foin, et à l'exception de six tchétverts de blé sarrasin pas un *seul grain* de blé ou d'avoine &c. Quant aux chevaux, je ne les ai gardés que parcequ'ils étaient absents,

pendant les plus grands troubles. Vous ne sauriez vous imaginer toutes les horreurs que ces canibales ont exercées à Moscou et dans les environs. S'ils ont ménagé votre maison *), ne croyez pas que c'etait par un reste d'humanité et de principes; mais uniquement parceque le nombre de vos paysans leur en imposait. Car il faut observer que, dans beaucoup de grands villages, ces voleurs de grands chemins ont été assassinés par les paysans de la manière la plus cruelle. On les a enterrés vifs et brulés à petit feu. Dans les petites campagnes, au contraire, ils n'ont usé d'aucuns ménagements. Un village près de moi à été complètement brulé et on a tué deux paysans. Chez moi *les aimables français, les soldats français*, appellés ainsi par préférence, ont battu un paysan jusqu'à lui faire perdre l'esprit, en sorte qu'il est mort après quelques jours. Ayant trouvé quelques pièces de faience et de porcelaine ordinaire, ils ont commencé par manger dedans, puis ils les ont employées à un usage tout à fait opposé.

*) Домъ въ Остафьевѣ. *К. В.*

Une table de toilette et une autre toutes neuves encore ont été hachées par eux pour chauffer la chambre &c &c. Ils n'auraient pas laissé une seule isba s'ils ne les avaient gardées pour y demeurer eux mêmes.

Je regrette beaucoup les cinq roubles que j'ai donné à ces monstres à Vologda; dorénavent je les verrai périr sans miséricorde. Qu'ils périssent seulement, ces complices de Buonaparte, qui le sont par méchanceté ou par faiblesse; qu'ils périssent seulement, soit par la bayonette, ou le froid, ou la faim: toujours ce sera un bienfait pour l'humanité d'en avoir purgé notre terre. Au reste ils ont été bien mal, ici à Moscou. De la seule enceinte de la Maison des Enfants Trouvés, on a transporté 2,500 cadavres, après que les français sont sortis. La maison du comte Tolstoy, où Richter a demeuré, n' a pas brulé; mon cher et digne ami Villers a décampé avec les français, après avoir un peu trahi et pillé; les autres membres de la municipalité, qui sont restés, ont ballayé les rues, et sont encore enfermés à présent. Il est resté chez vous, si je ne me trom-

pe, mes *Начальныя основанія государственнаго хозяйства*; veuillez bien me les renvoyer. Je vous prie de présenter mes humbles respects à madame la princesse, ainsi qu'à la maison de Neledinsky. En vous remerciant de la bonté dont vous m' avez reçu à Vologda et en me recommandant à la continuation de votre bienveillance, je suis, &...&...

Schloëzer.

Moscou, 20 décembre. 1812.

Переводъ. Князь! Я посылалъ полотно и деньги къ Батонди, но бѣдный старикъ уже умеръ. Сюда я пріѣхалъ всего съ недѣлю, пробывши нѣсколько дней въ Ярославлѣ и въ Михайловскомъ, деревнѣ близъ Ярославля, принадлежащей князю Дмитрію Михаиловичу Щербатову [14]).

Народонаселеніе прибываетъ здѣсь ежедневно. Пріѣзжаютъ даже и нѣкоторые изъ знатныхъ господъ; по улицамъ уже довольно экипажей. Но при всемъ томъ, здѣшняя жизнь очень печальна.

([14]) Сыну историка, который и похороненъ въ этомъ Михайловскомъ. У профессора Христіана Шлецера учился племянникъ этого князя Щербатова, извѣстный П. Я. Чаадаевъ. *П. Б.*

Вы себѣ не можете представить, какъ ужасно глядѣть на погорѣлые дома. Что до меня, то изо всего движимаго имущества я нашелъ здѣсь только остатки моихъ дрожекъ. Все, все сгорѣло, даже до послѣдняго стула. Въ деревнѣ тоже самое. Сначала весь хлѣбъ спалили казаки; потомъ непріятели сожгли домъ и всѣ другія хозяйственныя постройки. У меня уцѣлѣло лишь четыре избы; нѣтъ ни коровы, ни соломы, ни сѣна, ни зерна ржи или овса, за исключеніемъ шести четвертей гречихи. Лошади цѣлы, но потому, что въ самое опасное время ихъ уводили изъ деревни. Вы не можете себѣ вообразить всѣхъ ужасовъ, совершенныхъ этими каннибалами въ Москвѣ и въ окрестностяхъ. Если они пощадили вашъ домъ, то не думайте, чтобы изъ какого либо человѣческаго побужденія, а просто потому, что у васъ крестьянъ много, и они ихъ боялись. Надо замѣтить, что во многихъ большихъ селахъ крестьяне жесточайшимъ образомъ предавали смерти этихъ отъявленныхъ воровъ. Ихъ зарывали живьемъ въ землю и сожигали медленнымъ огнемъ. Напротивъ, въ небольшихъ деревняхъ ничто ихъ не удержало. Деревня подлѣ меня была сожжена до тла, и двое крестьянъ убиты. У меня французскіе солдаты,

такъ называемые любезные Французы, били одного крестьянина до такой степени, что онъ сошелъ съ ума и черезъ нѣсколько дней умеръ. Нашедши фаянсовую и обыкновеннаго фарфора посуду, они начали ѣсть изъ нея, а потомъ она пошла у нихъ на совершенно противоположное употребленіе. Туалетнымъ и еще другимъ столомъ, совсѣмъ еще новыми, они истопили печку и пр. Ни одной избы не уцѣлѣло бы, если бы имъ самимъ не нужно было гдѣ нибудь жить. Мнѣ очень жаль тѣхъ пяти рублей, которые я отдалъ въ Вологдѣ этимъ чудовищамъ. Впередъ гибель ихъ не вызоветъ меня на милосердіе. Пусть они погибаютъ, эти вольные и невольные соумышленники Бонапарта; пусть они гибнутъ, отъ штыка ли, отъ холода, или голода: человѣчество во всякомъ случаѣ выиграетъ отъ того, что наша земля отъ нихъ очистится. Впрочемъ здѣсь въ Москвѣ имъ приходилось очень плохо. Изъ одного зданія Воспитательнаго дома вынесено 2,500 труповъ, по выходѣ непріятеля. Домъ графа Толстаго, гдѣ жилъ Рихтеръ, не горѣлъ. Мой милый и достойный другъ Вильеръ *) уб-

*) Этотъ Вильеръ прежде содержалъ пансіонъ въ Москвѣ. Наполеонъ сдѣлалъ его оберъ-поли-

рался вмѣстѣ съ Французами, измѣнивъ и ограбивъ; оставшіеся члены муниципалитета, которые мели улицы, теперь еще сидятъ въ заключеніи. У васъ, если не ошибаюсь, остались мои „Начальныя основанія государственнаго хозяйства“. Благоволите мнѣ прислать ихъ. Прошу передать мое нижайшее почтеніе княгинѣ и Нелединскимъ. Благодаря васъ за расположеніе, съ коимъ вы меня принимали въ Вологдѣ и поручая себя, и проч.

Москва 20 декабря 1812.

Профессоръ Московскаго университета Шлецеръ, сынъ знаменитаго нашего историка, былъ, также какъ и мы, заброшенъ въ Вологду Московскою бурею. Я зналъ его уже и прежде, но тутъ коротко сблизился съ нимъ. Онъ ежедневно у насъ обѣдалъ, на щахъ и грешневой кашѣ.

По утрамъ читали мы съ нимъ Горація, котораго онъ мнѣ толковалъ и объяснялъ. Онъ былъ весьма ученый и добродушный чудакъ; правила вѣжливо-

---

цеймейстеромъ. См. о немъ Р. Архивъ 1864 г., стр. 1194.

сти его — собственно ему одному принадлежали. Напримѣръ, онъ утромъ заходилъ къ знакомымъ во фракѣ, но на званые обѣды являлся въ долгополомъ сертукѣ, объясняя это тѣмъ, что на сертукъ идетъ болѣе сукна, нежели на фракъ и что сертукъ обходится дороже. Послѣ обѣда, онъ вмѣстѣ со мною при женѣ моей курилъ трубку, но не считалъ приличнымъ закуривать ее при дамѣ и въ такомъ случаѣ выбѣгалъ въ другую комнату. Пятирублевая ассигнація, которая такъ тяжело лежала у него на сердцѣ, вѣроятно была выдана имъ по просьбѣ моей въ пользу плѣнныхъ Французовъ.

12. А. И. Тургенева.

С. Петербургъ, 27 октября 1812 года.

Вчера получилъ я, милый другъ князь Петръ Андреевичъ, письмо твое отъ 16 октября изъ Вологды и несказанно обрадовался я, не смотря на то, что оно писано въ уныломъ расположеніи духа. Сѣверинъ не читалъ мнѣ твоего письма къ нему, но сказывалъ о содержаніи оного; и я тогда уже, а еще бо-

лѣе теперь, когда дѣла наши ежедневно и примѣтно поправляются, пѣнялъ тебѣ мысленно за отчаяніе, въ которое ты погрузился. Зная твое сердце, я увѣренъ, что ты не о томъ, что̀ потерялъ въ Москвѣ, но о самой Москвѣ тужишь и о славѣ имени Русскаго; но Москва снова возникнетъ изъ пепла, а въ чувствѣ мщенія найдемъ мы источникъ славы и будущаго нашего величія. Ея развалины будутъ для насъ залогомъ нашего искупленія, нравственнаго и политическаго; а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно освѣтитъ намъ путь къ Парижу. Это не пустыя слова, но я въ этомъ совершенно увѣренъ, и событія оправдаютъ мою надежду. Война, сдѣлавшись національною, приняла теперь такой оборотъ, который долженъ кончиться торжествомъ сѣвера и блистательнымъ отмщеніемъ за безполезныя злодѣйства и преступленія южныхъ варваровъ. Ошибки генераловъ нашихъ и неопытность наша вести войну въ нѣдрахъ Россіи, безъ истощенія средствъ ея, могутъ болѣе или менѣе отдалить минуту избавленія и отраженія удара на главу виновнаго; но по-

стоянство и рѣшительность правительства, готовность и благоразумiе народа и патріотизмъ его, въ которомъ онъ превзошелъ самихъ Испанцевъ (ибо тамъ многіе покорялись Наполеону, и составились партіи въ пользу его: а наши гибнутъ, гибнутъ часто въ безъизвѣстности, для чего нужно болѣе геройства, нежели на самомъ полѣ сраженія); наконецъ примѣръ народовъ, уже покоренныхъ, которые, покрывшись стыдомъ и безславіемъ, не только не отразили удара, но даже и не отсрочили бѣдствій своихъ (ибо конскрипціи съѣдаютъ ихъ, и они, участвуя во всѣхъ ужасахъ войны, не раздѣляютъ съ Французами славы завоевателей-разбойниковъ): все сіе успокоиваетъ насъ на счетъ будущаго, и, если мы совершенно откажемся отъ эгоизма, и рѣшимся дѣйствовать для младшихъ братьевъ и дѣтей нашихъ и въ собственныхъ настоящихъ дѣлахъ видѣть только одно отдаленное счастье грядущаго поколѣнія, то частныя неудачи не остановятъ насъ на нашемъ поприщѣ. Безпрестанныя лишенія и несчастія милыхъ ближнихъ не погрузятъ насъ въ совершенное отчая-

ніе, и мы преднасладимся будущимъ и по моему увѣренію, весьма близкимъ воскресеніемъ нашего отечества. Близкимъ почитаю я его потому, что намъ досталось играть послѣдній актъ въ Европейской трагедіи, послѣ котораго авторъ ея долженъ быть непремѣнно освистанъ. Онъ лопнетъ или съ досады, или отъ бѣшенства зрителей, а за нимъ послѣдуетъ и вся труппа его. Сильное сіе потрясеніе Россіи освѣжитъ и подкрѣпитъ силы наши и принесетъ намъ такую пользу, которой мы при началѣ войны совсѣмъ не ожидали. Напротивъ мы страшились послѣдствій отъ сей войны, совершенно противныхъ тѣмъ, какія мы теперь видимъ. Отношенія помѣщиковъ и крестьянъ (необходимое условіе нашего теперешняго гражданскаго благоустройства) не только не разорваны, но еще болѣе утвердились. Покушенія съ сей стороны нашихъ враговъ совершенно не удались имъ, и мы должны неудачу ихъ почитать блистательнѣйшею побѣдою, не войсками нашими, но самимъ народомъ одержанною. Послѣдствія сей побѣды невозможно исчислить. Они обратятся въ пользу обѣихъ со-

стояній. Связи ихъ утвердятся благодарностію и уваженіемъ съ одной стороны, и увѣренностію въ собственной пользѣ съ другой. Политическая система наша должна принять послѣ сей войны также постоянный характеръ, и мы будемъ осторожнѣе въ перемѣнѣ оной. Мы избѣжали еще другаго зла, которымъ намъ угрожали, но объ этомъ я и намекать не хочу([15]). Будетъ время, мы свидимся, любезный другъ, и на развалинахъ Москвы будемъ бесѣдовать и вспоминать прошедшее; но конечно прежде должно пріучить себя къ мысли, что Москвы у насъ почти нѣтъ, что сія святыня наша обругана, что она богата теперь одними историческими воспоминаніями. Но есть еще остатки древняго ея величія: мы будемъ съ благоговѣніемъ хранить ихъ. Я также потерялъ много съ Москвою, потерялъ невозвратимое, напримѣръ всѣ акты, граматы, библіотеку, но еще право ни разу не жалѣлъ объ этомъ, еще менѣе о дру-

---

([15]) Можетъ быть Тургеневъ разумѣетъ здѣсь отношеніе Наполеона къ старообрядцамъ. *П. Б.*

гомъ движимомъ имуществѣ и о большой подмосковной. Нажитое опять нажить можно. Лишь бы омыть стыдъ нашествія иноплеменниковъ въ крови ихъ.

Дѣла наши идутъ очень хорошо. Непріятель бѣжитъ, бросаетъ орудія и зарядные ящики; мы его преслѣдуемъ уже за Вязьмою. Послѣднія донесенія князя Кутузова очень утѣшительны. Наполеонъ желаетъ спасти, кажется, одну гвардію; арміею кажется онъ рѣшился жертвовать. Ты вѣрно читаешь всѣ извѣстія въ Сѣверной Почтѣ, и для того я тебѣ не посылаю ихъ; но пришлю копіи съ многихъ интересныхъ перехваченныхъ у непріятеля писемъ. Подпишусь для тебя на Сынъ Отечества, въ которомъ помѣщаются любопытныя статьи. Назначеніе сего журнала было помѣщать все, что̀ можетъ ободрить духъ народа и познакомить его съ самимъ собою. Какой народъ! Какой патріотизмъ и какое благоразуміе! Сколько примѣровъ высокаго чувства своего достоинства и неограниченной преданности и любви къ отечеству. Послѣ буду писать болѣе и чаще. Не забывай и ты меня.

Сѣверинъ уѣхалъ въ Испанію. Блу-

довъ въ Стокгольмъ. Я остался вѣренъ Петербургу и дружбѣ твоей

весь твой *Тургеневъ*.

29 октября.

*

27 декабря.

Съ сердечнымъ удовольствіемъ получилъ письмо твое, милый другъ Вяземскій. Ничто не можетъ извинить моего молчанія. Я заслужу свой проступокъ длинными и частыми письмами. Сегодня не успѣю. Скажу только, что сейчасъ получено извѣстіе о новыхъ успѣхахъ графа Витгенштейна. Весь корпусъ генерала Іорка, изъ 15,000 состоящій, сдался ему, и уже соединились бывшіе непріятели наши съ нами и идутъ противу общаго врага. Макдональдъ сдается графу Витгенштейну съ 5,000 войска и пушками. Онъ уже вступилъ въ переговоры. Въ Пруссіи принимаютъ насъ, какъ избавителей. На слѣдующей почтѣ много, много. Жуковскаго стихи прекрасны, безподобны (*).

Тургеневъ.

*

(*) Вѣроятно „Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ“ *К. В.*

4 Февраля (1813).

Курьеръ мой изъ Вильны возвратился съ извѣстіемъ, что тамъ уже нѣтъ Жуковскаго и что, онъ 20 декабря, сколько по всѣмъ справкамъ узнать было можно, по выдержаніи въ университетѣ экзамена, уѣхалъ въ армію и произведенъ въ капитаны Я писалъ къ тамошнему епископу Стройновскому и къ почтъ-директору; они вездѣ о немъ справлялись и ничего болѣе узнать не могли. Теперь я буду писать къ нему въ армію. Сегодня выйдутъ изъ печати стихи его. Въ Сынѣ Отечества напечатаны другія. Я получилъ отъ Блудова изъ Стокгольма письмо. Онъ скучаетъ и жалуется на наше молчаніе. Пиши къ нему, а еще лучше ко мнѣ. Не пѣняй на мои лаконическія письма. Хлопоты разнаго роду, и съ утра до вечера, лишаютъ меня удовольствія бесѣдовать съ друзьями. На то нуженъ досугъ и свободная голова, а у меня нѣтъ ни того ни другаго. Впрочемъ

Пусть всякъ изъ насъ идетъ во слѣдъ судьбѣ своей,
Но въ сердцѣ любитъ незабвенныхъ.

II. ЛИТЕРАТУРНЫЯ АРЗАМАЗСКІЯ ШАЛОСТИ.

„Вспомнимъ, не безъ улыбки, и объ нашихъ—сказать-ли? *литературныхъ шалостяхъ*, потому между прочимъ, что въ нихъ не рѣдко бывало много живости и ума“. (Слова гр. Д. Н. Блудова на Юбилеѣ кн. Вяземскаго 1861 г.).

1.

Надпись къ портрету.

Се-Росска Флакка зракъ! Се тотъ, кто, какъ и онъ,
Выспрь быстро, какъ птицъ царь, несъ звукъ на Геликонъ;
Се ликъ одъ, притчъ творца, музъ чтителя Хвостова,
Кой поле изпестрилъ Россійска красна слова.

(*Сочинена обществомъ молодыхъ любителей Россійской словесности*).

*

2.

Я зижу тѣнь Боброва!
Она передо мной,

Нагая безъ покрова,
Съ заразой и съ чумой!
Сугубымъ вздоромъ дышетъ
И на скрижаляхъ пишетъ
Безсмертные стихи,
Которые въ мѣхи
Богъ вѣтровъ собираетъ
И въ воздухъ выпускаетъ
На гибель для пѣвцовъ.
Имъ дышетъ графъ Хвостовъ,
Шихматовъ онымъ дышетъ,
И другъ твой,—если пишетъ
Безъ мыслей кучи словъ.

Батюшковъ.

*

3.

Что пользы, говоритъ разсчетливый Свиньинъ,
Намъ кланяться развалинамъ безплоднымъ
Пальмиры древней, иль Аѳинъ?
Нѣтъ, лучше въ Гру́зино пойду путемъ доходнымъ:
Тамъ кланяясь, могу я выкланяться въ чинъ.
Оставимъ славы дымъ поэтамъ сумазброднымъ:
Я не поэтъ, а дворянинъ.

Свиньинъ, издатель Отечественныхъ Записокъ, напечаталъ въ журналѣ своемъ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, статью о Грузинѣ, помѣстьѣ гр. Аракчеева, и въ стихахъ, служащихъ эпиграфомъ къ сей статьѣ, довольно безцеремонно отзывался о Римѣ, Аѳинахъ и проч. Послѣдній стихъ—пародія стиха Рылѣева:

Я не поэтъ, а гражданинъ.

Пушкинъ очень смѣялся надъ этимъ стихомъ. Не смотря на свой либерализмъ, онъ говорилъ, что если кто пишетъ стихи, то прежде всего долженъ быть поэтомъ: если-же хочетъ просто *гражданствовать*, то пиши прозою. *К. В.*

*

4.

Дѣлами онъ живой покойникъ,
Стихами онъ тиранъ ушей;
По вашему, онъ соловей;
Прибавьте: соловей-разбойникъ.

*

5.

Письмо къ М. Т. Каченовскому, редактору Вѣстника Европы.

Милостивый государь
Михайло Трофимовичь!

Я давно былъ терзаемъ жаждою играть какую-нибудь роль въ области словесности и тысячу ночей просиживалъ, не закрывая глазъ, съ перомъ въ рукѣ, съ желаніемъ писать и въ ожиданіи мыслей. Утро заставало меня съ перомъ въ рукѣ, съ желаніемъ писать, и въ ожиданіи мыслей. Я ложился на кровать, чтобы успокоить кровь, волнуемую во мнѣ отъ безсонницы и, начиная засыпать, мерещились мнѣ мысли: я кидался съ постели, въ просонкахъ бросался на перо, и, говоря піитическимъ языкомъ, *отрясая сонъ съ своихъ рѣсницъ*, отрясалъ съ нимъ и мысли свои, и опять оставался съ прежнимъ недостаткомъ. Въ унынiи я уже прощался съ надеждою сказать здѣсь нѣкогда хотя пару словъ типографіямъ, прощался съ надеждою получить нѣкогда право граж-

данства въ сей желанной области, и говорилъ: «Журналы! Вѣстники!, мнѣ навсегда закрыты къ вамъ пути. Я умру, и мое имя останется напечатаннымъ на однихъ визитныхъ карточкахъ, которыя я развозилъ всегда прилежно, потому что съ молодости моей я былъ палимъ благородною страстію напоминать о себѣ вселенной!» Наконецъ послѣдняя книжка Вѣстника Европы подъ № 22-мъ оживила меня и озарила мракъ моего сердца. Напечатанный въ сей книжкѣ приказъ графа П*** въ свои вотчины былъ для меня зарею надежды и удовольствія. Мнѣ открылась возможность приносить иногда жертвы на алтарѣ журналовъ, ибо я имѣю маленькую деревеньку въ Оренбургской губерніи и на каждой недѣлѣ посылаю по два приказа къ моему старостѣ, надъ которымъ, признаюсь вамъ чистосердечно, я мстилъ упрямымъ мыслямъ и удовлетворялъ необоримому желанію чернить бѣлую бумагу. Я смѣю надѣяться, милостивый государь, что приказъ, писанный простымъ дворяниномъ къ скромному старостѣ, управляющему 150 душами, не потеряетъ цѣны въ вашихъ безпристра-

стныхъ глазахъ и будетъ вами принятъ наравнѣ съ повелѣніемъ вельможи къ тучному управителю, повелѣвающему нѣсколькими тысячами душъ. Кто-то сказалъ, что когда Аѳиняне строили флоты, Діогенъ ворочалъ своею бочкою. Не отриньте моего приношенія; дайте мнѣ мѣсто въ своемъ Вѣстникѣ, и я тогда, съ восторгомъ благодарности, счастливѣе самаго Діогена, воскликну: я *нашелъ человѣка.*

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть ***.

N. N.

Приказъ Семену Гаврилову.

Я получилъ твою отписку и вѣдомости о доходахъ и расходахъ на августъ и сентябрь. Радуюсь, что твой слогъ становится яснѣе и пріятнѣе, и что ты начинаешь знать гдѣ становится *ѣ* и *е*. Это не бездѣлица; я здѣсь знаю одного сенатора и стихотворца, котораго послѣднюю оду прислалъ я къ тебѣ съ тѣмъ, чтобы ты прочелъ ее предъ міромъ, и который при удивительномъ своемъ дарованіи погрѣшаетъ всегда противъ сихъ буквъ. Но за то недоволенъ я твоими

расходами: они всегда велики, а доходы по соразмѣрности всегда малы. Семенъ Гавриловъ! Это стоитъ *ѣ*; пекись о немъ, но пекись и о доходѣ; помни мое наставленіе: соединяй полезное съ пріятнымъ. При томъ же буква *ѣ* гораздо на глаза милѣе въ доход*ѣ*, чѣмъ въ расход*ѣ*. Еще одно слово: твой слогъ все еще шероховатъ, а сколько разъ сказывалъ я тебѣ не брать себѣ въ примѣръ Шихматова. Вели мѣломъ написать на дверяхъ приказной избы:

Смотри, чтобъ гласная, спѣша, не спотыкнулась,
И съ гласною другой въ дорогѣ не столкнулась!
Ты мягкія слова искусно выбирай,
А отъ сліянья злыхъ, какъ можно, убѣгай.

И всякій разъ, что возмешь перо въ пальцы, прочитывай три раза сіи прекрасные стихи, находящіеся въ *Наукѣ о стихотворствѣ*, сочиненной Французомъ Буало Депрео, и которую по дружбѣ своей къ нему графъ Дмитрій Хвостовъ сдѣлалъ одолженіе перевести на русскій языкъ. Впрочемъ я здоровъ, но только не много простудился на дняхъ въ Бесѣдѣ. Надѣюсь скоро что-нибудь сочинить, и вы своего барина увидите

печатаннаго, и тогда обѣщаюсь вамъ снять съ васъ оброкъ на два мѣсяца, а если напечатается много, то и на три. Молитесь Богу о томъ: вы вѣрно неусердныя возсылаете молитвы, потому что вотъ уже шестой годъ, какъ я собираюсь сочинять и ничего еще не насочинилъ. Но я не теряю надежды и жду помощи отъ Бога: сенаторъ Захаровъ до старости не писывалъ стиховъ, а теперь вдругъ написалъ оду, изъ которой можно сдѣлать по крайней мѣрѣ шесть. Высылай скорѣе денегъ: я долженъ книгопродавцу 200 рублей, и онъ мнѣ отдыха не даетъ. Ты знаешь, какъ я люблю и уважаю книгопродавцевъ: страшись моей къ нимъ любви.

N. N.

С. Петербургъ.

6.

ПРИТЧИ.

Эти притчи писаны въ подражаніе, и, сказать можно безъ хвастовства, довольно удачно, притчамъ гр. Хвостова, особенно тѣмъ, которыя заключаются въ

первомъ изданіи, явившемся въ свѣтъ въ первыхъ двухъ-трехъ годахъ текущаго столѣтія ([16]). Эта книга была нашею настольною и потѣшною книгою въ Арзамасѣ. Жуковскій всегда держалъ ее при себѣ и черпалъ въ ней не рѣдко свои Арзамазскія вдохновенія. Она послужила ему и темою для вступительной рѣчи, при назначеніи его членомъ Арзамазскаго общества. Жуковскій имѣлъ особый даръ отыскивать книги подобнаго рода и наслаждаться ими. Онѣ служили ему врачебнымъ пособіемъ для возбужденія здороваго смѣха, для благорастворенія селезенки, pour épanouir la rate, какъ говорятъ Французы. Помню между прочимъ книгу *Утѣхи меланхоліи*, которая утѣшала и потѣшала насъ до слезъ ([17]). И теперь нельзя таки жаловаться на совершенный недостатокъ въ глупыхъ сочиненіяхъ; но мы-ли, въ нынѣшнее время, разучились смѣяться надъ глупостями, глупцы-ли разучились быть забавными, а сдѣлались просто скучными и досадными, — но не слыхать уже знакомаго намъ искренняго, радушнаго, звонкаго хохота, возбуждаемаго

([16]) Избранныя причти. Спб. 1802. 8°.

([17]) Утѣхи Меланхоліи, Россійское сочиненіе *А. Ѳ* М. 1802. 8°.

забавною и безвредною глупостью. Теперь глупецъ идетъ въ коммунисты, въ нигилисты, въ реформаторы, со всѣхъ ногъ перепрыгиваетъ въ передовые люди, и пишетъ тяжелыя статьи въ журналахъ. Глупость и вранье и тутъ на лице, но ничего въ нихъ нѣтъ забавнаго. Глупцы не должны забывать и всегда держаться извѣстнаго стиха:

Les sots sont ici bas pour non menus plaisirs.

А, если они насъ не веселятъ и не потѣшаютъ, то на что же они годятся? *К. В.*

Эпиграфы изъ сочиненій гр. Хвостова.

Я въ царствѣ притченномъ такъ, какъ пчела летаю.

Мѣшки судебъ. Притчи гр. Хвостова.

Ослу въ ротъ не вложи разумны разговоры,
Ни филину, совѣ не дай прекрасны взоры.

Поэма. Притчи гр. Хвостова.

Увѣрь, что звѣри всѣ передъ моимъ крыльцомъ.

Изъ той же поэмы и того же гр. Хвостова.

Не вздумай по небу кататься на ослахъ.

Все изъ той же поэмы и того же гр. Хвостова.

Словесность на верхи кремнистыхъ горъ
взлетаетъ.

Изъ посланія о пользѣ словесности гр. Хвостова

Иные разумъ весь включая въ сладость
уха,
Не требуютъ въ стихахъ ни вымысла,
ни духа.

Гр. Хвостова.

Однако не оспоримо то, что притчи есть родъ самостоятельный.

(Изъ примѣчаній гр. Хвост. къ посланіямъ гр. Х.)

И такъ писатель оныя (притчи) необходимо долженъ погрузить свое перо въ совершенную естественность.

Гр. Хвостова.

Кому противно что,
Тому конечно то
Не надо не на что

Прит. Мышь и Орѣхи гр. Хвостова.

Какъ хочешь, такъ кусай и злися,
Но только не воняй.

Гр. Хвостовъ.

Павлинымъ гласомъ пѣть, толико не
способно,
Какъ розами клопу запахнуть неудобно.

(Притча Дмитрія Хвостова, изъ Собесѣдника любителей Россійскаго слова 1783 года.)

*

Посвященіе при слѣдующихъ притчахъ.

Непринужденный баснословъ,
Люблю я твой языкъ скотовъ:
Онъ простъ, щеголеватъ и сладокъ,
Парнасса нашего ты приподнялъ упадокъ
И съ елисейскихъ нивъ,
Къ тебѣ, нашъ Лафонтень, твой мастеръ,
Другъ Сумароковъ Музъ кричитъ: не будь
лѣнивъ,
Отъ ранъ словесности ты будь надежный
пластырь!
Очисти вкусъ:
Скажи невѣждамъ ты и школьникамъ
Парнасса,
Что̀ тыква, что̀ арбузъ,
И чтобъ за нектаръ намъ не выдавали
кваса.
Услышь и ты мою мольбу:
Не дую я въ трубу,
Не посажёнъ я Музой въ славной шайкѣ;
А такъ бренчу
На балалайкѣ,

И самъ себѣ я только по плечу.
Но ты, мой меценатъ, взгляни на эти
притчи,
Въ нихъ, можетъ быть, найдешь ты
много дичи,
Но на себя пѣняй: я бъ ихъ не написалъ,
Когда тебя бы не читалъ.

1. Собака.

Лягавая въ болотѣ
Увязла на охотѣ
И думаетъ себѣ: ну, если бъ былъ здѣсь
мостъ,
Я бъ прямо пробѣжала
И со стыдомъ бы здѣсь въ грязи не
утопала,
Не грызли бъ мнѣ лягушки хвостъ.
Хоть у собаки умъ и простъ,
Но въ этомъ случаѣ не такъ-то глупо
судитъ.
Вдругъ издали плыветъ бревно,
Одно.
Оно
Надежду на душѣ лягавой тотчасъ
будитъ.
Великой аргументъ: авось.
И говоритъ себѣ лягавая: не бось!
Приблизилась къ бревну и вотъ ужъ
поровнялась,

Собака кое какъ вдругъ на него
взобралась
И сѣла по просту верхомъ.
Потомъ
Собака сдѣлалась гребцомъ,
Гребетъ, гребетъ не веслами, ногами,
И не поетъ, какъ вечерами
Поютъ матросы на Невѣ
Иль матушкѣ-Москвѣ,
А просто лаетъ,
Но къ берегу однакъ счастливо
приплываетъ.

—

Учитель лучшій намъ — нужда.
Приди бѣда,
И всякая собака
Не хуже Телемака.

*

2. Мышь.

Въ странѣ, гдѣ пѣнится Иртышъ,
Жила и проживала мышь,
А можетъ быть и крыса.
Она, какъ баба Василиса,
Все веселилася, не думая о томъ,
Что можетъ быть придетъ ей встрѣ-
титься съ котомъ.
А котъ звѣрокъ извѣстной,

И съ рыла, и съ хвоста премилой,
препрелестной,
А попадись ему, такъ будетъ тѣсно.
Мяучетъ котъ,—
А мышь пищитъ и прыгая идетъ
Коту на встрѣчу.
Котъ мышку сжалъ четою лапъ
И въ мигъ ее онъ цапъ-царапъ.

—

Смыслъ басенки моей я вамъ, друзья,
замѣчу:
Мы здѣсь живемъ,
Къ бѣдамъ плывемъ;
Рокъ—котъ, мущина—крыса;
А баба всякая такая жъ Василиса.

*

3. Оселъ.

Оселъ мясистой, вислоухой,
Тащася по полю, разъ повстрѣчался съ
мухой.
—Здорово, братъ!—
Сеструшичька, здорово!
На нашъ живутъ и звѣри ладъ:
Поклонъ, привѣтъ на случай, все
готово;
Но замѣшайся тутъ не то,
Ни братомъ, ни сестрой, никто.
Но далѣе пойти, и смыслъ намъ будетъ
ясенъ.

Въ толкъ быль возмемъ и быль подъ
рожей басенъ.
Идутъ,
Ползутъ;
Но мухѣ
Ей все — вѣдь въ трудъ;
Соскучилась и вдругъ взлетѣла —
и на ухѣ
У осла
Какъ королева прилегла.
Оселъ ей говоритъ: послушай ты,
вострyха,
Ну, вонъ съ уха,
Я не носилки для тебя.
А муха говоритъ: не слушаюся я.
И въ прямь, что сдѣлаешь съ бѣдою
неминучей?
Хоть тяжело, сердись — такъ будетъ
круче;
Ты лучше потерпи. И мой оселъ
Поосердяся
Пораскричася,
Но муху на ночлегъ легохонько привелъ.

*

4. Танцовщикъ.

Одинъ Гишпанецъ
Велъ вѣчно танецъ;
И день и ночь
Кувыркается, пляшетъ,

Глазами, головой, рукою, брюхомъ
И съ полу не отходитъ прочь,—
Во всю трясется мочь.
Народъ глядитъ и говоритъ: бѣсовщикъ!
Не правда, онъ простой танцовщикъ.
Ты говоришь ему о братьяхъ, о кумѣ,
О Римскихъ чудесахъ, о Вавилонскомъ садѣ,
А у него фанданго на умѣ.
Народъ глядитъ и говоритъ: въ разладѣ
Гишпанской умъ!
Напрасенъ шумъ!
Гишпанецъ не дуракъ, Гишпанецъ не безбожникъ,
Онъ на свой вкусъ художникъ.

—

О люди, люди! вы
Гишпанцы всѣ, увы!
Мы всѣ, коль разсудить, живемъ безъ головы.
Гишпанцу танцы,
Солдату ранцы,
Скупцу рубли,
Завоевателю клочекъ земли,
Любовнику пріятны глазки —
Не тѣ же ли Гишпански пляски?

*

5. Обжорство.

Одинъ Французъ
Жевалъ арбузъ.
Французъ, хоть и маркизъ французскій,
Но жалуетъ вкусъ русскій,
И сладкое глотать онъ не весьма лѣнивъ.
Мужикъ, вскочивши на осину
За обѣ щеки далъ рябину,
Иль по просту сказать россійскій
черносливъ:
Знать онъ въ любви былъ несчастливъ!
Оселъ, увидя то, ослины лупитъ взоры
И лаетъ: воры! воры!
Но нашъ Французъ
Съ рожденья не былъ трусъ;
Мужикъ же тожъ не пѣшка,
И на ослину часть не выпало орѣшка.

—

Здѣсь въ притчѣ кроется толикій узлъ
на вкусъ:
Что госпожа ослица,
Хоть съ лаю надорвись, не будетъ
въ вѣкъ лисица.

*

6. Дождь.

Однажды
Шелъ дождикъ дважды.

А если дождь идетъ, то знаютъ, что
мокро,
Промокнетъ и ребро.
Но здѣсь не въ этомъ дѣло,
И при́тченно мое перо
Изобразить не то усердіе имѣло.
Гласитъ мужикъ:
О Зевсъ великъ!
Подъ часъ, и я не прочь, чтобъ дождикъ
шелъ на время,
Но если два дождя, то ужъ несносно
бремя.
Зевесъ ему въ отвѣтъ на то
гремитъ:
Послушай, братъ! ты жидъ,
Но христіанинъ будь, спроси лягушекъ
племя.
Я зрю, что мо́чится твое плѣшиво темя;
Но зрю, что и съ засухъ у нихъ спина
болитъ.

—

Когда бъ Зевесу внять, что вопіютъ
Нѣмчурки,
Французы, Итальянцы, Турки,
Пришлось ему играть бы въ
жмурки

*

7. Охотникъ и плотникъ.

Въ одномъ лѣсу гулялъ охотникъ,
Тутъ былъ и плотникъ,

Иль если правильнѣй сказать, то
дровосѣкъ.
Но нѣтъ бѣды! Вѣдь онъ такой же
человѣкъ.
Читатели простятъ, я не грамматикъ,
А просто баснословъ-лунатикъ.
Къ тому жъ, съ кѣмъ Муза здѣсь
дружна,
Тотъ знаетъ, что подъ часъ намъ рифма
солона,
Горька, какъ рѣдька.
Поэтъ, коль разсудить, безчастный
право Ѳедька.
Но ба, ба! имянной указъ,
Такого-то числа и году,
Отъ Феба Пиндскому народу:
Намъ дѣлать не велитъ отводу,
А просто продолжать начатый разъ
Разсказъ.
Сей часъ,
Мой милостивый Фебъ! Прости, впередъ
не буду
И твой приказъ
Я не забуду.
Воротимся жъ въ свой лѣсъ,
Гдѣ встрѣтимъ мы своихъ повѣсъ.
Одинъ изъ нихъ въ овчинной буркѣ
Былъ съ топоромъ,
Другой, въ зеленой курткѣ
Съ ружьемъ.
Одинъ пилитъ себѣ покойно ёлку,

Другой, на ней завидя перепёлку,
Кричитъ: постой
Негодникъ злой!
Ты видишь, я здѣсь забавляюсь
И самъ стрѣлять на ёлку попускаюсь,
Дороже топора ружье.
А тотъ, мужикъ хоть неучтивый,
Но смысломъ справедливый,
Сказалъ ему: вранье.
Я здѣсь дрова рублю отцу на новоселье,
Я дѣло дѣлаю, а ты бездѣлье.

—

Читатели мои!
Какъ чванство гордое, ни чванься, ни сопи,
Полезному всегда забава уступи.

*

8. Лисица, волкъ и медвѣдь.

Лисица съѣла пѣтуха,
Иль по просту дала дурашкѣ треуха.
Лисицу господинъ чиновникъ,
Лѣсной полковникъ,
Зубастой волкъ,
Ногою толкъ;
Тутъ свиснулъ въ ухо,
А тамъ безмолвствуя себѣ запряталъ въ брюхо.

Лисицѣ сухо;
Нашъ волкъ насытившись гордится въ попыхахъ;
Но изъ лѣсу медвѣдь, и—волкъ нашъ въ дуракахъ!
Медвѣдю волкъ нашъ приглянулся,
И онъ еще и не очнулся,
А въ ротъ ужъ чебурахъ,
И мой бѣднякъ лежитъ въ медвѣжьиныхъ кишкахъ.

—

У сильныхъ слабые въ тискахъ.

*

9. Просвирня и шорникъ.

Въ какомъ-то городѣ французскомъ,
А можетъ быть и въ прусскомъ,
До географіи вѣдь въ басняхъ дѣла нѣтъ,
Съ сосѣдкой жилъ сосѣдъ,
Какъ братъ съ сестрою мирно.
Онъ шорникъ былъ, она была просвирней;
Да, кажется, и какъ имъ доходить до при
Или до ссоры?
Одинъ работалъ шоры,
Другая просвиры.
Вдругъ, вышедъ изъ домовъ до утренней зари,
На улицѣ они нашли копѣйку;
А въ свѣтѣ сплошь
Цари ведутъ войну за грошъ.

Вотъ бросились они на мѣдную злодѣйку!
Просвирня вдругъ кричитъ:
Копѣйка мнѣ принадлежитъ,
А шорникъ
Задорникъ
Кричитъ: нѣтъ мнѣ!
Дошло до драки;
Дерутся, какъ собаки,
Какъ Турки на войнѣ.
Тутъ будочникъ, услыша крики
И вопли дики,
Пришелъ,
Взялъ деньги
И въ съѣзжую моихъ сосѣдовъ онъ повелъ,
Его безъ сапоговъ, ее безъ кеньги.

—

Отецъ Зевесъ,
Чтобъ люди не дремали,
А иногда себя щипали,
Пустилъ на землю интересъ.

*

10. Кончина коровы.

У мужика корова,
Когда была здорова,
И ѣстъ и пьетъ
И долгъ природѣ своей день каждый отдаетъ,

Иль, говоря по русски:
Давать и творогу и сливокъ на закуски
Ничуть не устаетъ.
Корова не заморска птица,
Но дѣлать молоко ужасна мастерица.
Въ коровушкѣ своей души не зналъ
мужикъ,
То-есть до молока охотникъ онъ великъ;
Вѣдь у людей всѣ внутреннія части
Корыстолюбія во власти.
Но вдругъ
Коровушку мою сразилъ недугъ:
Ей не взлюбился лугъ,
Сталъ лобъ нахмуренъ;
Она худа, блѣдна,
И цвѣтъ въ лицѣ сталъ дуренъ,
И голова дурна.
Бывало, свѣтлый глазъ: днесь безъ
свѣтильни плошка;
Корова-здоровякъ — ни дать ни взять
Ободраная кошка!
Мужикъ реветъ не часъ, не два, не пять,
Реветъ онъ цѣлы сутки;
Для мужика
Безъ молока
Приходитъ не до шутки.
Но, какъ ни плачь, но какъ скотинушки
ни жаль, —
Ее отправь хоть въ гошпиталь.
На вопль хозяина сбѣжались изъ
деревни

Матроны древни;
Весь бабій факультетъ
Къ больной приходитъ на совѣтъ.
Та говоритъ: въ коровѣ сперлись спазмы,
Ее-бы въ ванну посадить;
Другая: можетъ быть, въ коровушкѣ міазмы;
Не худо прилѣпить
Ей шпанску муху
Къ уху;
А третія: повѣрьте мнѣ, легко
Въ коровѣ разлилось, быть можетъ, молоко;
Четвертая: чтобы больной помочь здоровью,
Привейте оспу ей коровью.
Тутъ мысль былъ класть всякъ лихъ
И лѣзетъ въ Эскулапы.
Корова между тѣмъ, крестомъ сложивши лапы,
Вздохнула разъ, другой, и нѣтъ ея въ живыхъ.

—

Такія жъ и у насъ бываютъ штуки,
И каждый щедрый на совѣтъ,
Доитъ корову въ обѣ руки,
А все коровѣ пользы нѣтъ.

III. ПИСЬМА ДМИТРІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДАШКОВА.

Въ этихъ письмахъ высказано мнѣ много лестныхъ, слишкомъ лестныхъ, любезностей. Можетъ показаться съ моей стороны нескромнымъ и неприличнымъ предавать ихъ гласности. Но уже прошло столько законныхъ десятилѣтнихъ давностей съ той поры когда эти письма были писаны, что личности тутъ мѣста нѣтъ: она смыта и затерта теченіемъ времени. Словно рѣчь идетъ не обо мнѣ, а о какомъ-то темномъ лицѣ *давно минувшихъ лѣтъ*. Я и самъ тутъ съ трудомъ себя припоминаю. Между тѣмъ въ этихъ письмахъ отзываются голоса и движеніе современной мнѣ литературной эпохи. Въ нихъ отсвѣчиваются имена и, если не страсти, то по крайней мѣрѣ, маленькія заботы, раздражительности и междоусобія тогдашняго общества. Въ этомъ отношеніи эти письма принадлежатъ къ преданіямъ объ Арзамазскомъ обществѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ исторіи русской литературы. Эпиграмма, здѣсь упоминаемая, и въ свое время довольно извѣстная, есть слѣдующая:

Картузовъ сенаторъ,
Картузовъ кураторъ,
Картузовъ поэтъ:
Вездѣ себѣ равенъ,
Во всемъ равно славенъ,
Оттѣнковъ въ немъ нѣтъ:
Худой онъ сенаторъ,
Худой онъ кураторъ,
Худой онъ поэтъ.

Ив. Матв. Муравьевъ-Апостолъ печаталъ въ то время въ Сынѣ Отечества письма изъ Нижняго-Новгорода.

Въ Бесѣдѣ любителей Россійскаго Слова, учрежденной Шишковымъ, были члены и второстепенные сотрудники, родъ служекъ и послушниковъ въ этомъ литературномъ монастырѣ.

Жихаревъ перевелъ трагедію Кребильона *Атрей*, и въ первой молодости своей, какъ видно изъ Записокъ его, много писалъ для театра.

Плещеевъ, родственникъ Карамзина, и позднѣе пріятель Жуковскаго, который живалъ у него въ Орловской деревнѣ, мастеръ былъ импровизировать всякую чепуху и представлять въ лицахъ смѣшныхъ провинціаловъ, старыхъ женщинъ и т. п. Къ тому же онъ былъ хорошій музыкантъ, переложилъ на музыку многіе романсы Жуковскаго,

былъ отличный актеръ и превосходный чтецъ, особенно драматическихъ твореній. Благодаря этому искусству, былъ онъ представленъ Жуковскимъ государынѣ Маріи Ѳедоровнѣ, живалъ лѣтомъ въ Павловскѣ и по вечерамъ читалъ предъ императрицею и близкимъ ея обществомъ Мольера и новѣйшія произведенія русскаго и французскаго театровъ.

Батюшкова, между собою, прозывали мы и *попенькою*, потому что въ лицѣ его, а особенно въ носу, было что-то птичье. Поэтому и Воейковъ въ Домѣ Сумасшедшихъ посадилъ его *въ клѣтку*. Особенно Жуковскій былъ охотникъ и мастеръ на подобныя прозвища. Дашковъ имѣлъ лице довольно правильное, но строгое: вообще, за исключеніемъ сношеній своихъ съ малымъ числомъ ему близкихъ людей и участія его въ Арзамазскихъ шалостяхъ, онъ всегда былъ облеченъ въ какую-то малодоступную и сановитую холодность. Ничего женственнаго найти въ немъ было невозможно. А Жуковскій прозвалъ его *Дашенькою*. Гнѣдича назвалъ онъ *Гнѣдко́* и онъ, или Блудовъ, въ точности не помню, примѣнилъ къ нему, переводчику Иліады, стихъ изъ *Овсянаго Киселя*:

Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ.

I.

19 Декабря, 1813 г. Спб.

Много и премного благодарю васъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичь, за послѣднее письмо ваше и за лестныя, но не заслуженныя, похвалы, которыми вы меня осыпаете. Право, есть-ли бы я меньше полагался на ваше благорасположеніе, то непремѣнно долженъ былъ бы принять ихъ за иронію, или *противоположную насмѣшку*, по переводу Шаликова. Вамъ угодно говорить о какихъ-то знаменахъ вкуса, просвѣщенія и свободы: по чистой совѣсти я могу принять на свой счетъ одно послѣднее. Въ наше просвѣщенное время и сіе довольно рѣдко; но я съ ребячества былъ чрезвычайно своеволенъ и не отвыкъ еще говорить на прямки все что думаю, хотя много разъ и больно обжигался. Впрочемъ мои письма не то, что̀ ваши, и могутъ быть одобрены только за хорошее намѣреніе; а еще развѣ за то искусство, съ какимъ я свою мишуру мѣняю на ваше золото. Этотъ торгъ для меня очень выгоденъ, и я

убѣдительнѣйше прошу васъ о продолженіи онаго.

Нарядный картузъ, вышитый трудолюбивыми руками вашими Картузову, и приказъ Семену Гаврилову, доставили мнѣ ощутительное облегченіе отъ мучившей меня лихорадки, и острыя ваши шутки произвели чудо, котораго не смѣлъ я ожидать отъ множества проглоченной хины. Эпиграмма отправилась тотчасъ путешествовать по Петербургу подъ фирмою: *изъ Катулла* — чему въ Беоціи нашей многіе добродушно повѣрятъ—и я постараюсь доставить ее самому Картузову черезъ какого-нибудь масона, въ полномъ собраніи ложи. Ручаюсь вамъ, что скоро всѣ здѣшніе попугаи будутъ кричать изъ окошекъ: Картузовъ кураторъ!!! Приказъ старостѣ показался мнѣ такъ уменъ, такъ хорошъ, что я совѣщусь скрывать его отъ публики: не согласитесь ли вы напечатать его въ Сынѣ Отечества, выкинувъ только имена Каченовскаго и Захарова? Графа*** можно выставить totidem litteris, или означить буквами Г. П., какъ вамъ угодно; простудиться въ Бесѣдѣ очень позволительно, ибо

тамъ и спать не запрещается; а къ графу Хвостову дурацкая шапка такъ пристала, что цензура вѣроятно оставитъ его цѣликомъ въ навозной кучѣ, куда вы его такъ чинно посадили. Имя любезнаго сочинителя будетъ государственною тайною между мною и издателемъ; а вы между тѣмъ придумаете какую-нибудь забавную причину, почему письмо и приказъ, назначенные для Вѣстника Европы, очутились въ С. О. На все сіе нетерпѣливо ожидаю вашего разрѣшенія. Вотъ какимъ оружіемъ надобно бить нашихъ варваровъ! Тяжелая артиллерія ваша несравненно лучше моей, но они не стоятъ большихъ зарядовъ. Можно ли колесовать бабочку? говоритъ Попе. Только, правду сказать, вы поступаете противно правиламъ всѣхъ великихъ полководцевъ, высылая не неискусныхъ рекрутъ на первую сшибку: вы всегда гораздо болѣе моего принесете пользы нашей сторонѣ, а я доволенъ былъ бы пріятною должностію рукоплескать успѣхамъ вашимъ. По крайней мѣрѣ вступайте въ циркъ, не дожидаясь меня; между тѣмъ я докую себѣ мечь — къ несчастію, слишкомъ ту-

пой — для рукопашнаго боя съ дикими звѣрями. Но мы не должны начинать съ Муравьева *). Естьли бы я подлинно хотѣлъ укусить *носъ* этому *исторіографу носовыхъ хрящей*, то вы первые сказали бы мнѣ съ Реньяромъ:

Par dieu! Laissez le aller!
Que feriez-vous, Monsieur, du nez d'un marguillier?

Начнемъ съ начала, и пріѣздъ вашъ въ Петербургъ да будетъ печальнымъ предзнаменованіемъ для.... многихъ. В. Л. Пушкина заставимъ торжественно отрещись отъ ереси, потомъ трижды дунуть и плюнуть — и авось избавимъ Мартоса отъ работы по заказу Нижегородцевъ надъ памятникомъ Муравьеву. Все пойдетъ хорошо! Развѣ не подойдетъ ли на помощь Бесѣдѣ главная армія? О, тогда.... я вижу.....

Мятется сонмъ—но вдругъ, трикратно
Прокашлявши, встаетъ Шишковъ;
Шишковъ, отъ чьихъ *рѣчей* зѣваютъ,
Кого читатели не знаютъ,
Но знаетъ бѣдный Глазуновъ;
Плохой онъ критикъ, *Краснословъ* **).

*) И. М. Муравьева—Апостола.

**) См. *Переводъ двухъ статей* изъ Лагарпа.

Писалъ о здравомъ вкусѣ, слогѣ;
Но вкуса никогда не зналъ;
И правилъ языка въ Прологѣ,
Въ Минеи-Четіихъ искалъ.
Встаетъ – въ молчаніи глубокомъ
Благоговѣютъ всѣ предъ нимъ.
Вращая всюду мрачнымъ окомъ,
Въ церковномъ слогѣ и высокомъ,
Гласитъ къ сочленамъ онъ своимъ:
«Воспряньте, други, отъ покоя!
«Насталъ бо лютой распри часъ!
«На толь сію Бесѣду строя,
«Въ едину *куну* собралъ васъ;
«На толь я трудъ подъялъ кровавый,
«Искавъ отъ чтеній нашихъ славы,
«Да юноши ничтожатъ насъ!» и *проч.*

Шутки въ сторону: теперь не съ кѣмъ почти и сражаться. Раздоръ въ станѣ Аграмантовомъ; лазутчики доносятъ, что Шишковъ, сдѣлавшись президентомъ Академіи, хочетъ соединить съ нею Бесѣду; а Державину это очень не пріятно. Кстати о нашемъ Гораціи. Вамъ понравился анекдотъ мой, но я все не досказалъ вамъ. Онъ вздумалъ формально разсердиться на меня и даже жаловаться за то, что я кой-кому показывалъ его замѣчанія на возвращенной мнѣ книжкѣ. Quantum mutatio ab illo!

Напрасно вы, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичь, возлагаете на меня двойной грѣхъ: будетъ и того, что я вамъ скучаю своими письмами, — за что же надоѣдать ими вашей княгинѣ? Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать ей усерднѣйшее мое почтеніе и поздравить съ наступающимъ новымъ годомъ, съ которымъ и васъ также поздравляю. Сдѣлайте милость, напомните обо мнѣ Екатеринѣ Андреевнѣ и Николаю Михайловичу(*); я самъ еще не довольно наглъ, чтобы писать къ нему, но крайне желаю его видѣть. Онъ началъ было со мною въ деревнѣ важный для невѣжества моего разговоръ о Славянскомъ языкѣ; но скорой отъѣздъ мой изъ Москвы, а потомъ проклятые Французы помѣшали концу.

Прощайте, любезнѣйшій вождь и сподвижникъ; позвольте мнѣ отложить въ сторону всѣ церемоніи и братски обнять васъ.

P. S. Посылаю вамъ стихи Пушкина и еще, чтобы чѣмъ нибудь наградить васъ за *Приказъ старостѣ*, прекрасные

(*) Карамзинымъ.

стихи милаго нашего Батюшкова въ альбомъ гр. Салтыковой. Грамматинъ не удостоилъ меня присылкою своего одопѣнія, но я постараюсь доставить его и пришлю къ вамъ. Vale.

2.

25 Іюня 1814 г. Спб.

Я столько у васъ въ долгу, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичь, что право не знаю, какъ и выплатиться. Вы показываете прекраснѣйшій примѣръ какъ должно обходиться и съ неисправными своими друзьями. Вы осыпаете меня самыми пріятными письмами и подарками, а я между тѣмъ, подобно великому Тургеневу, отвѣчаю вамъ—*благороднымъ молчаніемъ*. Не думайте однакожъ, чтобъ это было слѣдствіемъ лѣни. Жестокая и продолжительная болѣзнь такъ меня изнурила, такъ высушила мозгъ мой, что я почти не въ состояніи сообразить двухъ мыслей и столько же сталъ бѣденъ ими, какъ бы Глинка или Шаликовъ. Вы будете имѣть маленькое понятіе о плачевномъ моемъ

состояніи, когда скажу вамъ, что и глупости милыхъ *сословесниковъ* нашихъ едва могутъ разсмѣшить меня.

Примите искреннѣйшую благодарность мою на всѣ ваши извѣстія о Московскомъ праздникѣ, а особливо за сообщеніе прекрасныхъ стиховъ Николая Михайловича и вашихъ. Надпись къ бюсту и польской доставили мнѣ величайшее удовольствіе; и я, читая ихъ, чувствовалъ, что вкусъ не совсѣмъ еще оставилъ меня въ дремучемъ лѣсу здѣшней литературы—и я былъ нѣкогда въ Аркадіи! ([18]) Болѣе всего вѣрно польститъ

([18]) См. Описаніе праздника, даннаго въ Москвѣ 19 мая 1814 г. обществомъ благородныхъ людей, по случаю взятія Россійскими войсками Парижа Соч. *А. В . . . мъ*. М. 1814. 4°. (Чертк. библ. А. II. $^{2}/_{14}$). Торжество происходило у Калужскихъ воротъ, въ домѣ Д. М. Полторацкаго. Подъ изваяніемъ императора Александра огненными буквами, горѣли извѣстные стихи, сочиненные кн. П. А. Вяземскимъ:

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,
Какой вѣнецъ ему? Какой ему алтарь?
Вселенная! пади предъ нимъ, онъ твой спаситель;

вашему самолюбію, что сіи двѣ, подлинно прекрасныя, піесы возжгли духъ ревности и зависти въ сердцахъ Бесѣдчиковъ, а особливо Шаховскаго. Критическія замѣчанія его достойны его таланта. Напримѣръ, онъ находитъ, что въ надписи 1-й стихъ есть вставочный и прибранъ единственно для римфы къ 3-му: какова его проницательность! Стихи Ник. Мих. не имѣли также счастія понравиться сему грозному Аристарху; онъ даже нападаетъ на прекрасную и трогательную строфу: *Отецъ, пусть бури міръ волнуютъ*! и пр. Какъ послѣ этого дивиться, что я такъ часто страдаю желчною лихорадкою! За то Шаховскому съ братіей чрезвычайно нравятся псалмопѣнія здѣшихъ римфачей и прозаиковъ—такъ и должно.

Qui Bavium non odit, amet tua carmina, Mevi.

Россія, имъ гордись. — Онъ сынъ твой, онъ твой царь!

Стихи Карамзина называются: *Освобожденіе Европы и Слава Александра I. Посвящено Московскимъ жителямъ* (Соч. Карамз., изд. 1814 I, 309—328). Стихъ, упоминаемый Д. В. Дашковымъ, находится въ 2-й строфѣ. *П. Б.*

Не знаю, прислалъ ли вамъ другъ нашъ Воейковъ новое свое посланіе къ вашему покорному слугѣ. Правда, онъ начинаетъ съ меня и меня перваго дурачитъ, но я прощаю ему отъ всего сердца за добрыя батожья, которыми наказалъ онъ многихъ—къ несчастію не всѣхъ—клевретовъ Шаховскаго. Явленіе Славенофила безподобно. Стихи очень хороши, а при томъ очень живо и вѣрно изображаютъ отличительныя черты каждаго лица. Есть ли у васъ нѣтъ сего посланія, то я пришлю его къ вамъ при первомъ удобномъ случаѣ. Смѣхъ всего полезнѣе на свѣтѣ и удивительно какъ помогаетъ сваренію желудка: счастливъ, кто не лишенъ способности смѣяться!

О странствующихъ рыцаряхъ нашихъ давно не имѣю никакого извѣстія. Послѣднее письмо отъ Сѣверина было изъ Парижа, куда они съ посломъ своимъ выѣхали на встрѣчу государю; теперь они вѣрно опять въ Лондонѣ. Отъ Батюшкова не было сюда ни одной грамотки со времени перехода за Рейнъ—вотъ уже ровно полгода. Одинъ изъ его пріятелей написалъ къ Гнѣдичу вскорѣ

по занятіи Парижа, что Батюшковъ тамъ, здоровъ и веселъ, и что черезъ три дни отправляется оттуда въ Петербургъ. Но вотъ и ополченіе наше возвратилось, всѣ волонтеры и многіе изъ армейскихъ также, мы видѣли ихъ вшествіе.

Пылью панцыри покрыты,
Шлемы лаврами обвиты.....
Гдѣ жь, Людмила, твой герой?

А Людмила ждетъ, пождетъ..... и милой нашъ поненька пропалъ безъ вѣсти, какъ женихъ ея. Можетъ быть, не залетѣлъ ли онъ опять, по дорогѣ, въ Ригу, къ своей нѣмкѣ, на старое пепелище? Какъ вы думаете?

Письмо о Московскомъ праздникѣ тотчасъ было мною послано къ издателю Сына Отечества и, по увѣдомленію его, уже напечатано. Каково напечатано, ради Бога у меня не спрашивайте: со времени проклятаго письма Муравьева о словесности, отъ котораго, точно у меня желчь разлилась въ первый разъ, я не беру въ руки его пасынка. Знаю только, что издатель унесъ у меня почти насильно присланные ва-

ми стихи ваши и Пушкина *) и хотѣлъ помѣстить ихъ въ своемъ журналѣ. Вы будете меня бранить за это и по дѣломъ! Но право, я въ то время былъ боленъ, слабъ, и никакъ не могъ отъ него отбожиться, тѣмъ болѣе, что стихи сіи уже напечатаны.

Прощайте, любезнѣйшій князь, будьте здоровѣе меня и не забудьте обѣщанія вашего заѣхать на часокъ въ Петербургъ.

Весь вашъ навсегда
Дашкова.

Княгинѣ вашей, Екатеринѣ Андреевнѣ и Николаю Михайловичу покорно прошу засвидѣтельствовать усерднѣйшее мое почтеніе.

Сейчасъ Гнѣдичь сказывалъ мнѣ, что Батюшковъ въ Лондонѣ: онъ получилъ черезъ одного Англинскаго купца его руки росписку, по которой долженъ заплатить за него деньги. Но впрочемъ, ни къ кому ни полслова. Это только на Батюшкова и похоже! — Не зная, гдѣ теперь Пушкинъ, покорно прошу васъ о доставленіи ему моего письма.

(*) Василія Львовича.

3.

26-го Ноября 1815. Спб.

Ради величественнаго Арзамазскаго гуся не сердитесь на меня, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичь, за неисправность мою въ перепискѣ съ вами. Во всякомъ другомъ случаѣ и во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ она была бы совершенно непростительна: но теперь вы должны только жалѣть обомнѣ, бѣдномъ мученикѣ Ѳемиды и Комитета. По чести, ежели собачья жизнь моя еще продолжится, то небольшой участокъ здраваго смысла, доставшійся мнѣ отъ природы (отъ сей природы, которая такъ щедра къ вамъ, любезнѣйшій князь, и къ любезнымъ Арзамазцамъ, и такъ скупа къ Бесѣдчикамъ) скоро выдохнется, улетитъ на луну, и мнѣ тогда уже не миновать сотрудничества. Шутки въ сторону, пріѣздъ государя и очистка дѣлъ такъ много доставили мнѣ работы, не всегда пріятной, что я едва успѣваю бывать въ Арзамасѣ, въ этой милой отчизнѣ, гдѣ мы всегда объ васъ вспоминаемъ. Какое бы для васъ обиль-

ное поле! Секретарь нашъ Свѣтлана *), который какъ будто бы нарочно сотворенъ для сего званія, вѣрно увѣдомилъ уже васъ, что въ самое первое собраніе вы избраны par acclamation сочленомъ нашимъ: слѣдовательно я не нарушу ужасной присяги нашей, говоря съ вами откровенно. Изъ великодушія и чистѣйшей любви къ ближнимъ (хотя ближніе сіи часто бываютъ черезъ-чуръ глупы) мы положили, чтобы каждой новопринимаемый членъ выбиралъ для первой рѣчи своей одного изъ живыхъ покойниковъ Бесѣды или Академіи *заимообразно и на прокатъ* и говорилъ бы ему похвальную надробную рѣчь. До сихъ поръ такихъ мертвецовъ отпѣто у насъ пять, и Свѣтлана превзошла сама себя, отпѣвая пѣтаго и перепѣтаго Хлыстова. То-то была рѣчь! То-то протоколы! За чѣмъ васъ нѣтъ съ нами! Очередной предсѣдатель у насъ всякую недѣлю новый, и по имянному указу, какъ въ Академіи — отвѣчаетъ оратору пристойнымъ привѣтствіемъ, въ *которомъ искусно мѣшаетъ похвалы*

*) Жуковскій.

ему съ похвалами усопшему (выраженія церемоніала) Опять новое торжество для Свѣтланы! Ей пришлось принимать Громобоя-Жихарева, который, бывши прежде сотрудникомъ Бесѣды, долженъ былъ по общему нашему постановленію отпѣвать самъ себя. Поле было конечно богатое, но исполненіе превзошло ожиданія наши. Атрей представленъ былъ въ видѣ *нѣкоего царственнаго волдыря* на лицѣ бывшаго поганаго Бесѣдчика, а остальныя 27 трагедій, комедій, трагикомедій, драмъ, оперъ и водевилей, сочиненныя и переведенныя имъ, представлены волдырьками и сыпью, окружающими большой наростъ. Словомъ, было чего послушать. Неоцѣненный секретарь нашъ не даромъ жилъ такъ долго съ Плещеевымъ, и удивительно какъ навострился въ галиматьѣ. Любимое его выраженіе: Арзамазская критика должна ѣхать верхомъ на галиматьѣ. Судите о прочемъ. Пріѣзжайте скорѣе къ намъ, хоть недѣли на двѣ. Выберите себѣ по сердцу покойника и похороните его съ миромъ въ стекляномъ гробѣ нашемъ.

Теперь только вспомнилъ я, что еще

не благодарилъ васъ за два пріятнѣйшія письма ваши и за прекрасныя эпиграммы, которыя совершенно похожи на золотое копье Аргаилово: онѣ вышибаютъ изъ сѣдла всѣхъ противниковъ нашихъ съ перваго раза. Помилуйте, какіе это *пожички*. Тупая сабля моя передъ ними хуже деревянной сабли италіянскаго Арлекина; но такъ и быть! Я бью враговъ Арзамаса чѣмъ ни попало. Не сердитесь на насъ, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичь, за то, что прекрасныя эпиграммы ваши до сихъ поръ не напечатаны: съ львиною силою надобно намъ имѣть и мудрость зміи, и мы выжидаемъ удобнаго времени. Nous avons eu affaire à une bien forte partie, — но теперь слава Арзамасу! Враги наши растоптаны и грызутъ только нашу пяту. Много, много и вы намъ способствовали: всѣ вытвердили наизусть поэтической вѣнокъ вашъ, и самъ Картузовъ долженъ былъ хвалить его. Но вы что-то забыли сѣдаго дѣда; представьте, что послѣ перваго представленія *Комедіи противъ комедіи*, Хлыстовъ ухватилъ за руку сочинителя — котораго неизвѣстное намъ имя Загоскина мы пере-

мѣнили въ Гвоздушкина — и потащилъ его въ директорскую ложу, гдѣ во всей славѣ сидѣлъ Мѣшковъ (*), и представилъ молодца, какъ ниспосланнаго съ небесъ мстителя. Мѣшковъ, puisque Мѣшковъ ily a, вскочилъ, принялъ мстителя съ распростертыми объятіями и обѣщалъ ему первую вакансію сотрудника въ Бесѣдѣ; но тотъ корячится и хочетъ пролѣзть прямо въ члены. Благородное честолюбіе! Нельзя ли вамъ, любезнѣйшій сочленъ, достойно воспѣть все это? Жуковскій то и дѣло твердитъ: ей, быть Бесѣдіадѣ!

Простите, любезнѣйшій князь, будьте здоровы и счастливы, веселитесь въ Москвѣ, но ради Арзамаса пріѣзжайте къ намъ поскорѣе, хоть на нѣсколько дней; привезите намъ еще нѣсколько *дней* вашего сотворенія. Намъ въ хорошихъ стихахъ, каковы ваши, большая нужда. Жуковскій излѣнился и безъ васъ ничего писать не хочетъ... Сѣверинъ на сихъ дняхъ къ намъ пріѣхалъ, но все еще кружится съ утра до вечера. Онъ будетъ къ вамъ писать непремѣнно,

(*) Шишковъ.

какъ скоро удосужится, а между тѣмъ поручилъ мнѣ крѣпко, крѣпко обнять васъ. Позвольте мнѣ и за себя это исполнить, и увѣрить васъ снова въ искреннѣйшей сердечной моей къ вамъ преданности.

Вашъ на всегда
Дашковъ.

Покорнѣйше прошу васъ засвидѣтельствовать княгинѣ вашей мое почтеніе, а Катеринѣ Андреевнѣ и Николаю Михайловичу сердечное участіе, съ которымъ узналъ я объ ихъ потерѣ. Вотъ истинныя несчастія! Какъ сладко быть отцемъ семейства, но какъ тяжело потерять то, что̀ намъ всего милѣе! Я очень это чувствую. Письмо Ник. Мих. къ Тургеневу до слезъ меня тронуло: какъ видна въ немъ прекрасная душа его! Но онъ и въ горести своей имѣетъ вѣрную отраду.

Къ любезнѣйшему Василью Львовичу буду писать на слѣдующей недѣлѣ. Теперь право не возможно. Мысленно его обнимаю. Я потерялъ вашъ адресъ, и посылаю сіе письмо чрезъ Пушкина. Пожалуйста, пришлите мнѣ новый адресъ.

IV. ПИСЬМА СИЛЬВІО ПЕЛЛИКО И ВАРНГАГЕНА ФОНЪ-ЭНЗЕ.

I.

Excellence.

De grands afflictions m'ont éprouvé, depuis le jour où j'ai eu l'honneur de connaitre en vous le plus aimable des princes. Dieu m'a ôté ma mère et, quelque tems après, mon père! J'avais été si heureux avec mes parens, leurs ames étaient si élevées et si aimantes, que leur perte—et surtout si rapprochée—a été pour moi un double coup, on ne peut pas dire plus terrible. Ma santé en a souffert, et ce n'est que depuis les chaleurs que je me sens passablement. Que cela explique à votre excellence comment, voulant toujours lui écrire, je ne l'ai pas fait jusqu'à ce jour. Que de graces n'ai-je pas à vous rendre, monsieur, de ce que vous avez daigné vous souvenir de moi en Russie et m'envoyer les traductions russes de *Mie Prigioni* et des *Doveri degli uomini!* Ce don a non seulement flatté mon amour-propre, mais il m'a fait plaisir comme un té-

moignage touchant de votre extrême bonté. Cette bonté habituelle vous aura fait deviner que si je tardais à vous remercier, ce ne pouvait pas être par ingratitude, mais par des malheurs et des maladies. Veuillez en agréer maintenant l'assurance la plus sincère.

L'heureux voyageur qui vous présentera ma lettre est un illustre savant de mes amis, le professeur Baruffi, très profond dans les sciences physiques et d'une instruction générale fort vaste. Il entreprend tous les ans quelque voyage, et cette année sa course a été chez vous. Si j'avais pu l'accompagner, j'aurais admiré très volontiers une infinité de choses dans ce grand pays du nord, mais surtout j'aurais été enchanté de revoir votre excellence, dont je conserve le souvenir le plus respectueux et le plus reconnaissant. J'ai l'honneur d'être

votre très humble et très obligé serviteur Silvio Pellico.

Turin, 10 août 38.

Переводъ. Ваше сіятельство. Съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ честь узнать въ васъ любезнѣйшаго изъ князей, меня постиг-

ли великія горести. Богъ взялъ у меня мою мать, и потомъ, черезъ нѣсколько времени, отца. Я былъ такъ счастливъ въ моихъ родителяхъ, души ихъ были столь любящія и возвышенныя, что эти утраты, и въ добавокъ столь быстро одна за другою слѣдовавшія, были для меня двойнымъ, несказанно страшнымъ ударомъ. Здоровье мое отъ того пострадало, и лишь съ наступленіемъ жаркой погоды я нѣсколько поправился. Вотъ причина, по чему, при всемъ желаніи, я до сихъ поръ не писалъ къ вашему сіятельству. Какъ много благодаренъ я вамъ за то, что вы, въ Россіи, почтили меня воспоминаніемъ, и что прислали мнѣ Русскіе переводы *Моихъ Темницъ и Объ обязанностяхъ людей*! Подарокъ этотъ не только польстилъ моему самолюбію, но и доставилъ мнѣ удовольствіе, какъ трогательный знакъ вашей чрезвычайной доброты. Привыкнувъ руководиться сею послѣднею, вы конечно догадались, что, если я медлилъ выраженіемъ моей благодарности, то не потому, чтобы ея не чувствовалъ, но по причинѣ несчастій и болѣзней. Примите теперь увѣреніе въ моей искреннѣйшей признательности.

Счастливый путешественникъ, который подастъ вамъ это письмо, есть другъ

мой, ученый и славный профессоръ Баруффи, съ глубокими познаніями въ наукахъ естественныхъ и съ общимъ обширнымъ образованіемъ. Онъ каждый годъ предпринимаетъ какое нибудь путешествіе и теперь ѣдетъ къ вамъ. Если бы я могъ ему сопутствовать, то какъ охотно подивился бы безконечному разнообразію предметовъ въ этой великой странѣ сѣвера, и въ особенности былъ бы счастливъ свиданіемъ съ вашимъ сіятельствомъ, оставившимъ во мнѣ почтительнѣйшее и признательнѣйшее воспоминаніе.

Имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ и обязаннѣйшимъ слугою *Сильвіо Пеллико*

Туринъ 10 авг. 1838.

Сильвіо Пеллико (1789 — 1854) — итальянскій поэтъ, столько же извѣстный своими сочиненіями какъ и восьмилѣтнимъ заключеніемъ (1822—1830) въ разныхъ темницахъ, коему подвергало его Австрійское правительство за патріотическое направленіе его произведеній. Въ то время, когда писано это письмо, онъ уже давно жилъ на свободѣ, въ Туринѣ, частнымъ библіотекаремъ, прославленный во всемъ образованномъ мірѣ двумя книгами *Объ обязанностяхъ людей*, и затѣмъ *Мои Темницы*. Обѣ онѣ вышли на Русскомъ языкѣ

въ Петербургѣ въ 1836 г. въ переводахъ, первая, если не ошибаемся, г-на Евгр. Серчевскаго, а вторая С. Н. Дирина. Пушкинъ въ своемъ *Современникѣ* (1836, ч. 3-я) сказалъ нѣсколько задушевныхъ словъ по поводу этихъ переводовъ. „Сильвіо Пеллико, говоритъ онъ между прочимъ, получа свободу, издалъ свои записки. Изумленіе было всеобщее: ждали жалобъ, напитанныхъ горечью,—прочли умилительныя размышленія, исполненныя яснаго спокойствія, любви и доброжелательства". Не знаемъ, дошли ли до Сильвіо Пеллико строки Пушкина. *П. Б.*

2.

Mon prince! Votre aimable et obligeante lettre du $^{11}/_{23}$ mai m'a été remise par mr. Popoff il y a quinze jours, et je ne dois pas vous laisser ignorer combien votre bienveillant souvenir m'est cher et précieux; veuillez agréer l'expression de ma plus vive reconnaissance! J'ai revu mr. Popoff une seconde fois, et quoiqu 'il ait peu parlé, sa maniere de s'exprimer et sa physionomie spirituelle ont pleinement confirmé tout ce que vous en dites de favorable dans votre lettre. Je souhaite de tout mon coeur de pouvoir lui être utile pendant son séjour de Berlin, mais je crains d'en

trouver rarement l'occasion, car ma vie se rétrécit de plus en plus: je ne sors que très peu, et je n'ose pas inviter du monde chez moi parceque je ne suis jamais assez sûr de moi-même! Les maux dont je souffre depuis quelques années ont été malheureusement augmentés l'été passé par des bains que le docteur Balling à Kissingen s'est obstiné à me faire continuer malgré leur mauvais effet; j'ai fini par ne plus pouvoir marcher, et encore à présent je me sens pris de vertiges, dès que je mets le pied dehors. Dans ma chambre je me promène beaucoup et sans inconvénient, et je suis trop heureux de me voir conservé la faculté de m' occuper comme auparavant, sans quoi mon existence serait bien à plaindre!

Vous aussi, mon cher prince, votre lettre en fait foi, vous passez des jours tristes et remplis d'amers souvenirs! Hélas, ces pertes que nous éprouvons par le départ des personnes les plus chéries, nous détachent d'une vie qui ne semble plus être qu'un faible reflet de ce qu' elle a été! Mon coeur aussi, soyez en bien persuadé, gardera toujours un souvenir

affectueux et tendre de votre charmante et innocente Nadine. Que d' agréables et douces journées nous avons passées ensemble! Elle était si heureuse auprès de son excellente mère; elle jouissait si paisiblement des commencements de la vie!

Je m'accuse d'avoir beaucoup négligé, dans ce dernier temps, mes études russes;cependant j'espère y retourner promptement dès que respirerai un peu d'un travail qui m' a dû occuper pendant plusieurs mois presque exclusivement; mon ardeur et mon zèle ne sont nullement amoindris. J'aime votre langue et j'admire vos poëtes tous les jours davantage. Vous m'avez fait un bien vif plaisir par l'envoi de vos vers charmants et harmonieux. Je les sais dejà par coeur comme ceux que vous avez faits à Brighton en 1838 et qui m'ont toujours parû de la plus heureuse expression!

Vous aurez quelque intérêt à lire un passaged'une lettre que je viens de recevoir de Th. Carlysle où il s' explique sur le compte de la Russie d'une manière remarquable. Il est question de mes Mémoires et Mêlanges, et voici ce qu' il dit:« Your russian Rastoptchin is a ter-

rible fellow; a man in the style of Michael Angelo! One begins to understand how what I often calle «dumb Russia„ may be a kind of dumb Rome, one of the greatest phenomena on the earth present, with such souls in it here and there. We have to thank you, at least I have, for shewing us a glimpse of actual Russia face to face for the *first* time. By your help I got a real direct look at the wild poet-soul, Puschkin, and said to myself: Yes, there is a russian man of genius; for the first time I *see* something of the Russians! We begin here, the better heads of us, to have a certain true respect for Russia with all its „barbarism" real and imaginary; to understand that tho' the Russsians have all journalists in the world against them, they have nature, nature's laws and God Almighty partly in their favour! Man can drill wild savage peoples and tame waste continents, tho' they cannot write journalists articles. What a contrats with our french friends ! They can prove by the precisets logic before all men that they were, are and probably will always be in possession of the true light: *voilà*, this is the key to all arcana,

this of ours. And then take a look at them in Algier and elsewhere!"

J'ai une prière à vous faire, mon cher prince! J'ai commencé á recueillir des autographes d'hommes célèbres; oserai-je espèrer d'obtenir, par votre bienveillante entremise, quelques lignes d'écriture de Puschkin, Lermontoff, Kriloff, Jasükoff, Bestujeff, Gogol, de la comtesse Rostoptchin etc. etc. peut-être aussi de quelques généraux et hommes d'état? La signature de Pierre le Grand n'est probablement pas si facile à trouver pour que je pourrais me permettre d'y prétendre! De vous-même je possède votre lettre et un ancien billet, que j 'ai conservé; cependant ce serait bien aimable de votre part si vous vouliez bien me donner votre écriture russe, deux lignes de vers seulement et votre nom! Pardonnez mon indiscrete avidité!

Veuillez, mon prince, me rappeler au souvenir de madame la princesse et l'assurez de mes hommages respectueux, de ma sympathie dévouée! Que le Ciel verse ses plus saintes consolations sur les douleurs dont elle et vous ont été affligés!

Agrée, mon prince, l'expression réi-

térée de ma vénération profonde et de l'attachement fidèle avec le quel je suis, mon prince, votre devoué

Varnhagen d' Ense.

Berlin, ce 4 janvier 1843

Переводъ. Князь! Недѣли двѣ тому назадъ г. Поповъ передалъ мнѣ ваше любезное и обязательное письмо отъ $^{11}/_{23}$ мая, и я долженъ довести до вашего свѣдѣнія, какъ мнѣ дорого и цѣнно ваше благосклонное воспоминаніе: примите выраженіе живѣйшей моей признательности. Г. Попова я видѣлъ еще разъ, и хотя онъ не многорѣчивъ, но судя по оборотамъ его рѣчи и по умному его лицу, я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ добрымъ о немъ мнѣніемъ, которое выражено въ вашемъ письмѣ. Отъ всего сердца желаю быть ему полезнымъ во время его житья въ Берлинѣ; но боюсь, что мнѣ рѣдко представится къ тому случай, такъ какъ жизнь моя все болѣе и болѣе съуживается: я очень мало выхожу и не смѣю приглашать гостей, не будучи никогда вполнѣ надеженъ относительно самого себя! Недуги, коими я страдаю нѣсколько лѣтъ, по несчастію усилились прошлымъ лѣтомъ вслѣдствіе купаній, которыя

докторъ Баллингъ въ Киссингенѣ упрямо заставлялъ меня продолжать, не взирая на дурное ихъ дѣйствіе: въ заключеніе, я лишился было способности ходить, и теперь еще чувствую головокруженіе, коль скоро выхожу изъ дому. Въ комнатѣ я прохаживаюсь много и совершенно свободно. Крайне счастливъ, что могу еще заниматься по прежнему; иначе, существованіе мое было бы жалкое!

Вы также, любезный князь, судя по письму вашему, проводите дни грустные и исполненные горькихъ воспоминаній! Увы, эти утраты, причиняемыя кончиною дорогихъ людей, отвращаютъ насъ отъ жизни, и она становится въ глазахъ нашихъ не болѣе, какъ блѣднымъ отраженіемъ былаго! Повѣрьте, что и я сохраняю въ сердцѣ моемъ трогательное и нѣжное воспоминаніе о вашей прелестной и чистой Надинѣ. Сколько пріятныхъ, тихихъ дней провели мы вмѣстѣ! Она была такъ счастлива съ достойною своею матерью; она такъ мирно наслаждалась начатками жизни (1)!

---

(1) Княжна Надежда Петровна Вяземская род. 1822, сконч. 1840 г. въ Баденѣ см. „Въ дорогѣ и дома,“ собраніе стихотвореній кн. II А. Вяземскаго, М. 1862, стр. 141—142.

Виню себя въ томъ, что послѣднее время мало занимался русскимъ языкомъ; однако надѣюсь возвратиться скоро къ этимъ занятіямъ, отдохнувъ не много отъ одного труда, которому въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ я долженъ былъ отдаться почти исключительно. Охота и усердіе мое нисколько не ослабли; я люблю вашъ языкъ, и съ каждымъ днемъ болѣе любуюсь вашими поэтами. Вы доставили мнѣ живѣйшее удовольствіе присылкою вашихъ прелестныхъ и гармоническихъ стиховъ. Я уже знаю ихъ наизустъ, какъ равно и тѣ, которые вы сочинили въ Брайтонѣ въ 1838 г., и которые всегда казались мнѣ наиболѣе удачными по выраженію (2).

Вамъ любопытно будетъ прочесть отрывокъ изъ письма, полученнаго мною отъ Т. Карлиля. Замѣчателенъ его отзывъ о Россіи. Вотъ что онъ говоритъ (по поводу моихъ Записокъ и Смѣси) 3): „Вашъ русскій Ростопчинъ ужасъ что за человѣкъ. Это фигура въ родѣ Микель-анджеловскихъ. Начинаешь догадываться, что эта *нѣмая Россія* (какъ я часто называю ее), съ подобными людьми, ко-

(2) См. также стр. 212.

(3) Denckwürdigkeiten und vermiſchten Schriften, гдѣ есть статьи о Пушкинѣ и гр. Ростопчинѣ.

торыхъ она по временамъ обнаруживаетъ, есть можетъ быть нѣчто въ родѣ *нѣмаго Рима*, — одно изъ величайшихъ явленій теперешняго міра (4). Мы васъ должны благодарить, по крайней мѣрѣ я долженъ, за то, что вы дали намъ возможность впервыя бросить взлядъ въ лице настоящей Россіи. По вашей милости я могъ прямо и вѣрно посмотрѣть на эту дикую, поэтическую душу, на Пушкина. Я сказалъ самому себѣ: „Да, есть Русскій геніальный человѣкъ; въ первый разъ я вижу кое что отъ Русскихъ. "Мы здѣсь, лучшія головы между нами, начинаемъ чувствовать нѣкоторое истинное уваженіе къ Россіи, со всѣмъ ея „варварствомъ" дѣйствительнымъ и воображаемымъ;начинаемъ понимать, что хотя бы Русскіе имѣли противъ себя всѣхъ журналистовъ въ мі-

(4) Читатели вспомнятъ подобное же сопоставленіе въ прекрасномъ отрывкѣ Гоголя: Римъ. Эта таинственная будущность Россіи и въ тоже время ея живое отношеніе къ завѣтной старинѣ долго и много занимали Гоголя. Что касается до Карлиля, то его сочувственное отношеніе къ намъ выразилось еще недавно въ извѣстномъ отзывѣ, что Русскій народъ, во дни освобожденія отъ крѣпостной зависимости, своимъ спокойствіемъ уподобляется Тихому океану. *П. Б.*

рѣ, но на ихъ сторонѣ природа, законы природы и отчасти всемогущество Божіе. Человѣкъ можетъ обучить дикія племена и подчинить себѣ пустынныя пространства, не умѣя писать журнальныхъ статей. Какая противоположность съ нашими французскими друзьями! Тѣ могутъ точнѣйшимъ, логическимъ образомъ доказать передъ всѣми людьми, что они всегда обладали, обладаютъ и вѣроятно будутъ обладать истиннымъ просвѣщеніетъ. *Voilà*, у нихъ ключь ко всякой тайнѣ; это тоже и по нашему (5) А тамъ посмотрите на нихъ въ Алжиріи и въ другихъ мѣстахъ!„

У меня до васъ просьба, любезный князь. Я началъ собирать автографы знаменитыхъ людей. Смѣю ли надѣяться, черезъ ваше благосклонное посредство, получить по нѣскольку строкъ руки Пушкина, Лермонтова, Крылова, Языкова, Бестужева, Гоголя, граф. Ростопчиной и пр. а также, можетъ быть, кого нибудь изъ генераловъ и государственныхъ людей? Подпись Петра Великаго, по всему вѣроятію, трудно будетъ сыскать, и я не льщу себя надеждою получить ее. Вашей руки у меня сохраняется письмо и

(5) Въ подлинникѣ не совсѣмъ ясныя слова *this of ours*.

старинная записка; но было бы весьма любезно съ вашей стороны, если бы вы благоволили прислать мнѣ русскій вашъ автографъ, строки двѣ стиховъ, съ вашею подписью. Простите мнѣ нескромную жадность.

Прошу васъ, князь, напомнить обо мнѣ княгинѣ и удостовѣрить ее въ моемъ почтеніи, преданности и сочувствіи. Въ постигшихъ ее и васъ горестяхъ да пошлетъ вамъ Небо свои святѣйшія утѣшенія!

Примите, князь, еще разъ увѣреніе въ глубокомъ почитаніи и вѣрной привязанности, съ коими и пр. вашъ преданный *Фарнгагенъ фонъ-Энзе.* Берлинъ 4 янв. 1843 года.

Славный нѣмецкій писатель, критикъ и біографъ Варнгагенъ фонъ-Энзе былъ истиннымъ кладомъ для Русскаго путешественника въ Берлинѣ. При враждебномъ къ Россіи настроеніи Нѣмецкой *журнальной* словесности, которая ежедневно преслѣдовала Русскаго человѣка, и за кофеемъ, и за обѣдомъ, и за вечернимъ пивомъ, во всѣхъ гостинницахъ и кондитерскихъ ,отрадно бывало поговорить съ человѣкомъ высшей, классической образованности, горячимъ патріотомъ и, не смотря на то, внимательно и доброжелательно относившимся къ нашему отечеству. Въ молодости своей онъ сражался за независимость Германіи отъ Наполенова ига подъ одними знаменами съ Рус-

скими людьми, и содѣйствіе Русскихъ не только не озлобляло его, какъ многихъ его соотечественниковъ, напротивъ какъ бы обязывало къ сочувственному изученію Россіи. Я пришелъ къ Варнгагену, лѣтомъ 1858 г., безъ всякаго письма; вошедши просто объявилъ, что я Русскій путешественникъ и знаю, что онъ занимался Русскою словесностью. Этого было достаточно, чтобы въ теченіи мѣсяца мнѣ бывать у него почти ежедневно. По русски Варнгагенъ не говорилъ, но Россія была постояннымъ предметомъ нашихъ разговоровъ. Ему уже было слишкомъ 70 лѣтъ, и онъ постоянно лежалъ на диванѣ; но мысли и разговоръ его отличались бодрою свѣжестью, и съ вечернихъ бесѣдъ его мнѣ посчастливилось выносить гораздо болѣе, нежели съ историческихъ лекцій Берлинскаго университета. Онъ еще выписывалъ Русскія книги, и прощаясь со мною, сказалъ: Auf Wiedersehen, trotz meinen Jahren! (т. е до свиданія не смотря на мои лѣта) Но на обратномъ пути моемъ черезъ Берлинъ, въ ноябрѣ 1858 г. его уже не было въ живыхъ.

Любилъ онъ нашу рѣчь и, поздній ученикъ,
Онъ въ трудности ея и таинства проникъ;
Онъ понялъ Русскаго стиха размѣръ и плавность
Онъ Пушкина любилъ и пылъ, и своенравность,
И въ душу вкрадчивый, задумчивый напѣвъ
Пѣвца, воспѣвшаго «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ».
За Русской мыслью онъ слѣдилъ: ея развитью

Сочувствовать умѣлъ, какъ свѣтлому событью
И вкладу новому въ сокровище временъ:
Онъ въ области ума не зналъ Китайскихъ стѣнъ.
(Въ дорогѣ и дома, стр. 103)

Мемуары (Denkwurdigkeiten) и Дневники (Tagebücher) Варнгагена фонъ-Энзе содержатъ въ себѣ любопытныя страницы и довольно важныя указанія для новѣйшей Русской исторіи. *П. Б.*

V. ПИСЬМО К. Н. БАТЮШКОВА.

Парижъ 17 мая 1814 г.

Милый, добрый, любезный другъ, ты имѣешь право сердиться на меня за мое молчаніе; я имѣю маленькое право: но простимъ великодушно другъ другу лѣнь и беззаботливость нашу. Дай себя обнять... и все забыто. По крайней мѣрѣ я съ моей стороны съ удовольствіемъ живѣйшимъ беру перо, чтобъ напомнить о себѣ. И виноватъ ли я въ самомъ дѣлѣ? Съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ Петербургъ, и, еще болѣе, съ тѣхъ поръ, какъ мы переступили за Рейнъ, ни одного дня истинно покойнаго не имѣлъ. Безпрестанные марши, биваки,

сраженія, ретирады, усталость душевная и тѣлесная, однимъ словомъ, вѣчное безпокойство: вотъ моя исторія. Замѣть однакоже, что при всякомъ отдыхѣ, я думалъ о тебѣ и о Россіи. Нѣтъ, милый мой Вяземскій, тѣсно связана жизнь наша, слишкомъ тѣсно, чтобъ когда либо мы могли забыть другъ друга. Вотъ мое извиненіе: твое я выслушаю въ Москвѣ или на берегахъ Невы, гдѣ Богу угодно будетъ назначить намъ свиданіе — столь желанное мною! Ни слова теперь не скажу о Парижѣ. Два мѣсяца я живу здѣсь, въ безпрерывномъ шумѣ и движеніи. На силу и теперь отдохнулъ во время моей болѣзни, которая меня передъ отъѣздомъ недѣлю продержала въ постели. Сѣверинъ меня часто посѣщалъ. Онъ сегодня отправился въ Лондонъ, куда и я намѣренъ ѣхать, если что важное не воспрепятствуетъ. Сѣверинъ добрый, любезный молодой человѣкъ; я его еще болѣе здѣсь полюбилъ. Съ нимъ-то мы часто бесѣдовали о тебѣ и часто вспоминали старину, Москву, Жуковскаго и все что̀ было и любитъ сердце.

Теперь, разбирая бумаги, я нахожу

записки мои; когда нибудь мы ихъ переберемъ вмѣстѣ, они тебѣ приписаны [1]). Вотъ доказательство, что я тебя помнилъ и посреди шуму военнаго. Сожалѣю отъ всей души, что ничего не успѣлъ написать о Парижѣ. Здѣсь что день, то эпоха. Но возможно ли было сообразить политическія происшествія, которыя тѣснились одно за другимъ? Можно ли было замѣчать мимоходомъ то, что̀ принадлежитъ исторіи; переходить отъ Брюне [2]) къ Наполеону; ибо и тотъ и другой меня интересовали одинаково, къ стыду моему. Прибавь къ этому безпокойнѣйшую жизнь офицера въ хаосѣ Парижскомъ, и ты конечно извинишь мою лѣность. Но еще разъ, и въ послѣдній, я съ удовольствіемъ воображаю себѣ минуту нашего соединенія: мы выпишемъ Жуковскаго, Сѣверина; возобновимъ старинный кругъ зна-

---

([1]) Записокъ этихъ не имѣю и никогда не видалъ. Не помню даже, чтобы послѣ, при свиданіи нашемъ, Батюшковъ мнѣ о нихъ говорилъ. *Кн. В.*

([2]) Славный комическій актеръ того времени.

комыхъ, и на пеплѣ Москвы, въ объятіяхъ дружбы, найдемъ еще сладостную минуту; будемъ разсказывать наши подвиги, наши горести, и, притаясь гдѣ нибудь въ углу, *мы будемъ чашу ликовую* передавать изъ рукъ въ руки... Вотъ мои желанія, мои надежды. Я забылъ, что океанъ раздѣляетъ насъ и что, можетъ быть, не ранѣе августа я могу возвратиться въ Петербургъ. Эта мысль меня печалитъ, отдыхъ мнѣ нуженъ, а болѣе всего твое утѣшительное дружество.

Прости мнѣ, милый другъ, что я не буду говорить съ тобой ни о Пантеонѣ, ни о Музеѣ; ты знаешь всѣ рѣдкости Парижа на перечетъ; ты знаешь подвиги наши по газетамъ и по одамъ графа Хлыстова. Съ тебя этого довольно. Я въ Парижъ въѣхалъ съ восхищеніемъ, и оставляю его съ радостію. Еще разъ обнимаю тебя отъ всей души; напомни обо мнѣ княгинѣ; напомни обо мнѣ почтенному семейству Карамзиныхъ; поздравь Николая Михайловича съ нашими побѣдами, и съ новыми матеріалами для исторіи. Я желаю, чтобъ Богъ продлилъ ему жизни для описанія

нынѣшнихъ происшествій—двойная выгода: у насъ будетъ прекрасная полная исторія, и Николай Михайловичь будетъ жить болѣе вѣка. Сколько матеріаловъ!..

Прости, будь щастливъ и помни.

Батюшкова.

Это письмо отдай Пушкиной ([3]); обними за меня Василія Львовича; скажи

([3]) Женѣ Алексѣя Михайловича Пушкина, собесѣдника и пріятеля нашего, блестѣвшаго остроуміемъ, парадоксами и оригинальностію понятій и сужденій своихъ, которыя онъ выражалъ равно оригинально, энергически и экцентрически. Для оцѣнки и возсозданія той эпохи, надобно когда нибудь обрисовать эту замѣчательную личность, которая выпукло выдавалась изъ среды общества, богатаго личностями. Слова Батюшкова о пророчествѣ относятся къ тому, что Пушкинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые сомнѣвались въ благополучномъ исходѣ отечественной войны. Солнцевъ былъ женатъ на одной изъ сестеръ В. Л. Пушкина. Не лишне здѣсь замѣтить, что стихи, на него написанные: „Жилъ да былъ пѣтухъ Индѣй-

мой душевный поклонъ его сестрицѣ и Солнцеву, и скажи Алексѣю Михайло-

---

ской" напрасно приписываютъ А. С. Пушкину. Они принадлежатъ Баратынскому. Вообще, въ посмертныхъ изданіяхъ Пушкина, а особенно въ заграничныхъ, много встрѣчается подобныхъ поклеповъ на память поэта. Въ отношеніи къ мертвымъ, должно поступать осторожно и добросовѣстно, а не на угадъ. Всякое нарушеніе этого правила, въ угоду и дань соблазну, есть своего рода святотатство. Между прочими примѣрами (хотя тутъ ничего нѣтъ предосудительнаго, а есть одна ошибка) многіе приписывали Александру Сергѣевичу стихи Алексѣя Михайловича Пушкина, напечатанные въ Вѣст: Европ: за подписью А. П. Въ Москвѣ разнесся слухъ, что взятъ былъ въ плѣнъ маршалъ Ней, пожалованный Наполеономъ I въ prince de la *Moskwa*. А. М. Пушкинъ по этому случаю написалъ:

Какое торжество мы приготовимъ Нею?—
Въ Москву-рѣку его опустимъ мы по шею,
И скажемъ: торжествуй, великій князь Москвы,
Въ владѣніяхъ своихъ ты съ ногъ до головы.

вичу, что онъ худой пророкъ; онъ это теперь и самъ чувствуетъ. Nul n'a été prophète dans son pays.

VI. ПИСЬМА ВЪ СТИХАХЪ В. А. ЖУКОВСКАГО.

1.

Preambule.

На этой почтѣ все въ стихахъ,
А низкой прозою ни слова!
Вотъ два посланья вамъ!— Обнова,
Которую для Музъ скроилъ я въ торопяхъ.
Одно изъ нихъ для васъ, а не для свѣта:
Въ немъ просто критика и запросто одѣта
Въ простой, нестихотворный слогъ!
Другимъ я отвѣчать хотѣлъ вамъ на посланья,
Въ надеждѣ заслужить рукоплесканья
Отъ всѣхъ, кому знакомъ Парнасскій богъ;
Но вижу, что меня попутала поспѣшность.
Въ моемъ посланіи великая погрѣшность!
Слогъ правиленъ и чистъ, но въ этомъ славы нѣтъ!
При васъ, друзья, писать нечистымъ слогомъ стыдно,

Но связи въ немъ не видно,
А видно, что спѣшилъ поэтъ!
Нѣтъ въ мысляхъ полноты и нѣтъ соединенья,
А кое-гдѣ есть повторенья!
Но такъ и быть!
„Бѣдой своей ума намъ можно прикупить!“
Такъ Дмитріевъ, пророкъ и вкуса и Парнасса,
Сказалъ давно!
И аксіомой быть для насъ теперь должно:
1 „Что̀ въ часъ сотворено,
„То не живетъ и часа!
2 „Лишь то, что̀ писано съ трудомъ, читать легко!
3 „Кто хочетъ вдругъ замчаться далеко,
„Тотъ въ хлопотахъ умчитъ и глупость за собою!
4 „Спѣши не торопясь, но твердою стопою
„И не на шагъ *впередъ*,
„Покуда *тьмы что есть* не сдѣлался довольнымъ,
„Пока назадъ смотрѣть не можешь съ духомъ вольнымъ:
„Иначе *отъ задовъ переднее* умретъ,
„Или напишутся одни *иносказанья*!“ (*)

(*) См ниже въ объясненіяхъ.

Простите. Ваши же посланья
Оставлю у себя, чтобы друзьямъ прочесть!
У васъ ихъ списокъ есть.
Къ тому же Вяземскій велитъ жить осторожно:
Онъ у меня свои стихи безбожно
На время выпросивъ, на вѣчность удержалъ;
Прислать ихъ обѣщалъ,
Но все не присылаетъ;
Когда жъ пришлетъ,
Объ этомъ знаетъ тотъ,
Кто будущее знаетъ.

Милостивые государи, имѣю честь пребыть вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Василій Жуковскій.

2.

Милостивый государь Василій Львовичь и ваше сіятельство князь Петръ Андреевичъ.

Вотъ прямо одолжили,
Друзья! Вы и меня стихи писать взманили!
Посланья ваши—въ добрый часъ сказать,
Въ худой же помолчать —
Прекрасныя, и вамъ ихъ Граціи внушили.

Но вы желаете *херовъ*,
И я хоть тысячу начеркать ихъ готовъ,
Но только съ тѣмъ, чтобы въ Зоилы
И самозванцы-судіи
Меня не завели мои
Перо, бумага и чернилы.
Послушай, Пушкинъ другъ, твой слогъ
отмѣнно чистъ!
Грамматика тебя угодникомъ считаетъ,
И никогда твой вкусъ не ковыляетъ —
Но кажется, что ты подъ часъ много-
рѣчистъ,
Что стихотворный жаръ твой могъ бы
быть живѣе,
А выраженія короче и сильнѣе.
Еще же есть и то, что ты мой другъ,
подъ часъ,
Предметъ свой забываешь.
Твое посланье въ томъ, живой примѣръ
для насъ.
Въ началѣ ты *завистникамъ* пѣняешь:
„Зоилы жить намъ не даютъ!“
Такъ пишешь ты. — „При нихъ нѣмѣетъ
дарованье;
„Отъ ихъ гоненія одинъ пѣвцу пріютъ—
„Молчанье!“
Потомъ ты говоришь: „И я любилъ пи-
сать,
„Противъ нелѣпости *глупцовъ* воору-
жался;
„Но Геній мой и гнѣвъ напрасно исто-
щался:

„Не могъ безумцевъ я унять!
„Скорѣе бороды ихъ оды выростаютъ,
„И бритву критики лишь только при-
тупляютъ;
„И такъ пришлось молчать!“—
Теперь скажижь мнѣ: что̀ причиною мол-
чанья
Должно быть для пѣвца?
Гоненья ль *зависти*, или *иносказанья*
И оды пачкуновъ безъ смысла, безъ
конца?
Но тутъ и всѣ погрѣшности посланья!
На немъ лишь пятнушко одно,
А не пятно!
Разсказъ твой очень милъ, онъ кста-
ти, легокъ, ясенъ!
Конецъ прекрасенъ!
Воображеніе мое онъ такъ кольнулъ,
Что я, передъ собой ужъ всѣхъ васъ
видя *въ сборѣ*,
Разинулъ ротъ, чтобы въ гремящемъ
вашемъ хорѣ
Веселію кричать: *ура*! и протянулъ
Ужъ руку, не найдуль волшебнаго бокала!
Но ахъ моя рука поймала
Лишь *друга юности и всякихъ лѣтъ* (*),
А васъ моихъ друзей, вина и счастья
нѣтъ!...
Теперь ты, Вяземской, безцѣнной мой
поэтъ,

(*) См. ниже въ объясненіяхъ.

Передъ судилище явись съ твоимъ посланьемъ.
Мой другъ, твои стихи блистаютъ дарованьемъ,
Какъ дневный свѣтъ.
Характеръ въ слогѣ твой есть точность выраженья,
Искусство — простоту съ убранствомъ соглашать,
Что должно *въ двухъ словахъ*, то въ двухъ словахъ сказать,
И красками воображенья
Простую мыслѣ для чувства рисовать!
Къ чему жъ тебя твой даръ влечетъ, еще не знаю;
Но увѣряю,
Что Ѳебова печать на всѣхъ твоихъ стихахъ.
Ты въ *пѣснѣ* съ легкостью порхаешь на цвѣтахъ,
Ты Риѳмина убить способенъ *эпиграммой*.
Но и высокое тебѣ не высоко!
Воображеніе съ тобою не упрямо,
И для тебя летать за нимъ легко
По высотамъ и по лугамъ Парнасса.
Пиши—тогда скажу точнѣй, какой твой родъ;
Но сомнѣваюся, чтобъ лѣнь-хромой уродъ,
Которое живетъ не для вѣковъ, для часа,
Тебѣ за пѣсеньку перелетать дала,

А много, много за посланье!
Но кстати о посланьѣ,
О немъ вѣдь, кажется, въ началѣ рѣчь была.
Посланіе твое *малютка*, но прекрасно!
И всё въ немъ коротко да ясно!
У каждаго свой вкусъ, свой судъ и голосъ свой!
Прелестный стихъ и точно твой!
Языкъ ихъ — брань; искусство —
Пристрастьемъ заглушать священной правды чувство;
А Демонъ зависти — ихъ мрачной Аполлонъ!
Вотъ сила съ точностью и скромной простотою!
Послѣдній стихъ — огонь! Надъ трепетной толпою
Глупцовъ, какъ метеоръ ужасный свѣтитъ онъ!
Но, другъ, не правда ли, что здѣсь твое *потомство*
Не къ смыслу привело, а къ риѳмѣ *вѣроломство.*
Скажи: кто этому словцу отецъ и мать?
Извѣстно: дѣвственная *вѣра*,
И буйственный глаголъ: *ломать*!
Смотри же! ни въ однихъ стихахъ твоихъ примѣра
Такой ошибки нѣтъ! Вопросъ:
О комъ ты говоришь въ посланьѣ?

О глупыхъ судіяхъ, которыхъ толкованье
Лишь *косо* потому, что ихъ разсудокъ *косъ!*
Гдѣ жъ *вѣроломство* тутъ? Оно лишь тамъ бываетъ,
Гдѣ на довѣренность прекрасныя души
Предательствомъ злодѣй коварный отвѣчаетъ!
Хоть тысячу Зоилъ пасквилей напиши,
Не вѣроломнымъ свѣтъ хулителя признаетъ,
А злымъ завистникомъ иль попросту глупцомъ!
Позволь же заклеймить херомъ
Твое мнѣ *вѣроломство.*
„Не трогай—ты кричишь—я вижу, ты хитрецъ!
„Ты въ этой тяжбѣ самъ судья и самъ истецъ!
„Ты изъ моихъ стиховъ *потомство*
„Въ свои стихи отмежевалъ
„Да въ подтвержденіе Ѳебова закона
„Еще и добрую статейку пріискалъ!
„Не тронь! Иль къ самому престолу Аполлона
„Я съ апелляціей пойду!
„И въ мигъ съ тобой процессъ за риѳму заведу!“
—Мой другъ, не горячись! отдай мнѣ *вѣроломство!*

Грабитель ты, не я!
И умъ, правдивый судія,
Не на твое, а на мое *потомство!*
Ему быть риѳмой данъ приказъ,
А Ѳебъ ужъ подписалъ и именной указъ.
Повѣрь: я стою не укора,
А похвалы;
Вотъ *доказательство! Какъ волны отъ скалы,*
Оно несется вспять! такой стишокъ умора!
А слѣдующій стихъ, блистательный на взглядъ,
Что вѣкъ Зоила? — день! вѣкъ Генія — потомство!
Есть лишь безсмыслицы обманчивый нарядъ,
Есть настоящее разсудка *вѣроломство!*
Сначала обольстилъ и мой разсудокъ онъ;
Но .... съ нами буди Аполлонъ,
И словомъ, какъ глупецъ надменный
На высоту честей фортуной вознесенный,
Забывъ свой низкій родъ,
Дивитъ другихъ глупцовъ богатствомъ и чинами,
Такъ точно этотъ стихъ уродъ
Дивитъ невѣжество нарядными словами!
Но мигомъ можетъ вкусъ обманщика сразить,
Сказавъ, разсудку въ подтвержденье:
Нельзя потомству вѣкомъ быть!

Но станется и то, что и мое рѣшенье
Своимъ *быть по сему!*
Скрѣпить богъ Пинда не рѣшится!
Да признаюсь, и самъ я радъ бы ошибиться:
Люблю я этотъ стихъ на перекоръ уму!
Еще одно пустое замѣчанье:
Укрывшихся вѣковъ! Намъ укрываться страхъ
Велитъ, а *страха* нѣтъ въ *вѣкахъ?*
И такъ, *укрывшихся*—въ изгнанье.
Не вѣдаетъ враговъ! Не знаетъ о врагахъ!
Такъ точность строгая писать повелѣваетъ,
И Муза точности законъ принять должна!
Но лучше самаго спроси Карамзина!
Кого не вѣдаетъ или *о комъ* не знаетъ,
По самой точности точнѣй онъ долженъ знать!
Вотъ все что̀ о твоемъ посланьѣ,
Прелестный мой поэтъ, я могъ тебѣ сказать.
Чуръ не пенять на доброе желанье!
Когда жъ ошибся я, бѣды въ ошибкѣ нѣтъ!
При этой *критикѣ* есть и *отвѣтъ*,
Прочти и сдѣлай замѣчанье.
А въ заключеніе, обоимъ вамъ совѣтъ:

(*) См стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго: *Вечеръ на Волгѣ*, въ Дорогѣ и Дома, стр. 57 и д.

„Когда завистниковъ свести съ ума
хотите,
„И вытащить глупцовъ изъ тьмы на
бѣлый свѣтъ —
„Пишите!“

3.

Благодарю, мой другъ тебя за достав-
ленье
Твоихъ плѣнительныхъ стиховъ!
На Волгѣ (*) встрѣтилось съ тобою вдох-
новенье!
Ты съ крутизны ея лѣсистыхъ береговъ,
Смотря на пышныя окрестностей кар-
тины,
Съ природы списокъ намъ похожій на-
писалъ.
И я тебѣ во слѣдъ мечтою пробѣгалъ
Прибрежныхъ скалъ вершины;
Смотрѣлъ, какъ быстрые крылатые
струга,
Сокровищъ земледѣлья полны,
Рулями острыми разрѣзывали волны,
Какъ селы между рощъ пестрили берега;
Какъ дымъ ихъ, тонкими подъемляся
столбами,
Взвивался и бѣлѣлъ на синевѣ лѣсовъ,
И медленно всходя сливался съ обла-
ками —
Вотъ, что, по милости, мой другъ, твоихъ
стиховъ,

Какъ на яву, я видѣлъ предъ собою.
Прочелъ я ихъ одинъ, потомъ прочли со мною
Тургеневъ съ Гнѣдичемъ, и Блудовъ, и Дашковъ.
Потомъ и критику-богиню пригласили
Ихъ съ хладнокровіемъ, ей сроднымъ, прочитать.
Мы, слушая ее, стихи твои херили,
Тебѣ же по херамъ осталось поправлять!
Вотъ *общій* приговоръ богини безпристрастной:
„Вашъ Вяземскій прямой поэтъ!
„Онъ ищетъ простоты, но простоты прекрасной;
„И вялости въ его стихахъ признака нѣтъ.
„Даръ живописи онъ имѣетъ превосходный!
„Природу наблюдать его умѣетъ взоръ!
„Презрѣвши вымысловъ блистательный уборъ,
„Онъ въ скромной простотѣ, красамъ природы сродный,
„Живописуетъ намъ природы красоты!
„Онъ въ ней самой беретъ тѣ сильныя черты,
„Изъ коихъ создаетъ ея изображенья.„
Таковъ былъ *общій* приговоръ!
Потомъ перебирать свободно
Богиня принялась стихи поочередно,

И вышелъ строгой переборъ!
Послушай и поправь, когда тебѣ угодно!
Благоухаетъ древъ
Трепещущая сѣнь. Богиня утверждаетъ
(Я повторяю то, поэту не во гнѣвъ)
Что худо дѣлаетъ, когда *благоухаетъ*
Твоя трепещущая *сѣнь!*
Переступившее жъ послѣднюю ступень
На небѣ пламенномъ вечернее свѣтило
Въ прекраснѣйшихъ стихахъ ее переступило,
Да жаль что въ точности посбилось на пути;
Нельзя ль ему опять на небеса взойдти,
Чтобъ съ нихъ по правиламъ грамматики спуститься,
Чтобъ было ясно все на небѣ и въ стихахъ?
И скатерть синихъ водъ сравнялась въ берегахъ:
Равняться въ берегахъ *твоихъ* ей не годится,
Когда въ *моихъ* она сравнялася давно
Не синей скатертью, а по просту рѣкою:
Мой стихъ передъ тобою,
Но красть у бѣдняка богатому грѣшно!
О семъ стихѣ, гдѣ живописи много:
Кто въ облачной дали конецъ тебѣ прозритъ?
Богиня говоритъ,
И справедливо, хоть и строго:

Прозрѣть, предвидѣть – все равно!
Прозрѣть намъ можно то одно,
Что̀ не сбылось еще, чему лишь можно сбыться;
И такъ сіе словцо не можетъ пригодиться
Къ концу рѣки! Онъ *есть* давно, хотя и скрытъ.
Ты вмѣсто вялаго словечка *различитъ*,
Великолѣпное: *прозритъ* вклеилъ не къ мѣсту,
И безобразную съ нимъ сочеталъ невѣсту:
И неподвижный взоръ окованный стоитъ!
Какъ хочешь стой, но онъ въ жестокомъ положеньѣ!
Изъ одинакихъ весь сей стихъ лоскутьевъ сшитъ:
Стоитъ, оковы, недвиженье —
Одно! Такой халатъ читателя смѣшитъ!
Огромныя суда въ медлительномъ паренье:
Запрещено, мой другъ—и нечѣмъ пособить! —
Указомъ критики судамъ твоимъ парить,
Имъ предоставлено смиренное *теченье*,
А странное: *столбы на нихъ*
Простымъ словцомъ: *и мачты ихъ*
Сама своей рукой богиня замѣнила!
Но тѣ твои стихи она лишь похери́ла,
Въ которыхъ ты, *внимая гласу волнъ*,

Намъ говоришь: *люблю гнать рѣзво*
челнъ
По ропотнымъ твоимъ *зыбямъ* и *сердцемъ*
веселъ,
Подъ шумомъ дружныхъ веселъ
И прочее: *зво челнъ* ей непріятный звукъ.
А *веселъ* риѳмами на *веселъ*, милый другъ,
Жаль! Вѣдь послѣдній стихъ разительно
прекрасенъ!
Воображенію онъ сильно говоритъ;
Но риѳма вздорная косится и брюжжитъ!
Какъ быть? Она деспотъ и гнѣвъ ея
ужасенъ!
Нельзя ли риѳму намъ другую пріискать,
Не опасаяся, чтобъ вздорщицу смутили,
И также, чтобы насъ *воздушныя мечты*,
А не тяжелыя *златыя веселили*.
Но наше дѣло *херъ*! Поправки дѣлай ты.
Покаты горы крутыхъ! — не лучше ли
пещеры!
Воспрянувшихъ дубравъ! — *развѣсистыхъ*
дубравъ
Или *проснувшихся!* Слова такой же мѣры,
А лучше! Въ этомъ вкусъ богини на-
шей правъ!
Воспрянувшихъ, мой другъ, понятно, да
не ясно.
Все прочее прекрасно!
Но я-бъ весьма желалъ, чтобъ *своды*,
глась забавъ
Не галлицизмами окрестности *ввпряли*,

А русскимъ языкомъ *волнамъ передавали.*
Младое пѣнье ихъ — прекрасная черта!
Ихъ слава ясная, какъ водъ твоихъ зер-
цало!
Стихъ сильной, а не льзя не похери́ть
начало!
Поставь, прошу тебя: *и слава ихъ чиста,*
Чтобъ слѣдующимъ тремъ былъ способъ
пріютиться.
Объ двухъ другихъ стихахъ — прекра-
сныхъ слова нѣтъ—
Ни я ни критика не знаемъ какъ рѣ-
шиться!
Въ нихъ тьма, но въ этой тьмѣ скры-
вается поэтъ!
Гремящихъ бурь боецъ, онъ ярости упор-
ной
Смѣется, опершись на брегъ ему по-
корной!
Боецъ не то совсѣмъ, что̀ ты хотѣлъ ска-
зать.
Твой *Геній, бурь боецъ* есть просто *бурь*
служитель,
Наемный ихъ боецъ; а мнѣ бъ хотѣлось
знать,
Что онъ ихъ *побѣдитель*!
Нельзя ли этотъ стихъ хоть такъ пере-
марать:
Презритель шумныхъ бурь, онъ злобѣ
ихъ упорной
Смѣется, опершись на брегъ ему покорной?

Презритель новое словцо; но признаюсь:
Не примешь ты его, я самъ принять
рѣшусь!
Твоей, мой другъ, *Ѳетидѣ*....
Я радъ бы изъ стиховъ дорогу указать.
Въ пучину *Каспія* привичнѣй бы сказать.
Сравненіе полнѣй, и Каспій не въ обидѣ!
А бѣгъ вiющiйся ручья
Не ловко—власть твоя;
Я бъ смѣло написалъ: *журчащаго въ*
дубравѣ.
Спроси о томъ хоть Музу ты свою,
Вiющiйся идетъ не къ бѣгу, а къ ручью.
Вотъ все! Согласенъ будь иль нѣтъ, ты
въ полномъ правѣ!

Объясненія къ письмамъ Жуковскаго.

На этой почтѣ все въ стихахъ,
А низкой прозою ни слова,

говоритъ Жуковскій. Впрочемъ поэтъ здѣсь отыскивается и въ *почтовыхъ* стихахъ. Вмѣстѣ съ поэтомъ отыскивается хладнокровный и дѣльный прозаикъ, тонкій и вѣрный критикъ, грамматикъ, педагогъ, не только цѣнитель и судія содержанія, но и строгій браковщикъ каждаго выраженія, придирчиво внимательный до мелочи къ каждому

отдѣльному слову. И все это съ изумительной легкостію и свободою облекается въ живые стихи, пересыпается острыми и веселыми шутками, а иногда и блестящими искрами поэзіи. Предлагаемыя здѣсь три стихотворенія, конечно, не вплетутъ новыхъ листковъ мирта и лавра въ вѣнокъ *Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ*, пѣвца Свѣтланы, переводчика Одиссеи и пѣснопѣвца Странствующаго Жида, поэмы, по моему мнѣнію, занимающей мѣсто первенствующее не только между твореніями Жуковскаго, но едва ли и не во всемъ циклѣ Русской поэзіи. Со мною немногіе согласятся. Надо признаться, что эта поэма, эта прерванная смертью лебединая пѣснь великаго поэта, мало обратила на себя вниманія литературныхъ нашихъ судей и читателей, вскормленныхъ на другой пищѣ и лакомыхъ до другой поэзіи. Возвращаясь къ упомянутымъ письмамъ, нельзя не замѣтить, что для полной оцѣнки дарованія Жуковскаго и подобные стихи имѣютъ свое значеніе и неминуемо должны входить въ общій итогъ поэта. А такихъ стиховъ должно быть много подъ спудомъ,

если они временемъ не растрачены и не истреблены. Въ нихъ Жуковскій, поэтъ-мечтатель, поэтъ-идеалистъ, явился поэтомъ *реальнымъ*, гораздо ранѣе эпохи процвѣтанія такъ называемой *реальной* или *натуральной* школы. Одно только должно принять здѣсь въ соображеніе. Онъ въ своей домашней поэзіи, на распашку, все таки остается лебедемъ, играющимъ на свѣжемъ и чистомъ лонѣ свѣтлаго озера; а не уткою, которая полощется въ лужѣ на грязномъ дворикѣ корчмы или харчевни. На дняхъ отыскалъ я письмо его, безъ означенія мѣсяца и числа, но вѣроятно относится оно къ тому же времени, или около того, когда писаны были предлагаемыя здѣсь стихотворенія. Вотъ что онъ между прочимъ пишетъ:—„Посы„лаю тебѣ вмѣсто краснаго яичка, на„чало нашей переписки съ Плещеевымъ „(*къ сожалѣнію не нахожу ее въ бу„магахъ своихъ.*) Мы побожились другъ „съ другомъ не переписываться иначе „какъ въ стихахъ. Это посланіе не „первое; я уже много намаралъ къ не„му вздору,—но это, кажется, вышло не „вздорное. Критиковать его тебѣ по-

„зволяется, и я за слогъ его не стою, „ибо оно написано въ два утра съ по„ловиною и писано какъ письмо на поч„ту. По этой скорости оно изрядное. Пле„щеевъ пишетъ ко мнѣ на него отвѣтъ, „на который, натурально, и съ моей „стороны долженъ послѣдовать отвѣтъ „же. Изъ этого выдетъ со временемъ „переписка двухъ сосѣдей на двухъ „языкахъ“. Плещеевъ писалъ французскіе стихи, хотя твердо зналъ и русскій языкъ и хорошо знакомъ былъ съ нашею словесностію. Карамзинъ еще въ молодости писалъ ему извѣстное посланіе. Было время, что Жуковскій живалъ у Плещеева въ Орловской деревнѣ. Тутъ вѣроятно стихамъ и разнымъ литературнымъ проказамъ и шуткамъ былъ весенній и полный разливъ. Въ деревнѣ былъ домашній театръ: на немъ разыгрывались произведенія двухъ пріятелей. Помню, что Жуковскій говорилъ мнѣ о какой то драмѣ своей: содержаніемъ ея были несчастныя любовныя похожденія влюбленнаго и обманутаго Импрезаріо. Ему измѣнила любовница его. Режиссеръ трупы приходитъ къ нему и предлагаетъ репертуаръ для назначенія

піэсы къ слѣдующему представленію. Сердитый и грустный содержатель все отвергаетъ. Наконецъ именуется извѣстная въ то время драма Ильина: *Лиза* или *торжество благодарности*. На это Импрезаріо восклицаетъ въ порывѣ отчаянія:

Нѣтъ благодарности! нѣтъ торжества!
нѣтъ Лизы!
Всѣ женщины одни надутые капризы и
пр. и пр.

Тогда же разыграно было тутъ же драматическое представленіе его подъ заглавіемъ: *скачетъ груздочикъ по ельничку* (изъ старинной русской пѣсни.) Знаю объ этомъ произведеніи только по одному заглавію. Но можно представить себѣ, какое открывалось тутъ раздолье своевольному и юмористическому воображенію Жуковскаго. Надобно было видѣть и слышать, съ какою самоувѣренностію, съ какимъ самодовольствіемъ, вообще скромный и смиренный Жуковскій говорилъ о произведеніяхъ своихъ въ этомъ родѣ, и съ какимъ добродушнымъ и ребяческимъ смѣхомъ пѣвецъ *Сельскаго кладбища*, меланхоліи, вся-

кихъ вѣдьмъ и привидѣній цитовалъ мѣста, которыя были особенно ему по сердцу. Жуковскій не только любилъ въ часы досуга и отдыха упражняться иногда въ забавномъ и геніальномъ враньѣ, но уважалъ эту доблесть и въ другихъ. Въ нашемъ обществѣ былъ молодой человѣкъ, который также превосходно отличался по этой части. При встрѣчахъ съ нимъ онъ вызывалъ его на импровизацію и на представленіе въ лицахъ какой нибудь комической сцены. Онъ заслушивался его, любовался имъ и въ восторгѣ вскрикивалъ, помирая со смѣху: да ты просто Шекспиръ! Жаль, если вся эта поэзія безвозвратно утрачена. Кажется, въ нынѣшнемъ году распечатаны будутъ всѣ ящики, оставшіеся до нынѣ не тронутыми послѣ кончины его. Можетъ быть, и найдется въ нихъ, если не все написанное имъ (потому что, сколько мнѣ извѣстно, онъ былъ не очень бережливъ въ отношеніи къ своимъ письменнымъ и литературнымъ пожиткамъ) но по крайней мѣрѣ откроется хоть что нибудь еще не извѣстное и уцѣлѣвшее.

Первыя два письма здѣсь приводимыя

относятся до посланія ко мнѣ В. Л. Пушкина и моего отвѣта ему, и до стихотворенія самаго Жуковскаго, которое напечатано въ полномъ собраніи сочиненій его и начинается такъ:

Друзья, тотъ стихотворецъ-горе,
Въ комъ безъ похвалъ восторга нѣтъ.

Забавно и для характеристики Жуковскаго не лишнимъ замѣтить, что въ посланіи его вмѣсто этихъ двухъ стиховъ было прежде сказано:

Ты Пушкинъ стихотворецъ-горе,
Ты Вяземскій прямой поэтъ.

И не подумайте, чтобы заключался тутъ эпиграматическій намекъ и умыселъ. Ему только хотѣлось попенять Пушкину за то, что онъ жалуется на зависть и завистниковъ, что онъ скорбитъ и хнычетъ; а меня похвалить за то, что я не унываю, самъ вступаю съ завистниками въ рукопашный бой и смѣло отгрызываюсь. Въ дѣтскомъ простосердечіи ему и не приходило въ догадку, что Пушкинъ могъ обидѣться. На силу уговорилъ я его перемѣнить стихъ,

которымъ насмѣшники могли бы заклеймить нашего добраго пріятеля.

1., *Иносказаніе.*

Слово употребляемое тогда Шишковымъ и которымъ бесѣдчики замѣняли слово аллегорія.

2., *Другъ юности и всякихъ лѣтъ*, Журналъ, издаваемый Невзоровымъ. Онъ тоже былъ въ то время мишенью, въ которую направляли мы свои незлобныя шутки.

Однажды зашелъ я къ Жуковскому, не засталъ его дома и, чтобы извѣстить его о посѣщеніи моемъ, написалъ на книжкѣ этого журнала, лежавшей на столѣ:

Невзоровъ,
Перестань писать такъ много вздоровъ!
Повѣрь, никто не остановитъ взоровъ
На книгѣ, гдѣ прочтетъ: писалъ Максимъ
Невзоровъ.

Во всѣхъ этихъ стихахъ Жуковскаго есть много любезностей, отъ которыхъ я недостойный долженъ краснѣть. Но съ другой стороны благосклонный учитель, для пробужденія совѣсти, указкою своею бьетъ иногда и очень мѣтко по пальцамъ недоучившагося школьника.

Кн. В.

VII. ПИСЬМА А. И. ТУРГЕНЕВА.

С.-Петербургъ 1 іюня 1814 года.

Я тяжело виноватъ предъ тобою, любезный и любимый Вяземскій! Не отвѣчалъ тебѣ и за болѣзнію и за разными хлопотами; но восхищался и восхищалъ другихъ прекраснымъ твоимъ Польскимъ ([1]). Я столько же радуюсь твоему таланту, какъ и новому роду поэзіи, въ которомъ ты такъ отличился. Я надѣюсь, что, восхищенный подвигами рыцаря-побѣдителя и одобренный успѣхами въ семъ новомъ родѣ, оставишь старые грѣхи свои. Ни въ Парижѣ, откуда я получаю черезъ брата Николая всѣ оды и брошюры, тамъ выходящія, ни здѣсь, ни даже у васъ въ Москвѣ, не было еще написано на сей случай ничего приличнѣе твоихъ строфъ и твоей надписи къ бюсту. Напиши другіе стихи на въѣздъ Государя въ Петербургъ, для котораго мы строимъ *трухмальные* во-

([1]) Польскій на взятіе Парижа, въ С. Отеч. 1814, ч. 14-я.

роты и пришли ко мнѣ. Жуковскому не до того: иначе я бы и его къ сему понудилъ. Другаго подобнаго торжества въ этомъ тысячелѣтіи вѣроятно не будетъ. Участвовалъ ли я въ обѣдѣ на праздникахъ вашихъ, и что должно прислать тебѣ (²)? У насъ ничего не состоялось. Мы слишкомъ заняты важнѣйшимъ дѣломъ: трунить на счетъ другихъ, которые любятъ и хотятъ веселиться и радуются избавленію Европы и счастію Россіи быть освобожденной ея избавителемъ.

Пришли мнѣ нѣсколько экз. описанія вашего торжества. Я только одинъ экз. видѣлъ въ чужихъ рукахъ: это должно пристыдить тебя.

Если мои брошюры, которыя вояжируютъ въ Петербургѣ и въ Павловскѣ, невредимо возвратятся во свояси, то я тебѣ пришлю ихъ, дабы ты могъ судить о расположеніи Франціи и о Парижѣ. Пишутъ біографіи Наполеона en vaude-

---

(²) Тургеневъ вѣроятно думалъ, что я вписалъ его въ число вкладчиковъ, участвовавшихъ въ Московскомъ празднествѣ (у Калужскихъ воротъ, въ д. Нолторацкаго) *Кн. В.*

villes и распѣваютъ новую конституцію, а Государю Русскому, окруженному еще всѣмъ блескомъ славы его, говорятъ въ печатныхъ листкахъ, что *слово конституція*, которое употребилъ онъ въ своей деклараціи, уменьшило въ нихъ энтузіазмъ, произведенный въ нихъ его подвигами!

Братъ мой Николай возвращается изъ Парижа черезъ Франкфуртъ, гдѣ онъ будетъ въ комитетѣ, учреждаемомъ для окончанія дѣлъ Германіи, съ повѣренною особою барона Штейна. Онъ будетъ и въ Москву и желалъ бы поспѣшить къ вашему празднеству, о которомъ онъ уже слышалъ съ душевнымъ восторгомъ Москвитянина въ Парижѣ.

Облобызай за меня милаго Пушкина (8) съ братіею. Увѣрь въ сердечномъ почтеніи Карамзина съ фамиліею.

Прости, пиши и присылай мнѣ каждую строку своего произведенія.

Сію минуту получилъ письмо твое, любезный другъ, и сейчасъ же отправлю

---

(8) В. Л. Пушкина.

къ аббату Мангеню (4) письмо В. Л. для помѣщенія въ Conservateur. Ожидаю съ нетерпѣніемъ стиховъ Н. Мих.; сдѣлай одолженіе пришли немедленно, хоть въ рукописи. Не знаю, помѣститъ ли Мангень письмо in extenso.

Присылай мнѣ все и скорѣе. Завтра или сегодня ѣдетъ къ вамъ искусный переводчикъ Мизантропа (*Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ*).

*

Неужели, милый другъ Вяземскій, не получалъ ты моего послѣдняго отношенія на твою грамоту. Послѣдняя порадовала меня и побѣдила непобѣдимую или рѣдко побѣждаемую лѣнь мою. Пріѣзжай сюда, любезный другъ, перестань киснуть въ Остафьевѣ, deviens utile au monde. Это слово эгоично; я искренно и тебѣ и Жуковскому желаю уединенія и охоты къ трудамъ мирнымъ. Сію минуту получилъ я его посланіе

---

(4) Аббатъ Мангень, воспитатель гр. С. С. Уварова: по мысли и съ содѣйствіемъ его (тогда попечителя Спб. учебнаго округа) Мангень издавалъ въ Петербургѣ съ 1813 г. Французскій журналъ: Conservateur impartial. *П. Б.*

ко мнѣ, въ отвѣтъ на мое письмо къ нему. Превосходно! Боюсь напечатать его, ибо изъ его стиховъ узнаютъ тайну души моей, которая отъ Жуковскаго не была скрыта. Тебѣ доставлю копію. Жуковскій est aussi dans le vague. Онъ сбирается говорить со мною и совѣтоваться, сбирается и ничего не дѣлаетъ, кромѣ прекрасныхъ стиховъ. Надобно рѣшить его нерѣшимость. Услышитъ ли онъ наконецъ голосъ дружбы, призывающій его къ берегамъ Невы? Рѣшите меня; иначе я, проводивъ братьевъ къ блистательному ихъ назначенію, скажу вамъ всѣмъ: поминайте, какъ звали вашего друга; наскучилъ я жизнію безъ жизни, друзьями безъ дружбы, поэтами безъ поэзіи, грамотѣями безграмотными и дѣлами бездѣльными.

Братъ мой Николай, по высочайшему повелѣнію, отправляется завтра въ главную квартиру, къ министру барону Штейну, уполномоченному отъ двухъ императоровъ и прусскаго короля для организаціи Германіи, уже завоеванной и той, которая имѣетъ быть завоевана. Братъ остается и при всѣхъ его здѣшнихъ мѣстахъ. Бар. Штейнъ est l'homme

de l'Europe entière. C'est lui qui a beaucoup contribué à décider de son sort, et c'est lui qui est appelé à donner à l'Allemagne une constitution solide et durable. Наполеонъ въ *свое время*, которое кажется становится *нашимъ*, объявилъ его внѣ покровительства закона; но онъ не тужилъ объ этомъ. Я часто удивлялся ему и видѣлъ въ немъ орудіе Провидѣнія.

Братъ Сергѣй идетъ въ военную службу (5) и вѣроятно будетъ адъютантомъ гр. Воронцова. Я желалъ устроить судьбу ихъ, согласно съ ихъ склонностями. Теперь начинаю дышать свободнѣе. Они меня выручатъ.

Если увидишь почтеннаго Ник. Мих., то увѣрь его въ моей дружбѣ къ нему и привязанности. Пиши ко мнѣ больше и будь Витгенштейномъ моей лѣности.

Тургеневъ.

*

(5) С. И. Тургеневъ не поступалъ въ военную службу, но опредѣленъ былъ къ гр. Воронцову (послѣ князю) командовавшему русскими войсками вофранціи и занимался дипломатическою перепискою. Впослѣдствіи былъ онъ въ Константинополѣ при-послѣ нашемъ гр. Строгановѣ. *Кн. В.*

1 апрѣля 1815 г.

Я получилъ только сегодня письмо твое, любезный князь Петръ Андреевичъ и спѣшу благодарить тебя за довѣренность твою ко мнѣ, которой письмо сіе служитъ доказательствомъ. Въ теченіе сей зимы я самъ собирался писать къ тебѣ о самомъ тебѣ и показать тебѣ въ истинномъ свѣтѣ всѣ выгоды, которыя для тебя служба представить можетъ. Подъ словомъ выгоды, я не разумѣлъ ни удовлетворенія честолюбія, ни избѣжанія Московской праздности. Насчетъ перваго я болѣе другихъ разочарованъ; послѣдняя недолго можетъ быть пагубна для того, кто способенъ чувствовать цѣну умственныхъ, моральныхъ наслажденій. Нѣтъ, я желалъ сотворить для тебя будущее, или по крайней мѣрѣ показать тебѣ необходимость въ цѣли жизни; познакомить тебя съ нѣкоторыми пріятностями, которыя встрѣтить можешь на пути къ сей цѣли. Я полагалъ, что кромѣ Петербурга нѣтъ для тебя другой дороги къ сей цѣли; но, думая, что и служба въ чужихъ краяхъ, въ твоемъ положеніи не озаботитъ

тебя, хотѣлъ звать тебя сюда и быть на первый случай твоимъ Cicerone у здѣшнихъ матадоровъ. Отсутствіе Государя и неизвѣстность, въ которой находятся многіе изъ управляющихъ министерствами на счетъ ввѣренныхъ имъ частей и на счетъ самихъ себя, заставили меня отложить до времени намѣренія мои, дружбою къ тебѣ мнѣ внушенныя. Да и самъ въ себѣ я не былъ увѣренъ. Желать добра не довольно; надобно имѣть средства произвести въ дѣйство свои желанія. Теперь я скажу тебѣ искренно мое мнѣніе на счетъ твоего пріѣзда сюда и рода службы, который ты избрать долженъ. Если бы не постигли насъ ужасныя для рода человѣческаго происшествія, которыя легко могутъ лишить насъ—*и славы прежнихъ лѣтъ, и славы лѣтъ грядущихъ*; то, въ надеждѣ скораго возвращенія Государя, коего присутствіе здѣсь должно было до сего почитать первою и священнѣйшею его обязанностію, я бы присовѣтывалъ тебѣ немедленно пріѣзжать сюда и воспользовался бы первымъ случаемъ для исходатайствованія тебѣ должности, склонностямъ и желаніямъ

твоимъ сообразной. Но мы по несчастію должны лишиться надежды вскорѣ видѣть Государя, — и оставить покуда старое по старому; а естьли, что̀ еще хуже, онъ только заглянетъ сюда, то и тогда врядъ ли бы можно было успѣть устроить тебя въ Петербургѣ. Изъ этого ты видишь, что не одно желаніе видѣть экономическія дѣла твои устроенными прежде пріѣзда твоего сюда, но и безполезность скораго пріѣзда заставляютъ меня дать тебѣ совѣтъ, несогласный съ нетерпѣніемъ моимъ обнять тебя въ Петербургѣ, въ кругу немногихъ твоихъ и моихъ пріятелей. Поѣзжай туда, куда зоветъ тебя долгъ отца семейства, для будущаго твоего спокойствія, и пріѣзжай къ намъ безъ долговъ и безъ желанія надѣлать здѣсь новые. До тѣхъ поръ поручи мнѣ думать о мѣстѣ, которое бы могло быть тебѣ по всему пріятно. Что̀ придумаю, о томъ напишу къ тебѣ. Естьли же рѣшишься избрать часть дипломатическую, то увѣдомь меня заблаговременно, дабы я могъ, чрезъ кого надобно, написать къ гр. Нессельроде. Братъ мой тамъ и можетъ дѣйствовать за меня по моимъ

наставленіямъ. Ходатайство его по сей части по сю пору не совсѣмъ было безуспѣшно. Между дипломатами у меня есть истинные пріятели; но какъ я часто о томъ же родѣ службы думалъ и для братьевъ моихъ, то и знаю всѣ неудобства сей службы, изъ коихъ первое есть дороговизна, и не въ одной Англіи; нѣтъ, въ Германіи, при самомъ незначущемъ дворѣ — тоже; особливо, когда чиновникъ съ семействомъ. Для занятій, мѣста при одномъ изъ Нѣмец. дворовъ довольно выгодны, но по службѣ нѣтъ. Но замѣшательства, произведенныя новѣйшими происшествіями (6) и по сей части весьма велики, и чиновники, жившіе въ Вѣнѣ въ надеждѣ будущихъ Итальянскихъ и Нѣмецкихъ миссій, остались большею частію съ одними надеждами; и только нѣкоторымъ удалось получить штатныя мѣста и жалованья; но поѣдутъ ли къ своимъ дворамъ — не знаю. Чинъ твой, хотя и

---

(6) Здѣсь подразумѣваются событія, возникшія въ политическомъ мірѣ въ слѣдствіе новаго появленія и воцаренія во Франціи ссыльнаго съ острова Эльбы. *Кн. В*

представляетъ нѣкоторыя затрудненія въ выборѣ виднаго мѣста, но не столько по дипломатической, сколько по гражданской части. По сей послѣдней надобно стараться попасть подъ непосредственное начальство министра и на добраго директора департамента, или къ статсъ-секретарю, или въ государственную канцелярію. Первое возможно безъ Государя, послѣднее только при немъ. Но я не почитаю нужнымъ теперь распространяться объ этомъ въ ожиданіи отзыва твоего о времени пріѣзда сюда. Какъ скоро увижу здѣсь Жу́ковскаго, то съ нимъ о тебѣ посовѣтуюсь. Я совершенно согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ насчетъ его рода и средствъ жизни. Не только какъ другъ его, но и какъ любящій славу Россіи и поэзію, желаю ему одной независимости отъ людей и отъ обстоятельствъ.

Засвидѣтельствуй мое душевное почтеніе Николаю Михайловичу, Екатеринѣ Андреевнѣ и Ивану Ивановичу.

Новостей не пишу. Elle sont révoltantes.

Пришли мнѣ полный списокъ своихъ сочиненій, всѣхъ безъ исключенія; я

имѣю одинъ не полный списокъ старыхъ грѣховъ твоихъ. Послѣднихъ произведеній твоихъ хвалить не буду; они и сами себя хвалятъ, и *друзьямъ* твоимъ оставалось только съ тобой согласиться.

Кланяйся Давыдовымъ, — счастливцу и поэту; Пушкинымъ—поэтамъ. Но не обидѣлся бы одинъ изъ двухъ близкимъ сосѣдствомъ? *А. Тургеневъ.*

Вас. Львовичъ и Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, который также писалъ стихи, но при всемъ умѣ и остроуміи своемъ, не очень удачные. Вас. Льв. щеголялъ классицизмомъ своимъ и никакъ не могъ признавать поэтомъ своего однофамильца. А этотъ вѣчно трунилъ надъ стихами Вас. Львовича, и на энергическомъ и часто циническомъ языкѣ своемъ говорилъ, что все это *жидень*. „Твои „басни, говорилъ онъ ему, такъ пусты „содержаніемъ своимъ, что скоро бу„дешь ты ограничиваться одними загла„віями и писать и печатать: *Оселъ и „корова. Басня.—Попугай и левъ. Басня* „и такъ далѣе.“ Всѣ эти колкости были однѣ веселыя вспышки и не посягали на дружескія сношенія двухъ родственниковъ и пріятелей. Это были комическія сцены, разыгрываемыя на домаш-

немъ театрѣ, къ удовольствію и гомерическому смѣху благосклонныхъ зрителей и слушателей. Тогда веселость была въ цѣнѣ: одни расточали ее, другіе ей сочувствовали и понимали ее.

Письмо Тургенева было, повидимому, написано въ отвѣтъ на то, въ которомъ изъявлялъ я желаніе поступить въ дѣятельную службу. *Кн. В.*

VIII. ПИСЬМА Ю. А. НЕЛЕДИНСКАГО-МЕЛЕЦКАГО (*).

1.

Милостивый государь мой князь Петръ Андреевичъ.

Покорнѣйше благодарю ваше сіятельство за доставленіе мнѣ описанія вашего праздника [1]). Онъ былъ весьма великолѣ-

---

(*) Подробныя біографическія извѣстія о Ю. А. Нелединскомъ-Мелецкомъ будутъ напечатаны въ Русскомъ Архивѣ. *П. Б.*

[1]) Праздникъ, данный обществомъ нашимъ и другими Московскими участниками, въ домѣ и въ саду Дмитрія Марковича Полторацкаго (за Калужскими воротами) въ честь вступленія войскъ нашихъ въ Парижъ. *Кн. В.*

пенъ и соотвѣтствовалъ вполнѣ своему предназначенію; а тѣ, которые здѣсь приготовлялись, едва ли поспѣютъ, ибо Государя ждутъ сюда на дняхъ, а предполагали, что онъ прибудетъ не прежде 20 числа. Государыня такъ же готовитъ его величеству встрѣчу и праздникъ въ Павловскѣ. Меня было нарядили дѣлать куплеты и нѣсколько рѣчей. Это мнѣ была большая забота и по старости моей и по душевному расположенію; но къ счастію подъѣхалъ сюда Конст. Николаевичь Батюшковъ; я ему въ ноги! И онъ имѣлъ снисхожденіе меня отъ этого труда избавить. Еще ничего сдѣланнаго не видалъ; но увѣренъ, что будетъ хорошо. Между тѣмъ, я уже кой-какъ слѣпилъ одинъ хоръ для польскаго, и куплеты, которые будутъ пѣть у преднамѣреваемыхъ воротъ на самой Павловской границѣ, у которой Императрица встрѣтитъ дорогаго гостя своего.

Въ эти куплеты, коихъ всего 4, по 4 стиха каждый, мнѣ очень пригодился стихъ Николая Михайловича, котораго поручаю вамъ отъ меня за него поблагодарить.

Гряди, гряди благословенный!
Оливой вѣнчанный герой;
Побѣдой, славой утружденный,
Вкуси пріятный здѣсь покой.

Вашу надпись, обращенную въ громкой хоръ, будутъ пѣть при приближеніи Государя къ воротамъ, которые будутъ поставлены противъ Павловскаго дворца. На воротахъ надпись изъ оды г-жи Буниной.

Тебя, грядущаго къ намъ съ бою,
Врата побѣдны не вмѣстятъ.

Къ великому удовольствію Государыни я проговорилъ ей: „съ собачкой, съ посошкомъ, съ лорнеткой....“ и проч. (2)

Выслушавъ эти стихи, ея величество изъявила желаніе видѣть ваши сочиненія и приказала мнѣ ихъ у васъ потребовать, примолвивъ, что она имѣетъ на полученіе ихъ большое право, по любви покойнаго ея супруга къ вашему родителю; и такъ пожалуйста пришлите, не выкидывая

---

(2) Извѣстная эпиграмма кн. П. А. Вяземскаго, напечатанная въ Р. Архивѣ 1863 г., изд. 2-е, стр 877. *П. Б.*

эпиграммъ, потому что я уже предупредилъ que vous avez l'ésprit très délié, tourné à la gaité et que vous faisiez très bien une épigramme.

Скажите мнѣ, понравилась ли Николаю Михайловичу присылка розъ([3])? За тѣмъ прощайте; свидѣтельствуя мое почтеніе княгинѣ вашей, съ таковымъ же къ вамъ пребуду навсегда, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Юрій Нелединскій-Мелецкій.

Не могу утерпѣть! Но это останется между нами. Г. Р. Державинъ сдѣлалъ хоръ, въ которомъ, дабы поставить рифму слову *благополучны*, сказалъ престолы *тучны*; а въ ремаркѣ поставилъ: то есть покрыты тучами! Сказываютъ, онъ хочетъ это перемѣнить.

Здѣсь можно отмѣтить одно довольно забавное и замѣчательное обстоятельство: стихи къ нашему московскому празднеству были легко и благополучно сочинены. Но когда пришлось напи-

---

([3]) Императрица Марія Ѳедоровна посылала Карамзину розы; см. письмо объ этомъ Карамзина къ Нелединскому изъ Остафьева, отъ 11 іюля 1814 г. въ Москвитян. 1847, II, 131. *П. Б.*

сать пригласительные билеты, я сталъ въ тупикъ. Не хотѣлось употребить обыкновенное выраженіе, какъ несвойственное русскому языку, *по случаю* взятія Парижа; но я ничего придумать не могъ, чтобы это противное мнѣ *по случаю* замѣнить другимъ выраженіемъ. Долго бился и въ бѣдѣ своей рѣшился для выручки ѣхать къ Карамзину. Засталъ я его за работою, за краснорѣчивою страницею исторіи его. Изложилъ ему горе свое. Онъ сжалился надо мною; но не съ перваго раза и онъ остался доволенъ редакціею своею. Не помню ея теперь, но помню, какъ онъ при этомъ признавалъ трудность иногда выразить по русски самую обыкновенную вещь, самое простое понятіе.

Кн. В.

2.

Милостивый государь мой князь Петръ Андреевичъ.

Будучи причиною превращенія вашей надписи въ музыкальный хоръ,—одолжаюсь извѣстить васъ, что г. Бортнянскій, примѣняясь къ словамъ, выразилъ оныя очень хорошо. Государыня императрица Марія Ѳедоровна руководствовала ему въ томъ своими наставленіями, и, буду-

чи очень довольна, присвоила этотъ хоръ себѣ, запретивъ его выпускать въ свѣтъ, прежде нежели онъ будетъ услышанъ Государемъ; и не индѣ, какъ въ Павловскѣ, въ день праздника, который данъ будетъ по прибытіи его величества.

Г-нъ Бортнянскій сначала жаловался на краткость піэсы, и приставалъ, чтобъ я наддѣлалъ еще четыре стиха; но я изъ самолюбія отказался. Наконецъ, онъ приступилъ къ работѣ, передѣлалъ вступленіе, гдѣ по его словамъ для музыки надобна экскламація.—У него поютъ:

О твердый мужъ во бранѣхъ,
И кроткій побѣдитель!
Какой тебѣ вѣнецъ!
Какой тебѣ олтарь!
Вселенная и проч.

Слово кроткій выражено прекрасно!

Россія имъ *гордись* —

слово *гордись* сопровождается трубнымъ звукомъ весьма выразительнымъ.

Вы пишите, что любите первый свой стихъ. Для замѣчанія вашего скажу, что мы здѣсь не любимъ напоминать о *бѣдствіяхъ* (4); и когда эти стихи до насъ

(4) Первый стихъ въ надписи къ бюсту императора Александра: „Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель.“

дошли, то при свиданіи нашемъ съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, мы вмѣсто бѣдствій читали: мужъ твердый въ *опытахъ*.

Посылаю вамъ хоръ, написанный мною для праздника, даннаго въ Павловскѣ великому князю (5), въ прошедшую среду іюня 17, на музыку: Славься симъ Екатерина.

Ежели удостоите меня отвѣтомъ, то не оставьте—усерднѣйше прошу васъ, мой милостивый и любезный князь Петръ Андреевичъ, не оставьте увѣдомить меня о Елисаветѣ Семеновнѣ. Здорова ли она возвратилась изъ Ярославля, и успокоивается ли духомъ?

Прося васъ засвидѣтельствовать мое и дочери моей почтеніе мил. госуд. княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ, съ таковымъ же къ вамъ и съ душевною преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Юрій Нелединскій-Мелецкій.

Павловскъ.

Іюня 22 дня 1814 г.

---

(5) В. К. Константину Павловичу.

Елисавета Семеновна Обрѣскова([6]), супруга сенатора Петра Алексѣевича Обрѣскова (сына русскаго посла въ Константинополѣ), при которомъ началъ я службу свою по межевому управленію. Она была необыкновенная красавица и долго, долго сохранила красоту свою. Нелединскій писалъ къ ней стихи, дышащіе свѣжестію и силою глубокаго чувства, напримѣръ:

Нѣтъ ни тебя, ни чувствъ, тобой внушенныхъ,
Талантъ, ни самъ восторгъ не въ силахъ описать.
Нельзя всѣхъ прелестей, въ тебѣ совокупленныхъ,
Обыкновенными словами изъяснять.
Потребенъ бы на то языкъ отъ всѣхъ отличный,
Тебѣ присвоенный, одной тебѣ приличный:
Такой, какъ ты сама, небесный, не земной.....
Но знаетъ тотъ языкъ лишь кто любимъ тобой.

Кутузовъ также написалъ ей стихи, припоминая въ нихъ Елисавету, королеву Англійскую и императрицу Елисавету Петровну. Нелединскій возражаетъ ему:

([6]) Урожденная Волчкова, въ первомъ бракѣ за барономъ Остеномъ, во второмъ за Обрѣсковымъ, въ третьемъ за кн Степ. Александр. Хилковымъ. *П. Б.*

Ты правъ, Кутузовъ, въ томъ: тѣ двѣ Елисаветы,
Которыхъ описалъ столь ясно ты примѣты,
Повсюду славятся въ достоинствахъ своихъ.
Но какъ ты могъ, скажи, при той Елисаветѣ,
Которой посвятилъ внушенный ею стихъ,
Которой нѣтъ милѣй, прелестнѣе на свѣтѣ:
Какъ могъ, скажи, при ней ты думать о другихъ?
Возможно ли хотѣть и мыслью съ ней разстаться?

А ты, чтобы составить ей
Не нужный для нея трофей,
Былъ долженъ въ прошлый вѣкъ и въ дальній край пускаться!
Не всѣ ль вѣка затмитъ минута съ ней одна,
И цѣлый міръ не тамъ ли, гдѣ она?

Сколько страсти въ этихъ стихахъ! И для того, кто зналъ поэта сколько истины и задушевности въ выраженіи этой страсти! Это не піитическія упражненія на заданную себѣ сентиментальную и мадригальную тему. Нѣтъ, эти стихи выливались свободно изъ сердца, которое и въ молодости и къ другому кумиру внушало поэту слѣдующіе стихи:

О! если бы могъ смертный льститься
Особый даръ съ небесъ имѣть:
Хотѣлъ бы въ мысль твою вселиться,
Твои желанья всѣ узрѣть;
Для нихъ пожертвовать собою,

И тайну ту хранить въ себѣ,
Чтобъ счастлива была ты мною,
А благодарна лишь судьбѣ.

Такихъ стиховъ не мало отыскивается у Нелединскаго, хоть бы этотъ:

Темира—страждущей души успокоенье.!

Какой сердечный стихъ и какая въ немъ свѣжесть, не смотря на то, что онъ написанъ лѣтъ 80 тому.

Или:

Нѣтъ, смертнаго въ тебѣ не вижу ничего,
Я въ образѣ твоемъ зрю Бога моего:
Чего бы въ Немъ хотѣлъ, въ тебѣ то обрѣтаю,
И съ Нимъ въ душѣ моей тебя не различаю!

А кто теперь знаетъ Нелединскаго, кто заглядываетъ въ него? Одни мы, литературные старовѣры. Разумѣется, встрѣчаются у него обороты и слова обветшалые. Но золото все золото, хотя и подъ стариннымъ чеканомъ. Перлъ все тотъ же перлъ, будь онъ и въ старосвѣтской оправѣ. Неужели ювелиры новыхъ стихотворныхъ ожерелій увѣрены, что внѣшняя сторона мастерства ихъ тоже не устарѣетъ? Тоже изъ модныхъ магазиновъ не поступятъ ли и они въ лавки антикваріевъ, въ какое нибудь

Гетто (Ghetto) или на какое нибудь Ponte vecchio? *Кн. В.*

3

Милостивый государь мой князь Петръ Андреевичъ.

Вмѣсто того, чтобъ меня почесть сумасшедшимъ, вы себя обвинили, за то что непонятно вамъ было мной написанное, и моя ошибка послужила вамъ поводомъ наговорить мнѣ тысячу лестныхъ словъ. Это очень учтиво съ вашей стороны; однакожъ я тѣмъ не менѣе виноватъ, что привелъ васъ въ затрудненіе, и озаботилъ адресованіемъ на ваше имя, не къ вамъ писаннаго письма. То, которое шло къ вамъ, знать я послалъ къ Ник. Александровичу Лунину, и вы, надѣюсь, тогда его получили на обмѣнъ ему принадлежавшаго. Это, въ нынѣшнемъ году, другой уже разъ со мной случается! Въ старину приписалось бы къ вѣтренности,—а теперь развѣ къ тому, что выживаю изъ ума!

Прекрасная ваша пѣсня Русскаго плѣнника мнѣ давно извѣстна. Давно ее читаю, съ новымъ каждый разъ таланта

вашего уваженіемъ(7). Не доставало мнѣ только получить прямо изъ рукъ вашихъ: теперь и это удовольствіе, благодаря васъ, имѣю. Настраивайте лиру вашу. Поприще славы открыто вновь героямъ нашимъ, и пѣвцамъ ихъ подвиговъ.

Послѣ тщетнаго чрезъ цѣлую зиму ожиданія и по той посылкѣ, что чего желается—о томъ худо вѣрится, вы сами посудите: очень ли мы можемъ полагаться на обнадеженіе ваше о скоромъ къ намъ пріѣздѣ? На этотъ счетъ мы, какъ о васъ, такъ и о Николаѣ Михайловичѣ совсѣмъ извѣрились, и надежду съ вами свидѣться отложили до всеобщей перемѣны дѣлъ въ Европѣ.

Прошу покорно взять трудъ обо мнѣ напомнить и засвидѣтельствовать мое почтеніе Катеринѣ Андреевнѣ и Николаю Михайловичу, и быть увѣреннымъ въ томъ, которое вмѣстѣ съ истинною преданностію соблюдаетъ къ вамъ, милостивый государь мой, вашего сіятель-

---

(7) Русскій плѣнникъ въ стѣнахъ Парижа, напеч. въ Россійскомъ Музеумѣ 1815, ч. I, стр. 6.

ства покорнѣйшій слуга Юрій Нелединскій-Мелецкій.

С.-Петербургъ
Апрѣля 19 дня 1815 года.

On ne peut guère, princesse, être prodigue de tems à mon âge. Cependant, je voudrais de tout mon coeur pouvoir sauter à pieds joints le mois de mai, puisque le mois suivant doit vous amener auprès de nous. Il seroit cruel de nous flatter d'une espérance que vous ne seriez pas sûre de réaliser; aussi ne veux je point douter de votre promesse: je m'y abandonne entièrement et espère profiter souvent auprès de vous de cette aimable societé, qui a su embellir jusqu'à notre triste et malheureux séjour de Vologda.

Daignez, princesse, agréer l'assurance du respect de

Votre très humble et très obeissant serviteur Neledinsky M.

По нѣкоторымъ оффиціальнымъ пріемамъ писемъ Ю. А. Нелединскаго, можно бы не знавшимъ его подумать, что онъ вообще и въ обхожденіи своемъ имѣлъ также какую-то оффиціальность и чопорность. Подобное заключеніе бы-

ло бы совершенно несогласно въ истиною. Напротивъ онъ былъ замѣчательно простъ и добродушенъ съ своихъ житейскихъ, домашнихъ и свѣтскихъ отношеніяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ подчинялся онъ строгимъ правиламъ и установленнымъ обычаямъ вѣжливости, которая была отличительною и прирожденною принадлежностію благорожденныхъ и благовоспитанныхъ людей современной ему эпохи. Онъ былъ связанъ тѣсною дружбою съ отцомъ моимъ. Дружба эта, соединившая ихъ въ лѣта первой молодости, чисто и неизмѣнно сохранилась до конца. Нелединской неотступно провелъ при постелѣ друга своего послѣдніе дни и часы жизни его: вмѣстѣ съ нашимъ семействомъ принялъ онъ его послѣдній вздохъ и закрылъ ему глаза. Онъ послѣ былъ опекуномъ моимъ, зналъ меня ребенкомъ и слѣдовательно могъ бы быть со мною на *ты*, а не на милостивый государь мой, и не на ваше сіятельство. Такъ оно и было бы въ старину, т. е. въ старину еще старѣйшую нежели та, о которой идетъ здѣсь рѣчь. Тогда въ нравахъ и обычаяхъ было что-то патріархальное, котораго уже не было въ первыхъ десятилѣтіяхъ нашего вѣка и особенно со времени воцаренія императора Алексан-

дра I-го. Прежде, на языкѣ старшаго лѣтами или чиномъ, *ты* не было ни неумѣстною фамиліарностью, ни оскорбительнымъ выраженіемъ спѣси. Въ то время старикъ и начальникъ обращались съ младшими и подчиненными, какъ отецъ съ домочадцами. Теперь всѣ эти оттѣнки сглаживаются, а многіе изъ нихъ и совершенно изгладились. Теперь въ одномъ семействѣ родитель говоритъ сыну *вы*, а въ другомъ сынъ родителю *ты*. Все одно съ другимъ въ связи: въ нравахъ, во взаимныхъ отношеніяхъ общества, во всемъ складѣ жизни отзывается нынѣ другая круговая порука. По старому нельзя судить о новомъ: по новому о старомъ. Прежнюю вѣжливость, прежнюю общежительную подчиненность, подъ часъ можетъ быть, строгую и тяжкую, замѣнила какая то распущенность. Еще во времена Пушкина, гуляя съ нимъ по Невскому проспекту, отмѣчали мы людей, которые при встрѣчѣ съ вами и на вашъ поклонъ, отвѣчали снятіемъ шляпы съ головы. Ихъ было очень не много. Въ числѣ ихъ упомянемъ Австрійскаго посла графа Фикельмона и графа Сперанскаго. Помню, какъ сей послѣдній при всякой погодѣ, при дождѣ и при морозѣ, обнажалъ свое лысое и сіяющее темя. Въ мою молодость еще

не жалѣли ни шляпы, ни руки. Былъ въ Москвѣ литераторъ Ильинъ, избалованный театральными успѣхами своими и успѣхами въ нѣкоторыхъ домахъ высшаго Московскаго общества. Шаликовъ, встрѣтясь съ нимъ на улицѣ, остался не доволенъ его отвѣтнымъ поклономъ, и тутъ же сказалъ экспромтомъ:

Впередъ тебѣ, Илья,
Не поклонюся я:
Досадно, какъ пустою
Кивнешь ты головою.

Кстати о письмахъ Нелединскаго, можно еще замѣтить, что письма у насъ долго писались или совершенно безграмотнымъ, или книжнымъ языкомъ: тому доказательствомъ служитъ переписка многихъ государственныхъ людей временъ Екатерины. Къ перу не иначе приступали какъ съ какою то торжественностью и осмотрительностью. Письменный, то есть эпистолярный, языкъ вошелъ въ употребленіе и установился позднѣе. Письмо сдѣлалось тогда стенографіею мыслей и чувствъ, которыя запросто и сгоряча ложились на бумагу. Ив. Ив. Дмитріевъ, какъ и Нелединскій, соблюдалъ въ письмахъ своихъ еще старый складъ и старый порядокъ. Письма Карамзина уже гораздо простѣе и, такъ

сказать, развязнѣе. Въ нихъ слышишь его самого, какъ въ устной бесѣдѣ. *Кн. В.*

IX. ПИСЬМА Д. В. ДАВЫДОВА.

1.

Любезной Вяземской! Съ тѣхъ поръ какъ я васъ оставилъ, я все живу въ Варшавѣ. Еще судьба не устаетъ меня преслѣдовать. Тогда какъ войска наши летѣли къ славѣ, великій князь остановилъ меня здѣсь съ намѣреніемъ отнять у меня случай быть въ дѣлѣ, или отличиться. Къ счастію моему ни одинъ Русской не выстрѣлилъ, и честь моя спасена! Однако же на дняхъ я ѣду въ Парижъ. Независимо устрицъ, pâtés de foie gras и Сиренъ Парижа—надо кончить и рѣшить судьбу свою! A propos de Sirène, что дѣлаетъ божество мое? Все ли она такъ хороша? Богомъ тебѣ клянусь, что по сію пору влюбленъ въ нее какъ дуракъ. Сколько здѣсь прекрасныхъ женщинъ; ей ей, ни одна сравниться не можетъ! Прости, скажи мое всенижайшее почтеніе княгинѣ, поцѣлуй княжнушку и, когда будешь пи-

сать къ Четвертинскому, вспомни ему обо мнѣ. Пиши ко мнѣ въ Варшаву въ канцеларію главнокомандующаго резервною арміею, на имя Петра Ивановича Миллера для доставленія такому-то. Прости, да напиши обо всемъ.

Твой другъ Денисъ Давыдовъ.

Князь Ѳедоръ (1) былъ у меня въ Варшавѣ, когда полкъ его проходилъ впередъ,—а теперь всѣ они возвращаются.

2 сентября (1815).

2

16 октября, Варшава.

Письмо твое, любезной мой Вяземской, меня ужасно обрадовало, и какъ будто перенесло въ бѣлокаменную, съ которой сопрягаются всѣ мои сердечныя воспоминанія! Не лѣнись, милой другъ, увѣдомляй почаще о своемъ житьѣ-бытьѣ; я съ своей стороны отъ того рѣдко пишу, что писать нечего; ходъ моей жизни одинаковъ — неудовольствія да притѣсненія за вѣрную мою

(1) Кн. Ѳед: Ѳед: Гагаринъ, шуринъ мой. *Кн. В.*

службу, вотъ все что я получилъ и получаю. Но такъ какъ моя мачиха-фортуна пріучила меня къ терпѣнію, то и сношу все безъ ропота, тѣмъ паче что, повѣришь ли? когда я нахожусь въ положеніи требующемъ твердости духа, я какъ будто на своемъ мѣстѣ. Но полно объ этомъ говорить.

Ты пишешь, что первое письмо ко мнѣ послалъ съ Вельяшевымъ, которой находится въ главной квартирѣ. Я объ этомъ узналъ отъ пріѣзжихъ изъ Парижа, но его не видалъ, слѣдственно письма твоего не получалъ, и не надѣюсь по смежности съ зимою получить даже и послѣ дождечка въ четвергъ. Онъ же, какъ я предвижу, опять займется дисертаціею объ ухабахъ: то до письма ли будетъ ему (²)? Читавши о пирахъ вашихъ въ Кунцовѣ, зависть моя доходила до бѣшенства! Естлибъ я зналъ, что великой князь по милости своей удержитъ меня здѣсь, съ какимъ бы удовольствіемъ я провелъ съ вами время, которое по пустому убилъ въ

(²) Вельяшевъ служилъ по вѣдомству путей сообщенія. *Кн. В.*

пустой Варшавѣ съ пустыми людьми! Авось ли судьба будетъ мнѣ благосклоннѣе и зимою опять заброситъ меня въ матушку-Москву. Тогда надѣюсь, что усы мои опутаютъ ноги Глушковскаго и уничтожатъ всѣ его покушенія,—но этой вѣсти между тѣмъ я не вѣрю и не хочу вѣрить! Да и охота тебѣ выводить меня изъ заблужденія; я по сію пору влюбленъ какъ дуракъ! Ты знаешь, что Полячки, особенно въ Варшавѣ, и хороши и привлекательны, но божусь тебѣ честью, что ни одной нѣтъ достойной стать на ряду съ нею! И ты можешь ей сказать, что я отъ нея умираю, всякой день толстѣю;—но у всякаго свой манеръ умирать. Что тебѣ еще сказать? Царя ждемъ къ 24-му сего мѣсяца, а такъ какъ съ нимъ Уваровъ, то по геометрической пропорціи выходитъ, что и Окуневъ сюда явится. Съ какимъ нетерпѣніемъ я его ожидаю, какъ онъ будетъ мнѣ читать свою Героиду и какъ я при послѣднемъ стихѣ объявлю ему, что героиня его Героиды за мужемъ. Все это меня восхищаетъ.

Прости, милой Вяземской, скажи мое почтеніе княгинѣ, кланяйся Василью Льво-

вичу Пушкину, князю А. Голицыну и всѣмъ нашимъ пріятелямъ, особенно Майкову, который, подобно Юпитеру, владѣетъ судьбой моей; радуюсь сердечно, что ему лучше. Письмо къ сыну его Николаю я не отдалъ, потому что не видалъ его, а поручить другому не хотѣлъ; скоро его доставлю или самъ или чрезъ вѣрныя руки, которыя мнѣ еще по сію пору не попадались. Пожалуйста пиши по чаще и адресуй письма по прежнему. Жуковскому я писалъ въ Петербургъ; онъ, по слухамъ, принятъ императрицею очень милостиво, и боюсь, чтобы изъ независимаго философа не поступилъ въ рабы фортуны. Прости еще, любезной другъ. Не забудь сказать мое почтеніе Николаю Михайловичу и Катеринѣ Андреевнѣ.

Твой вѣрный другъ
Денисъ Давыдовъ.

Увѣдомь, гдѣ ты нанялъ домъ и чей именно. Естлибъ не родные, я бы съ радостію принялъ твое дружеское предложеніе; все однакожъ сдѣлаю у тебя pied-à terre, чтобы имѣть удовольствіе перваго въ Москвѣ тебя увидѣть.

3.

8 го декабря. М. Яновъ, возлѣ Бреста.

Наконецъ, я любезной Вяземской, вырвался изъ Варшавы и иду вмѣстѣ съ дивизіею: изъ Бреста поѣду въ Кіевъ на контракты, а отъ туда, естьли будетъ возможность, полечу къ вамъ. Новаго тебѣ писать нечего; мы идемъ довольно весело, ибо осушиваемъ остатки шампанскаго, привезеннаго изъ Франціи; жаль, что тебя нѣтъ здѣсь и Ивановой, тогда, можетъ быть, я не пожелалъ бы и въ Москву. Но во чтобы то ни стало, я постараюсь, естьли не въ январѣ, то вѣрно въ февралѣ, увидѣть всѣхъ васъ. Естьли будешь писать, пиши въ Кіевъ и увѣдомь, гдѣ нанялъ домъ, дабы мой pied-à terre былъ у тебя. Друзьямъ нашимъ всѣмъ кланяйся и скажи мое почтеніе княгинѣ. Прости, твой другъ Д. Давыдовъ.

*

Къ письмамъ Давыдова.

Отъ этихъ писемъ Денниса Давыдова такъ и вѣетъ, такъ и пышетъ моло-

достью: молодостью того, кто ихъ писалъ и молодостью времени, въ которое они были писаны. Послѣ счастливаго окончанія отечественной войны и побѣдоноснаго похода нашего отъ развалинъ Москвы до Парижа, Россія свободно вздохнула, ожила духомъ обновленія и возрожденія. Всѣ мы почувствовали сладостную отраду, которую ощущаетъ выздоравливающій послѣ тяжкой и опасной болѣзни. Тутъ и старикъ молодѣетъ и предается впечатлѣніямъ давно забытымъ. Снова пробуждается какая-то жажда жизни и наслажденія. Въ этомъ чувствѣ, въ этомъ увлеченіи есть что-то юношеское, довѣрчивое, беззаботное. Испытанія, опасность и страданія миновались и забыты: можетъ быть, слишкомъ забыты. Но такова человѣческая натура вообще, а славянская въ особенности. Никогда Россія, даже и въ воинственное и громкое царствованіе Екатерины Великой, никогда, какъ въ то время, Россія не стояла на подобной политической, государственной и народной высотѣ. И тогда каждый имѣлъ внутреннее сознаніе, что по силамъ своимъ содѣйствовалъ этому возвышенію. Отъ царя до подданнаго, отъ полководца до послѣдняго ратника, отъ помѣщика до смиреннаго поселянина, всѣ безъ изъ-

ятія вынесли на плечахъ своихъ и на духовномъ могуществѣ своемъ Россію изъ бѣды и подняли её на высшую ступень славы и народной доблести. Москва въ особенности по принесеннымъ жертвамъ своимъ, опаленная, но и озаренная славою необычайной, стояла высоко на этомъ празднествѣ Русскаго освобожденія. Въ ней преимущественно предались веселію и ликованію. Почему же, въ самомъ дѣлѣ, по совершеніи такихъ подвиговъ, добрымъ молодцамъ и не погулять? Впрочемъ Денисъ, и въ зрѣлости лѣтъ и когда уже вступилъ въ семейную жизнь, сохранилъ до кончины изумительную молодость сердца и нрава. Веселость его была прилипчива и увлекательна. Онъ былъ душею и пламенемъ дружескихъ бесѣдъ: мастеръ былъ говорить и расказывать. Нѣсколько хриплый, а по временамъ и тоненькій фистульный голосъ придавалъ какую-то оригинальность его рѣчи.

Нашъ боецъ чернокудрявый
Съ бѣлымъ локономъ на лбу,

по живописному выраженію Языкова, (самъ Давыдовъ шутя называлъ этотъ серебристый хохолокъ: la flamme du génie) обладалъ къ тому же замѣчатель-

нымъ мимическимъ дарованіемъ. Когда онъ разсказывалъ анекдоты про Ѳедора Петровича Уварова, про атамана Платова и т. д., онъ представлялъ ихъ въ лицахъ, онъ воплощалъ ихъ въ себѣ. Особенно дивился я этой неизсякаемой струѣ живости и веселости, когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и мы видались съ нимъ уже по минованіи года, а иногда и болѣе. Мы всѣ въ Петербургѣ болѣе или менѣе старообразны и однообразны. Онъ всё, духомъ и складомъ ума, былъ моложавъ. Бесѣды мои съ нимъ послѣ долгой разлуки такъ и вспрыскивали, такъ и обдавали меня живою водою нашей бывалой Московской жизни. Признаться, впрыскивали не одною водою, а подъ часъ и шампанскимъ. Впрочемъ не лишнимъ замѣтить, что пѣвецъ вина и веселыхъ попоекъ, въ этомъ отношеніи нѣсколько поэтизировалъ. Радушный и пріятный *собутыльникъ*, онъ на дѣлѣ былъ довольно скроменъ и трезвъ. Онъ не оправдывалъ собою нашей пословицы: пьянъ да уменъ два угодья въ немъ. Уменъ онъ былъ, а пьянымъ не бывалъ ([3]).

Письма его относятся ко времени

([3]) Поэтическій памятникъ Д. В Давыдову есть стихотвореніе кн. Вяземскаго: *Эверне* (въ Дорогѣ и дома, стр. 203). *П. Б.*

втораго похода въ Парижъ, послѣ бѣгства Наполеона съ острова Эльбы. Разумѣется, вся военная молодежь, веселившаяся въ Москвѣ, разлетѣлась тогда на всѣ стороны по мѣсту служенія своего. Когда дошла до насъ вѣсть, что Наполеонъ ворвался во Францію, кто-то сказалъ при мнѣ: да что можетъ этотъ безумецъ сдѣлать съ своею шайкою бродягъ?—Многимъ вымыть порядкомъ голову, отвѣчалъ я.

Сирена или *божество*, о которой упоминаетъ Давыдовъ, была танцовщица Иванова. И подлинно, была она красавица и необыкновенно, стыдливо-граціозна. Денисъ воспламенился ею и воспѣвалъ ее съ чистою страстью цѣломудреннаго и пламеннаго Петрарки.

Въ Кунцовѣ близь Москвы жилъ лѣтомъ Аполлонъ Александровичъ Майковъ, тогда директоръ театра. Онъ на дачѣ давалъ иногда театральныя вечеринки, на которыхъ разумѣется находилась и царствовала Иванова. Въ то время говорили, что она выходитъ за мужъ за танцора Глушковскаго, что̀ послѣ и въ самомъ дѣлѣ сбылось. Къ этому слуху и относится усастая шутка Дениса.

Окуневъ былъ офицеромъ кавалергардскаго полка. Онъ писалъ француз-

скіе стихи въ родѣ Колардо и Дората, которые читалъ съ большимъ восторгомъ и съ произношеніемъ нѣсколько гасконскимъ.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (4), соименникъ князю, извѣстному въ лѣтописяхъ русской государственной дѣятельности, былъ совершенная противоположность своему именитому тёскѣ. Впрочемъ имѣлъ и онъ своего рода знаменитость. Еще въ домѣ отца моего получилъ онъ прозвище: Cosa rara, такъ называется старинная опера. Въ нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ до послѣдней копѣйки наслѣдство свое, заключавшееся въ 24 т. душахъ и въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Разсказывали, что онъ ежедневно отпускалъ кучерамъ своимъ по полудюжинѣ бутылокъ шампанскаго вина, подписывалъ заемныя письма не читая ихъ и такія, въ которыхъ денежная сумма прописана была не буквами, а цыфрами: такъ что заимодавцы, по большой части иностранные, на досугѣ легко приписывали къ означенной

(4) Каммергеръ вн. А. Н. Голицынъ родной внукъ фельдмаршала временъ Петра Велик. кн. Михаила Михаиловича старшаго и племянникъ Екатерининскаго фельдмаршала кн. Александр. Михаиловича. Р. 1769, ум. 1817. *П. Б.*

суммѣ по нулю, а иногда по два и по три. Всѣ прочія дѣйствія и расходы его были въ этомъ поэтическомъ и эпическомъ размѣрѣ. Былъ онъ женатъ на княжнѣ Вяземской, дальней намъ родственницѣ. Послѣ развелись они съ обоюднаго и дружелюбнаго согласія, и вышла она за мужъ за графа Льва Кириловича Разумовскаго. Послѣдніе годы жизни своей провелъ онъ въ Москвѣ, получая приличное денежное содержаніе отъ племянниковъ своихъ, свѣтлѣйшихъ князей Меньщиковыхъ и князей Гагариныхъ. Ребенкомъ зналъ я его въ домѣ отца моего, а послѣ, когда онъ состарѣлся, принималъ я его часто въ своемъ домѣ, и все мое общество пріятельски сблизилось съ нимъ. Онъ по своему былъ практическій мудрецъ. Никогда не сожалѣлъ онъ о прежней своей пышности, о прежнемъ своемъ высокомъ положеніи въ обществѣ; а наслаждался по возможности жизнію, былъ всегда веселъ духомъ, а часто и навеселѣ. Уже принадлежавшій Екатерининскому времени, онъ еще братался съ нами, молодежью, и раздѣлялъ наши невинныя и винныя проказы. Въ отрочествѣ получилъ онъ отличное образованіе, правильно и красно говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ. Въ молодости былъ

онъ при дворѣ и высшемъ обществѣ, образцовымъ юношей по своей осанкѣ, по своимъ пріемамъ, по своей изящной и утонченной вѣжливости. И въ пожилыхъ лѣтахъ, когда уже не было кругомъ его блестящей обстановки, онъ все еще сохранялъ, на зло судьбѣ и своимъ заблужденіямъ, величавую и совершенно вельможескую наружность. Ума былъ онъ далеко не блистательнаго, но такъ хорошо, такъ плавно изъяснялся, особенно по французски (а французскій языкъ обманчивъ въ этомъ отношеніи) что за изящнымъ складомъ рѣчи не скоро можно было убѣдиться въ довольно-ограниченной состоятельности умственныхъ дарованій его. Жуковскій, который былъ всегда очень довѣрчивъ, нашедши его по пріѣздѣ своемъ изъ деревни, близкимъ домашнимъ человѣкомъ у меня, и пеняя мнѣ за нѣкоторыя другія мои знакомства и связи, похвалилъ меня за то, что я умѣлъ привлечь къ себѣ такого степеннаго и почтеннаго старичка. Разумѣется, и онъ въ послѣдствіи разглядѣлъ его, и мы часто потомъ смѣялись съ нимъ надъ его опрометчивымъ заключеніемъ. Но впрочемъ и онъ полюбилъ его, потому что нельзя было не любить. Одни безчестныя свойства и дѣла ненавистны. Слабостямъ можно

прощать. Со стороны можно даже любоваться и веселиться ими, когда носятъ онѣ на себѣ печать оригинальности. Ужъ теперь не найдешь подобныхъ чудаковъ. Строгіе судьи и нравоучители прибавятъ: по счастію не найдемъ. Полно такъ ли? Какъ нравы, такъ и болѣзни измѣняются, а иные и вовсе искореняются. Но имъ на смѣну поступаютъ другіе вовсе не извѣстные и не бывалые. По временамъ, въ физическомъ и нравственномъ мірѣ, въ той и другой атмосферѣ являются то что̀ называется *инфлуэнціи*, повѣтрія, которыя дѣйствуютъ на тѣлесное сложеніе человѣка и на общественное и внутреннее здоровье его. Нравы измѣнились, не спорю. Въ иномъ и къ лучшему: и съ этимъ я согласенъ. Но вообще нравственная гигіена усовершенствовалась ли? Нѣтъ ли новыхъ недуговъ, прежде не знакомыхъ и чуть ли не горше прежнихъ? Однимъ словомъ, въ наше время улучшились ли нравы? Вотъ вопросъ, который разрѣшить не берусь. Во всякомъ случаѣ позволю себѣ замѣтить, что въ старомъ обществѣ, которое я еще засталъ, въ которомъ прожилъ я нѣсколько лѣтъ, было болѣе драматическихъ стихій и движенія, болѣе разнообразной самобытности и самоличности, болѣе обще-

жительной связи. Міровыя и народныя событія шли своимъ чередомъ, а иногда, можно сказать, и не худо. Государственные дѣятели и дѣятели мысли тоже кое гдѣ встрѣчались. Общество имѣло свою степенную, назидательную сторону, но въ тоже время и свою яркоживописную и картинную. Въ то время было веселѣе быть дѣйствующимъ лицемъ и зрителемъ на этомъ домашнемъ театрѣ любителей искусства для искусства. Нынѣ жизнь наука, и чуть ли не изъ числа камеральныхъ—тогда была она изящное искусство. *Кн. В.*

*

Нижеслѣдующія письма относятся къ предполагавшемуся празднованію 50-лѣтняго юбилея Жуковскаго и напечатанію сочиненій его, а также къ „Перепискѣ съ друзьями“, Гоголя.

Юбилей Жуковскаго, какъ извѣстно, не состоялся по причинѣ непріѣзда его въ Россію изъ чужихъ краевъ, и объясненіе сей причины заключается въ письмѣ его. Но, за невозможностью торжественнаго и офиціяльнаго празднества, друзья и близкія лица къ Жуковскому отпраздновали сей день у меня домашнимъ образомъ. Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ, нынѣ благополучно царствующій Импе-

раторъ почтилъ милостивымъ присутствіемъ Своимъ это семейное торжество, во изъявленіе сердечнаго сочувствія и уваженія къ бывшему Своему наставнику. На этомъ вечерѣ графъ Блудовъ прочиталъ стихи, мною написанные по поводу юбилея (1); графъ Михаилъ Вьельгорскій пѣлъ куплеты мои, которые положилъ онъ на музыку (2); Михаилъ Глинка, тогда только что возвратившійся изъ за границы, оживилъ музыкальную часть этого вечера. Смерть причла къ имени самаго юбиляра и эти три имени дѣйствовавшихъ лицъ на его праздникѣ. Еще нѣсколько другихъ именъ можно прибавить къ этому загробному списку. Всѣ участвовавшіе, дамы и мужчины, записали имена свои на листѣ, которой былъ отправленъ къ Жу-

(1) См. „Въ дорогѣ и дома“, стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго. М. 1862, стр. 249.

Не съ нами онъ, другъ милый, но заочный,
Нашъ славный другъ, виновникъ торжества,
Краса и честь поэзіи полночной,
Жрецовъ ея жрецъ старшій и глава!
Не съ нами онъ! Съ торжественнымъ обрядомъ,
Намъ не вѣнчать достойнаго чела,
Ни рѣчью намъ не выразить, ни взглядомъ
Всего что̀ въ насъ любовь къ нему зажгла и пр.

(2) См. тамъ же стр. 247.

ковскому. Онъ очень тронутъ былъ изъявленіемъ нашего сочувствія. *Кн. В.*

X. ТРИ БУМАГИ ГРАФА С. С. УВАРОВА.

1.

Милостивый государь
Князь Петръ Андреевичъ.

Съ высочайшаго соизволенія предположено учредить приличное торжество въ честь *Жуковскаго* во время пребыванія его здѣсь и тогда же открыть добровольную подписку на составленіе капитала для учрежденія въ словесномъ отдѣленіи С.-Петербургскаго университета одной или нѣсколькихъ стипендій. Для приведенія сего въ дѣйствіе представляется необходимымъ войти въ предварительное совѣщаніе о семъ дѣлѣ и разсмотрѣть способы его выполненія.

Надѣясь, что ваше сіятельство не откажетесь принять участіе въ предполагаемыхъ совѣщаніяхъ, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, извѣстить меня, угодно ли будетъ вамъ изъявить на то ваше согласіе. По полу-

ченіи сего отзыва, я не премину увѣдомить о времени, когда совѣщанія должны будутъ воспріять начало.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. *Графъ Уваровъ.*

№ 819.
Іюня 1847.

Его Сіятельству Князю П. А. Вяземскому.

2.

Милостивый Государь,
Князь Петръ Андреевичъ.

Считаю обязанностію увѣдомить ваше сіятельство о распоряженіяхъ, какія я могу сдѣлать по доставленной мнѣ вами запискѣ объ изданіи сочиненій В. А. Жуковскаго. Въ разсужденіи новаго полнаго собранія сочиненій его, хотя разрѣшеніе печатать прежде изданныя статьи безъ разсмотрѣнія и одобренія ихъ вновь цензурою и не совершенно согласно съ установленнымъ порядкомъ, я готовъ, однако, испросить на это исключеніе изъ общаго правила для г. Жуковскаго высочайшее соизволеніе Государя Императора. Равномѣрно предложу цензурѣ дозволить въ печать но

вое произведеніе его: *Рустемъ* и *Зорабъ*, которое потомъ и доставлю къ вашему сіятельству.—Что же касается до предполагаемой имъ классной книги, то обыкновенно министерство народнаго просвѣщенія покупаетъ для подвѣдомственныхъ заведеній книги, служащія учебными пособіями, по отпечатаніи ихъ, въ такомъ количествѣ экземпляровъ, какое понадобится; пріобрѣтаетъ же право собственности на рукописи только руководствъ собственно учебныхъ по разнымъ наукамъ; да и между сочиненіями этого рода лучшія остаются собственностью сочинителей, а министерство покупаетъ отпечатанные экземпляры. Съ такимъ распоряженіемъ сопряжена бо́льшая польза для сочинителей, которые при каждомъ новомъ изданіи книги получаютъ новую денежную выгоду. Во всякомъ случаѣ для министерства будетъ весьма затруднительно предложить съ своей стороны автору условія на пріобрѣтеніе сочиненія, котораго ни объемъ, ни содержаніе вполнѣ ему еще неизвѣстны; гораздо удобнѣе будетъ, ежели авторъ объявитъ свои условія и чрезъ то доставитъ министер-

ству средства судить, можетъ ли оно и въ какой мѣрѣ ему возможно согласиться на эти предложенія. Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Графъ Уваровъ.

10 Іюля 1847.
№ 915.

3.

Милостивый государь
Князь Петръ Андреевичъ.

По всеподданнѣйшему докладу моему Государю Императору объ изданіи сочиненій В. А. Жуковскаго безъ новаго разсмотрѣнія со стороны цензуры того, что̀ уже прежде разсмотрѣно и напечатано, Его Императорское Величество, въ 29-й день сего Іюля, изъявить соизволилъ на то высочайшее согласіе. Въ исполненіе сей высочайшей воли, я далъ надлежащее предписаніе С. Петербургскому цензурному комитету въ предположеніи, что сочиненія Жуковскаго будутъ печатаемы здѣсь. Въ случаѣ же намѣренія автора, по отдаленности его жительства, напечатать оныя за границею, я покорнѣйше прошу ваше сіятельство извѣ-

стить меня объ этомъ для предписанія цензурѣ сообразоваться съ правилами, на такой случай постановленными.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Графъ Уваровъ.

31 Іюля 1847.

XI. ПИСЬМО П. А. ПЛЕТНЕВА.

Имѣю честь препроводить къ вашему сіятельству письмо Гоголя, сію минуту полученное мное въ пакетѣ на мое имя. Гоголь теперь во Франкфуртѣ на Майнѣ, куда проситъ и отсылать къ нему письма, адресуя ихъ въ Русское посольство. Я отъ Гоголя узналъ слѣдующія новости. Жуковскій отложилъ намѣреніе пріѣхать въ Спб. нынѣшнимъ лѣтомъ. Онъ съ больною женою своею останется въ Интерлакенѣ въ Швейцаріи. И такъ о юбилеѣ и хлопотать нечего. Но тѣмъ удобнѣе сдѣлать что нибудь въ его пользу или для составленія стипендіи. Не можетъ ли гр. С. С. Уваровъ предложить отъ своего департамен-

та Жуковскому, чтобы онъ не откладывая готовилъ изданіе Одиссеи для училищъ, по тому плану со вступленіемъ въ Греческую исторію, какъ было объявлено въ Москвитянинѣ 1845 года [3]).

Гоголь написалъ еще какую то книжку, которая, по его словамъ, должна возвратить публику къ чтенію его „Переписки съ друзьями“ ([4]). И потому онъ настоятельно требуетъ отъ насъ, чтобъ мы ему доставили для просмотру ненапечатанныя мѣста его книги (рукопись уже возвращена мнѣ графинею А. М. Віельгорскою). Душевно преданный вамъ

П. Плетневъ.

10 іюня
1847

P. S. По расчисленію моему, Жуковскаго 50-лѣтіе литературной жизни исполнится въ октябрѣ 1847 года. Его

([3]) Мысль, къ сожалѣнію не приведенная въ исполненіе. Кто занимался обученіемъ Русской словесности, тотъ знаетъ по опыту, какъ подобное изданіе было бы полезно. *П. Б.*

([4]) Кажется, это было нынѣ изданное Объясненіе на литургію. *П. Б.*

первая статья напечатана въ XVI ч. (№ 86) „Пріятнаго и Полезнаго Препровожденія времени“ 1797 года, начавшагося въ 1794 г.

XII. ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО.

Эмсъ 1847 г. $^{2}/_{14}$ іюля.

Эта бумага уже была приготовлена и почти уже лежала передо мною для письма къ тебѣ, мой милый Вяземскій, когда я получилъ твое послѣднее отъ 18 іюня. Я всё еще не поднималъ руки, чтобы взяться за перо и поваливался на диванѣ, слушая убѣжденія лѣни, которая старалась доказать мнѣ, что въ такой жаръ, какимъ теперь всё испечено въ Эмсѣ, писемъ никто не пишетъ. Вѣроятно, что этотъ Сиренинъ голосъ на меня бы и подѣйствовалъ, если бы вдругъ не явилось твое письмо; оно заставило меня вынуть изъ портфеля и то, которое мною получено вмѣстѣ съ твоею брошюрою, и я наконецъ рѣшился поднять руку къ перу—это главное; теперь пойдетъ. Твои строки въ прежнемъ миломъ твоемъ письмѣ грустно

пошевелили мнѣ сердце. *Въ отношеніи къ дружбѣ*, пишешь ты, *я здѣсь въ совершенномъ одиночествѣ; есть добрые знакомые, пріятели, а друзей нѣтъ. Изъ друзей ты только одинъ и остался на землѣ.* Да, ужъ много лучшихъ товарищей нашихъ ушло въ землю! Мы съ тобой огрызки нашего особеннаго міра, и валяемся далеко одинъ отъ другаго на лицѣ земли. Меня принялъ уютный уголокъ, въ которомъ все для меня новое, но это все *мое* собственное, родное; имъ я отгороженъ отъ пустѣющаго міра, въ которомъ жилъ до сихъ поръ, и эта пустота не столько мнѣ ощутительна. За то за мой теперешній, живой заборъ, не залетаетъ воспоминаніе о прошедшемъ: оно здѣсь чужой гость. Тебѣ тяжелѣ меня сносить такое запустѣніе: много, много у тебя взяла жизнь; самые тяжелые опыты посѣтили твою душу, тѣмъ болѣе тяжкіе, что ты не охотникъ дѣлиться своею ношею и тащишь её молча на собственныхъ плечахъ своихъ. Радуетъ меня за тебя однако то, что̀ слышу отъ тебя и слышалъ отъ многихъ о Павлѣ. Теперь онъ тертый калачь, сказалъ бы я

объ немъ, естьли бъ только понималъ смыслъ этой Русской пословицы. Онъ прошолъ чрезъ огонь опыта и не сгорѣлъ въ черный уголь, а окрѣпъ, можетъ быть, въ сталь. Ты, по своимъ лѣтамъ, еще можешь быть ему нѣсколько времени товарищемъ въ здѣшнемъ свѣтѣ, можешь идти съ нимъ рука въ руку: мнѣ этого счастія не имѣть. Когда мой сынъ станетъ на свои ноги, я уже буду безъ ногъ (если проживу столько) и онъ будетъ для меня только посохомъ, предохраняющимъ отъ паденія.—Я собрался было къ вамъ въ гости; но въ самомъ началѣ письма моего выставка: *Эмсъ*, означаетъ тебѣ, что я сбился, то есть, что меня сбило съ дороги. Я собрался было ѣхать въ Петербургъ, ждалъ только прибытія Великаго Князя [5]), чтобы, съ нимъ повидавшись, отправиться въ путь; но вдругъ Коппъ [6]) рѣшилъ, что женѣ надобно дышать горнымъ швейцарскимъ воздухомъ; и я собрался въ Швейцарію всею

---

[5]) Нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

[6]) Медикъ.

семьею,—и это не сбылось: Коппъ увидѣлъ, что еще нужно женѣ короткое леченіе и предписалъ ей Эмсъ, въ приготовленіе къ воздуху Альповъ, запретивъ при томъ отваживаться послѣ такой передряги на Русскій зимній холодъ, который необходимо возобновилъ бы всю ея болѣзнь, теперь уже почти десять мѣсяцевъ ее не покидающую. Такимъ образомъ я опять на годъ здѣсь. Но будущею весною, оправится ли жена или нѣтъ, возвращусь къ вамъ; если жена оправится, возвращусь на житье, а когда не оправится, пріѣду погостить. Изъ этого слѣдуетъ, что и мой юбилей не состоится, ибо меня на лицо не будетъ (7). Но развѣ нужно для этого мое присутствіе? Для меня было бы душеусладнѣе, когда бы этотъ актъ воспоминанія и благоволенія отечества

(7) Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ готовились было праздновать возвращеніе на родину великаго писателя и любимаго человѣка. Въ Москвѣ покойный С. П. Шевыревъ задумывалъ устроить вечеръ, на которомъ Жуковскому должны были представиться молодыя Москвитянки, одѣтыя кто Людмилою, кто Свѣтланою, Орлеанскою Дѣвою, Ундиною, Дамаянти и проч. *П. Б*

совершился въ отсутствіи моемъ. Для меня было бы тогда одно чистое, не смѣшанное ни съ какими тревогами самолюбія, чувство благодарности. Моимъ представителемъ могутъ быть двѣнадцать пѣсней Одиссеи, которыя скоро къ вамъ будутъ отправлены: дожидаюсь для этого возвращенія Великаго Князя изъ Киссенгена въ Дармштадтъ, дабы ввѣрить манускриптъ Фельдъегерю. Впрочемъ всё это до меня теперь не касается; я могу только сказать одно, что письмо Уварова къ тебѣ меня тронуло; прошу тебя отъ меня его дружески поблагодарить за такую заботливость о старомъ своемъ сослуживцѣ подъ знаменами Арзамаса. Буду писать къ нему самъ, когда пошлю ему свои XII пѣсенъ Одиссеи (какъ членъ академіи ея президенту).–Продолжаю отвѣчать на письмо твое по порядку. Что скажу о рѣчи моего вѣнчаннаго друга? [8]) Скажу, что я читалъ ее съ глу-

---

([8]) Покойнаго короля Прусскаго Фридриха Вильгельма IV. Кажется, это та самая рѣчь (по поводу конституціонныхъ движеній въ Пруссіи), въ которой король выразился: Das Loos der Koe-

бокимъ чувствомъ, и восхищался ею какъ высокимъ, прекраснымъ актомъ души человѣческой. Что она произведетъ? какъ подѣйствовала? кстати ли, не кстати ли? До этого мнѣ дѣла нѣтъ. Главное то, что она вылилась прямо, струями чистой божественной правды, изъ чистой души царской; что она выразила вполнѣ душу, любящую правду и покорную Богу; что она сказана съ трона и что, когда слова слетали съ устъ, въ душѣ говорившаго было гораздо болѣе еще того что̀ говорили уста его; и что слово его было онъ самъ. Естьли въ душѣ его столько силы, чтобы и *на дѣлѣ* остаться своимъ сказаннымъ въ минуту вдохновенія *словомъ*, чтобы совершить съ успѣхомъ то, чего душа желаетъ вѣрою и правдою? Не знаю и даже не надѣюсь этого: слишкомъ силенъ потокъ, въ который онъ бросился, слишкомъ глухи уши, его слышавшія, слишкомъ проникнутъ діявольскою необузданностію нашъ вѣкъ, чтобъ понять и принять

---

nige iſt Trähnen-ſchwer, т. е. участь государей тяжка, по обилію слезъ. *П. Б.*

голосъ верховной Божіей правды. Онъ для меня самое трогательное и самое высокое лицо нашего времени: онъ созданъ, чтобы всё лучшее понимать и всего лучшаго желать, и все это лучшее причтено ему въ преступленіе, съ которымъ его, палачь всякой правды—*наше время* привязало къ позорному столбу своему и предаетъ на ругательный хохотъ толпы. Теперь всего бы нужнѣе былъ желѣзный Наполеонъ съ своими мѣдными пушками.

$^{3}/_{15}$. Передъ отъѣздомъ моимъ въ Эмсъ я видѣлъ съ величайшимъ удовольствіемъ у себя Андрея Карамзина съ его Авророю [9]) и порадовался ими. Знаешь ли, съ кѣмъ я живу подъ одною кровлею въ Эмсѣ?—съ Хомяковымъ. Онъ здѣсь съ женою, которая лечитъ Эмсомъ свою больную грудь (впрочемъ ея болѣзнь не имѣетъ ничего опаснаго). Хомяковъ—живая, разнообразная, поэтическая библіотека; добродушный, пріятный собесѣдникъ. Онъ мнѣ всегда былъ по нутру; теперь я впился въ него, какъ

([9]) Супруга покойнаго Андр. Никол. Карамзина, Аврора Карловна, урожденная Шернваль.

паукъ голодный въ муху: навалилъ на него чтеніе вслухъ моихъ стиховъ; это самое лучшее средство видѣть ихъ скрытые недостатки, явные всѣ мною самимъ были замѣчены, и сколько могъ я съ ними сладилъ. Къ намъ подъѣхалъ и Гоголь, и мы на досугѣ тріумвиратствуемъ. Но знаешь ли, кого я еще здѣсь встрѣтилъ? Лягрене [10]) съ женою; они явились сюда вчера и пробудутъ здѣсь столько же, какъ и мы. Я имъ объявилъ всё, что о тебѣ знаю изъ послѣднихъ твоихъ писемъ, и они тебѣ кланяются. Но что значитъ эта фраза въ твоемъ письмѣ: *Тютчевъ тебѣ разскажетъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ*? Письмо я получилъ по почтѣ. Гдѣ же Тютчевъ? Не ужели онъ проѣхалъ чрезъ Франкфуртъ? Какъ и гдѣ отыскать его?

Читалъ ли ты Рустема и Зораба? Напиши свое мнѣніе. Статью твою о

([10]) Французъ-дипломатъ, нѣкогда (около 1828 г.) жившій въ Петербургѣ секретаремъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ французскаго посольства и женившійся въ Россіи на г. Дубенской. Кажется, онъ переводилъ на французскій языкъ стихи Пушкина. *П. Б.*

Гоголевой книгѣ я читалъ съ необыкновеннымъ удовольствіемъ. Многое даже меня глубоко тронуло. Но къ ней я намѣренъ возвратиться послѣ; теперь только вообще благодарю тебя за мастерски написанную статью. Вотъ истинная критика [11]).

1 августа.

Это письмо какъ видишь, начато 14 іюля, а еще 1 августа не послано; отчего такъ? не знаю. Но таковъ у насъ съ тобою обычай. Между тѣмъ подоспѣло письмо нашего добраго Плетнева, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня о прибытіи къ вамъ Рустема и Зораба и благосклонномъ ихъ принятіи имъ и тобою. Хорошо. Говоритъ мнѣ также и о печатаніи полнаго изданія моихъ твореній. Хорошо. Но что будетъ, когда я ихъ отъ себя напечатаю? Кто будетъ ихъ продавать? Какъ мнѣ возиться съ книгопродавцами? И гдѣ взять денегъ

([11]) См. статью кн. П. А. Вяземскаго въ №№ 90 и 61 Спб. Вѣдомостей 1847 г.: Языковъ и Гоголь". О ней же (оттискѣ ея) говорится ниже въ письмахъ Гоголя и Чадаева.

на напечатаніе? Не лучше ли продать кому нибудь, приложивъ къ существующимъ 9 томамъ, новый десятый? А я бы ужь здѣсь съ Рейфомъ [12]) всё уладилъ; напечатанное могло бы быть перепечатано подъ надзоромъ самаго Рейфа въ томъ порядкѣ, въ какой бы я привелъ всѣ піэсы (а для этого только нужно будетъ сдѣлать имъ регистръ и въ этомъ регистрѣ отмѣтить, на какой страницѣ какаго тома піэса находится). Нужныя же поправки могу сдѣлать на самомъ печатномъ оригиналѣ. Что же касается до цензуры, то жаль, что Плетневъ просилъ Уьарова о увольненіи отъ новой цензуры: онъ изъ этого сдѣлаетъ великую важность, будетъ просить Государя; а стоило бы просто имѣть подписанный цензурою печатный экземпляръ. Рустема же отдать бы процензуровать особо также, какъ и разныя сказки, написанныя въ послѣднее время и напечатанныя въ разныхъ журналахъ. При томъ представить въ цензуру и новый порядокъ, въ которомъ

([12]) Извѣстнымъ лексикографомъ и ученымъ знатокомъ Русскаго языка. *П. Б.*

всё должно быть напечатано; иначе, чего добраго, старое въ новомъ порядкѣ сочтется за новое. Жаль мнѣ будетъ, если Уваровъ до полученія вами этого письма успѣлъ уже представить Государю о увольненіи отъ цензуры; если же нѣтъ, то предупредите это и отдайте экземпляръ печатный въ цензуру; этотъ экземпляръ оставьте у себя; также поступите и съ Зорабомъ (у меня есть другой списокъ); сказки же можно или переписавъ на мой счетъ или вырѣзавъ печатными листами изъ Современника, Москвитянина и Сологубова Альманаха, представить въ цензуру и также сохранить у себя: у меня есть списки сказокъ. Когда все это соберется у васъ подъ фирмою цензуры, вступите въ переговоры съ книгопродавцами и увѣдомьте меня, какой будетъ успѣхъ. Я самъ думаю, что было бы, можетъ быть, выгоднѣе напечатать на свой счетъ и мало по малу выбирать деньги; но повторяю, не мнѣ съ этимъ возиться. Соглашусь я на это, если найдете мнѣ такого благотворительнаго смертнаго, который бы за меня, въ пользу моихъ, взялся хозяйничать. Если

жъ найдется покупщикъ, то сообщите ему и проэктъ напечатанія. Изданіе у Рейфа будетъ дешевле, скорѣе, лучше и всё застрахованное легко и безопасно достигнетъ до Петербурга. Прошу также меня немедленно увѣдомить о выходѣ изъ цензуры Рустема и сказокъ, и сообщите мнѣ тѣ мѣста, которыя (хотя впрочемъ этаго я не полагаю) могутъ быть вычеркнуты цензурою. Я вычеркну ихъ въ своемъ экземплярѣ и, можетъ быть, рѣшусь этотъ 10 томъ напечатать здѣсь особо; тогда можемъ его выдать впередъ какъ послѣдній томъ новаго изданія, или и особо подъ особеннымъ титуломъ. Что вы на это скажете? Печатаніе будетъ стоить и съ пересылкою застрахованною не болѣе 2500, много, много 3000 руб. Если продавать экземпляръ по 2 р. сер. (?), то останется за вычетомъ 25 процентовъ книгопродавцамъ до 17 тыс. асс. барыша. Если печатать здѣсь всѣ 10 томовъ, то печатаніе станетъ и съ пересылкою до 30 тыс. р. асс. Если продавать экземпляръ по 10 р. сер., то за вычетомъ всего останется въ барышѣ до 75 тыс. р. асс. Рустемъ вѣро-

ятно не залежится; но скоро ли раскупится всё изданіе? Прошу васъ на всё это отвѣчать поскорѣе. Юбилей—идея хорошая; я бы радъ былъ, когда бы она пришла въ исполненіе. 50-тилѣтіе мое кончится 29 января 1848 года, въ день рожденія поэта. Къ этому времени подоспѣетъ половина Одиссеи. Она могла бы быть моимъ представителемъ. Тогда же будетъ и Великій Князь Наслѣдникъ уже въ Петербургѣ. Я же хлопочу объ этомъ (какъ ни трогательно и для самолюбія и для сердца такое торжество) болѣе для *моихъ*, нежели для самаго себя: для моихъ, которые должны послѣ меня остаться и которымъ это торжество могло бы обратиться въ пользу. И такъ не бросайте этой идеи. Если уже она могла проявиться, то пускай она созрѣетъ и дастъ плодъ. Впрочемъ я самъ не знаю, хорошо ли дѣлаю, что объ этомъ забочусь. Это дѣло должно бы совершиться безъ моего вѣдома. Но о себѣ ли забочусь? О потѣхѣ ли своего самолюбія думаю? Нѣтъ! Всё таки лучше и чище полная беззаботность. До сихъ поръ явно для меня то, что не я устроилъ теперешнія мои обстоя-

тельства: онѣ явно были свыше устроены. За чѣмъ же тревожиться и мѣшаться въ дѣло высшее? И такъ объ этомъ болѣе ни слова.

Вчера Хомяковъ уѣхалъ, и мнѣ безъ него очень пусто въ Эмсѣ. Онъ прочиталъ все *мое*, и теперь все, кажется, въ порядкѣ; прочиталъ *и свое* весьма замѣчательное. Гоголь отправился въ Остенду.

Это письмо прошу тебя, Вяземскій, сообщить Плетневу; оно писано къ вамъ обоимъ. Ж.

XIII. ПИСЬМО ГОГОЛЯ.

Франкфуртъ. Іюня 11 (1847).

Благодарю васъ, добрѣйшій князь, много и много за ваше участіе. Ваша статья въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ о Языковѣ и обо мнѣ ([13]), кромѣ

([13]) См. примѣч. 11-е. Сопоставленіе Языкова и Гоголя въ статьѣ кн. П. А. Вяземскаго (принадлежащей къ лучшимъ прозаическимъ произведеніемъ этого писателя) объясняется тѣмъ, что кончина Языкова (26 дек. 1846) и появленіе

всѣхъ тѣхъ достоинствъ и свойствъ, которыя принадлежатъ особенности собственно вашего ума, меня очень тронула тѣмъ чувствомъ соучастія, которое принадлежитъ только одной нѣжной и любящей душѣ. Одно только ме-

---

книги Гоголя были почти одновременны. Чтобы лучше понять это письмо Гоголя, слѣдуетъ припомнить самую статью, коею оно вызвано. Кн. П. А. Вяземскій говорилъ между прочимъ въ этой статьѣ: „Нуженъ былъ переломъ. Переломъ этотъ тѣмъ полезнѣе, что противодѣйствіе истекло изъ той же силы, которая невольно, но не менѣе того, всеуклекательнымъ стремленіемъ, дала пагубное направленіе. . . . На его душу и отвѣтственность обращали всѣ грѣхи, коими ознаменовались послѣдніе года нашего литературнаго паденія. . . . Всѣ эти ликторы и глашатаи, которые шли около него и за нимъ съ своими хвалебными восклицаніями и праздничными факелами, именно и озарили въ глазахъ его опасность и ложность избраннаго имъ пути. Съ благородною рѣшимостью и откровенностью онъ тутже круто своротилъ съ торжественнаго пути своего и спиною обратился къ своимъ поклонникамъ . . . Жестокій врачь, онъ растравливаетъ раны, но не придаетъ больному ни бодрости, ни упованія. . . . Переломъ былъ нуженъ, но можетъ быть, не такой внезапный и крутой“.

ня остановило: мнѣ кажется, что выразились вы нѣсколько сурово о нѣкоторыхъ моихъ нападателяхъ, особенно о тѣхъ, которые прежде меня выхваляли. Мнѣ кажется вообще, мы судимъ ихъ слишкомъ неумолимо. Богъ знаетъ, можетъ быть, въ существѣ многіе изъ нихъ добрые люди и влекутся даже нѣкоторымъ, хотя отдаленнымъ, желаніемъ добра; но кого не увлекаетъ самолюбіе, нѣкоторый успѣхъ, и множество разныхъ соблазновъ, окружающихъ со всѣхъ сторонъ человѣка? Богъ знаетъ, можетъ быть, и намъ будетъ сдѣланъ упрекъ въ гордости, за то что мы нѣсколько жестоко оттолкнули ихъ, оскорбясь какою нибудь ихъ дерзостью, тогда какъ нашъ совѣтъ, можетъ быть, имъ былъ бы нуженъ и спасъ бы ихъ отъ многаго того, за что ихъ укорять теперь справедливо. Скажите мнѣ искренно, что̀ вы объ этомъ думаете. Мнѣ же становится теперь жалокъ рѣшительно всякъ человѣкъ, потому что, право, положенье всѣхъ въ нынѣшнее время страшно трудно и, къ кому ни приглядишься ближе, всякъ порождаетъ къ себѣ состраданье. Вся эта исторія

по поводу моей книги (испытанье на собственномъ тѣлѣ многаго того, что̀ приходится испытывать людямъ въ большемъ и меньшемъ размѣрѣ на всѣхъ почти поприщахъ, отъ всякаго рода *недоразумьній*, которыми наполнился въ избыткѣ нынѣшній вѣкъ) усиливаетъ во мнѣ эту *жалость* со дня на день, такъ что не имѣется духу обвинить или осудить какого нибудь человѣка. Мнѣ кажется, какъ будто еще недостаточно любви у всѣхъ насъ (хорошо, по крайней мѣрѣ, то, что мы это болѣе или менѣе чувствуемъ); мнѣ кажется, какъ будто мы все еще дѣйствуемъ не собственно противъ *нечистой силы*, подталкивающей на грѣхи и на заблужденія людей, но противъ самихъ людей, которыхъ подталкиваетъ на грѣхи *нечистая сила*. Самые наиболѣе любящіе изъ насъ еще не исполнены любовью къ людямъ въ такой степени, въ какой исполнены ненавистью къ ихъ заблужденіямъ. Отъ того и всѣ статьи наши, подвинутыя самымъ искреннимъ желаніемъ добра, не вносятъ надлежащаго примиренія. Мнѣ кажется, что теперь, въ нынѣшнее вре-

мя, болѣе нужны не статьи нападательныя или защитительныя, которыя невольнымъ образомъ обратятся на чью нибудь личность и выставятъ на сцену насъ самихъ, сколько статьи уяснительныя многихъ важныхъ вопросовъ, относящихся къ тѣмъ вѣчнымъ истинамъ, которыя, хотя покуда еще и не раздаются въ обществѣ, но къ которымъ поворотъ однакоже неминуемо долженствуетъ наступить. Я разумѣю здѣсь собственно тѣ истины, о которыхъ могутъ сказать только люди государственные. Если о нихъ не раздадутся теперь здравыя опредѣленія, годныя укрѣпить хотя нѣкоторыхъ, или дать имъ знать по крайней мѣрѣ приблизительно, чего держаться, то ихъ пойдутъ скоро коверкать вовсе негосударственные люди и могутъ сбить всѣхъ съ толку. Вы видите, что нѣкоторое поползновеніе къ тому уже обнаруживается. Даже и я, человѣкъ вовсе негосударственный, заговорилъ о томъ. И такъ, есть какое-то повѣтріе, которому всѣ подвергаются равномѣрно. Тѣмъ болѣе теперь нуженъ голосъ мастеровъ того ремесла, въ которое впу-

тываются люди посторонніе. Я, признаюсь, ожидалъ и даже теперь ожидаю отъ васъ статьи, въ которой бы и я, и книга остались въ сторонѣ, а выступилъ бы на сцену предметъ, для котораго вамъ даны такія орудія. У васъ есть все что̀ нужно для государственнаго мужа; притомъ любви къ Россіи, слава Богу, довольно; любви къ добру также, а если къ этому еще присоединится всѣми нами искомая, истинная любовь въ Христѣ ко всѣмъ братіямъ, вы отыщите скорѣе всѣхъ ту вѣрную законную середину, къ которой мы стремимся, и голосъ вашъ будетъ доступенъ многимъ сердцамъ и умамъ; а покуда я жду съ нетерпѣньемъ листковъ моей рукописи, снабженныхъ вашими замѣчаніями, потому что съ моей стороны все таки нужно что нибудь сказать, хотя, разумѣется, по приличнѣй и въ такой мѣрѣ, въ какой позволительно сказать негосударственному человѣку. Нужно, чтобы мы все таки питали любовь къ своей государственности, а не летали мысленно по всѣмъ землямъ, говоря о Россіи; чтобъ чувствовали по крайней мѣрѣ, что строенье новаго исходитъ изъ

духа самой земли, изъ находящихся среди насъ матеріаловъ. Но прощайте, добрѣйшій князь мой. Благодарю васъ и не знаю, какъ достойно возблагодарить за дружбу вашу и участіе. Богъ васъ да наградитъ за то и другое. Весь вашъ

Гоголь.

Письмо Гоголя замѣчательно, какъ свидѣтельство тогдашняго направленія его, умственнаго и нравственнаго. „Переписка съ друзьями“ была рѣшительнымъ переломомъ въ авторской его жизни. Что произвелъ бы этотъ переломъ въ послѣдствіи, неизвѣстно: смерть не дала этой тайнѣ разрѣшиться. Но нѣтъ сомнѣнія, что если не прекратилъ бы онъ своей авторской дѣятельности, то уже не возвратился бы на дорогу „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“: въ этомъ отношеніи онъ высказалъ все что могъ высказать; образцы и краски были истощены до нельзя. Дарованіе Гоголя было слишкомъ возвышено, чтобы изнашивать успѣхи свои до послѣдней нитки, чтобы питаться собственными крохами, оставшимися послѣ вчерашняго пиршества, чтобы продовольствовать себя и другихъ собственными оборышами, что̀ настоятельно дѣлаютъ многіе.

Притязанія и небосклонъ его были шире. Можно сказать, что онъ уже и въ „Мертвыхъ Душахъ“ переступилъ благоразумный и законный предѣлъ. Какъ ни ярки и ни разнообразны были краски его, какъ часто ни была высока и художественна кисть живописца; но длинная галлерея портретовъ его, этихъ неблаговидныхъ личностей, подъ конецъ утомляла зрителей. Кто то сказалъ о пастушескихъ стихотвореніяхъ Фонтенеля, что онъ дорого далъ бы, чтобы встрѣтить хоть одного волка въ овчарнѣ. Тоже можно сказать въ обратномъ смыслѣ о „Мертвыхъ Душахъ“. Въ зоологическомъ музеѣ его тоскуешь. Пушкинъ, передавая эту тему Гоголю, думалъ вѣроятно, что онъ по этой канвѣ вышьетъ анекдотическую повѣсть, съ обычною оригинальностью и мастерствомъ; но онъ отсовѣтовалъ бы ему растягивать ее на размѣры длиннаго романа, а тѣмъ болѣе поэмы. О попыткахъ его, оставленныхъ намъ въ недоконченныхъ посмертныхъ главахъ романа, положительно судить нельзя; но едва ли успѣлъ бы онъ безъ крутаго поворота и послѣдовательно выдти на свѣтлую дорогу и, подобно Данту, довершить свою Divina Comedia Чистилищемъ и Раемъ. Конечно, дѣло не

въ заглавіи; но, по общепринятымъ понятіямъ величать подобное произведеніе поэмою, могло казаться неумѣстною шуткою или, что̀ еще хуже, неумѣстнымъ притязаніемъ, и въ этомъ отношеніи, позволю себѣ сказать, виноваты были Московскіе пріятели Гоголя. Письмо Чадаева, которое здѣсь прилагается, указываетъ на это довольно вѣрно. Нельзя, можетъ быть, согласиться во всемъ съ Чадаевымъ; но многія изъ его сужденій о Гоголѣ справедливы и мѣтко попадаютъ въ истину. Во всякомъ случаѣ письмо его замѣчательно, принадлежитъ къ біографіи Гоголя и можетъ послужить справкою для исторіи нашей литературы. *Кн. В.*

XIV. ПИСЬМО П. Я. ЧАДАЕВА.

(Москва) Басманная, 29 апрѣля 1848.

Спасибо, любезнѣйшій князь, за ваше милое письмо. Дѣло К-на постараемся сами устроить, а васъ все таки благодаримъ за ваше участіе. Съ вашимъ сужденіемъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ я не совершенно согласенъ, хо-

тя впрочемъ вы во многомъ и правы. Что мы умны, въ томъ никакого нѣтъ сомнѣнія, но чтобъ въ умѣ нашемъ вовсе не было проку, съ этимъ никакъ не могу согласиться. Неужто надобно непремѣнно дѣлать дѣла, чтобы дѣлать дѣло? Конечно можно дѣлать и то и другое, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мысль, и не выраженная еще въ жизни, не могла быть вещь очень дѣльная. Настанетъ время, она явится и тамъ. Развѣ люди живутъ въ однихъ только департаментахъ да канцеляріяхъ? Вы скажете, что мысли наши не только не проявляются въ жизни, но и не высказываются на бумагѣ. Что дѣлать? знать, грамотка намъ не далась. Но за то, еслибъ вы послушали наши толки! Нѣтъ такого современнаго и несовременнаго вопроса, котораго бы не рѣшили, и все это въ честь и во славу святой Руси. Повѣрьте, въ нашихъ толкахъ очень много толку. Міръ всплеснетъ руками, когда все это явится на свѣтъ дневный. Но поговоримъ лучше о дѣлѣ, и вамъ и намъ общемъ. У васъ, слышно, радуются книгою Гоголя, а у насъ ею очень не

довольны. Это, я думаю, происходитъ отъ того, что мы болѣе васъ были пристрастны къ автору; онъ насъ немножко обманулъ, вотъ почему мы на него сердимся. Что касается до меня, то мнѣ кажется, что всего любопытнѣе въ этомъ случаѣ, не самъ Гоголь, а то, что̀ его такимъ сотворило, какимъ онъ намъ теперь представился. Какъ вы хотите, чтобъ въ наше надменное время геніальный человѣкъ, закуренный ладаномъ со всѣхъ сторонъ, не зазнался, чтобъ голова его не закружилась? Это просто невозможно. Мы нынче такъ довольны всѣмъ своимъ, роднымъ, домашнимъ, такъ радуемся своимъ прошедшимъ, такъ потѣшаемся своимъ настоящимъ, такъ величаемся своимъ будущимъ, что чувство общаго самодовольства невольно переносится и къ собственнымъ нашимъ лицамъ. Если народъ Русскій выше всѣхъ народовъ въ мірѣ, то само собою разумѣется, что и всякой даровитый Русскій человѣкъ выше всѣхъ даровитыхъ людей другихъ народовъ. У народовъ, у которыхъ народное чувство было искони въ обычаѣ, гдѣ оно въ крови, гдѣ оно вещь пош-

лая, такого роду явленія рѣдки, потому что они тамъ на умъ высокій никакого дѣйствія имѣть уже не могутъ; у насъ же эта слабость вдругъ развернулась, неожиданнымъ образомъ, такъ что всѣхъ застала въ расплохъ, и умныхъ и глупыхъ: мудрено-ли, что и люди умные отъ нея дурѣютъ? Недостатки книги Гоголя принадлежатъ не ему, а тѣмъ, которые его превозносили до безумія, которые преклонялись предъ нимъ, какъ предъ высшимъ проявленіемъ Русскаго духа, которые ожидали отъ него какого то преображенія Русскаго слова, которые налагали на него какое-то всемірное значеніе; достоинства же ея принадлежатъ ему самому. Смиреніе, сколько его есть въ его книгѣ, есть плодъ того новаго направленія, которое онъ себѣ далъ; гордость ему привита его друзьями. Это онъ самъ говоритъ въ письмѣ своемъ къ князю Львову ([14]), на дняхъ мною чи-

---

([14]) Къ кн. Влад. Влад. Львову, умершему въ Москвѣ въ 1856 г., въ должности цензора, для которой онъ какъ будто былъ созданъ: человѣкъ обширнаго образованія, горячо предан-

танномъ. Разумѣется, онъ родился не вовсе безъ гордости, но все таки главная бѣда произошла отъ его поклонниковъ. Я говорю, въ особенности, о его Московскихъ поклонникахъ. Но знаете ли вы, откуда взялось у насъ въ Москвѣ это безусловное поклоненіе даровитому писателю? Оно произошло отъ того, что намъ въ Москвѣ сталъ нуженъ человѣкъ, котораго бы мы могли поставить на ряду съ великанами духа человѣческаго, съ Гомеромъ, Дантомъ, Шекспиромъ, и выше всѣхъ прочихъ писателей настоящаго и прошлаго времени. Это странно, но это сущая правда; этихъ поклонниковъ я знаю коротко; я ихъ люблю и уважаю; они люди умные, люди хорошіе; но имъ надобно, во что бы ни стало, возвысить нашу скромную, богомольную Русь надъ всѣми странами въ мірѣ; имъ непремѣнно надобно себя и другихъ въ томъ увѣрить, что мы призваны быть какими-то наставниками народовъ. Вотъ и нашелся, на первой случай, такой маленькій

ный Россіи, и къ тому общительный и снисходительный. *П. Б.*

наставникъ; вотъ они и стали ему про это твердить на разные голоса, и въ слухъ и на ухо; а онъ, какъ простодушный, довѣрчивый поэтъ, имъ и повѣрилъ. Къ счастію его и къ счастію Русскаго слова, въ немъ таился зародышъ этой самой гордости, которую такъ удачно въ немъ развили ихъ хваленія. Хваленіями ихъ онъ пресыщался, но къ самимъ этимъ людямъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго уваженія: это я знаю отъ него самого, и вы можете въ этомъ увѣриться изъ письма его къ Погодину. Отъ этого родилось въ немъ какое-то безпокойное чувство къ самому себѣ, усиленное сначала его болѣзненнымъ состояніемъ, а потомъ новымъ направленіемъ, имъ принятымъ. У насъ въ Москвѣ многіе думаютъ, что это направленіе ему дано такъ называемымъ западомъ, страною, гдѣ онъ пребываетъ, Іезуитами, къ которымъ его очень добросердечно причисляютъ. На этой счастливой мысли остановился нашъ замысловатый пріятель въ Московской газетѣ, и вѣроятно разовьетъ ее въ слѣдующемъ письмѣ, съ обычнымъ своимъ остроуміемъ. Но іезуитство, такъ

какъ его разумѣютъ эти господа, существуетъ въ сердцѣ человѣческомъ; за нимъ не нужно ходить въ чужбину: его вездѣ можно найти, и даже въ тѣхъ самыхъ людяхъ, которые его въ немъ укоряютъ. Оно состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться всѣми возможными средствами для достиженія своей цѣли, а это видано вездѣ. Для этого не только не нужно быть Іезуитомъ, но и не нужно вѣрить въ Бога. Въ Гоголѣ того вовсе нѣтъ; онъ слишкомъ спѣсивъ, слишкомъ простодушенъ, слишкомъ откровененъ, откровененъ даже до цинизма, однимъ словомъ, онъ слишкомъ не ловокъ, чтобы быть Іезуитомъ. Нѣкоторые изъ его хулителей особенно отличаются своею ловкостію, искусствомъ промышлять всѣмъ что̀ имъ ни попадется подъ руку, и въ этомъ отношеніи они совершенные Іезуиты. Онъ больше ничего, какъ даровитый писатель, котораго чрезъ мѣру возвеличили, который попалъ на новый путь и не знаетъ, какъ съ нимъ сладить. Но все таки онъ тотъ же самый геніальный человѣкъ, какой и прежде былъ, и все таки онъ, и въ томъ болѣзнен-

номъ состояніи души, въ которомъ теперь находится, выше всѣхъ своихъ хулителей, и, когда захочетъ, то сокрушитъ ихъ однимъ словомъ и разметчетъ ихъ, какъ быліе непотребное. — Эти строки были написаны до полученія вашей книжечки. Съ тѣхъ поръ былъ я боленъ и не могъ писать, а потомъ не писалъ по другимъ причинамъ. Благодарю за присылку. Не стану переначинать письмо, а скажу вамъ въ двухъ словахъ, какъ съумѣю, свое мнѣніе о вашей статьѣ. Вамъ вѣроятно уже извѣстно, что на нее здѣсь очень гнѣваются. Разумѣется, въ этомъ гнѣвѣ я не участвую. Я увѣренъ, что, если вы не выставили всѣхъ недостатковъ книги, или недовольно на нихъ обратили вниманія, то это потому, что вамъ до нихъ не было дѣла, что они и безъ того достаточно были выставлены другими. Вамъ, кажется, всего болѣе хотѣлось показать ея важность и необходимость оборота, происшедшаго въ мысляхъ автора, и это, по моему мнѣнію, вы исполнили прекрасно. Что теперь ни скажутъ о вашей статьѣ, она останется въ памяти читающихъ и мы-

слящихъ людей, какъ самое честное слово, произнесенное объ этой книгѣ. Все что ни было сказано о ней другими, исполнено какою то странною злобою противъ автора. Ему какъ будто не могутъ простить, что, веселивши насъ столько времени, ему вздумалось разъ поговорить съ нами не въ шутку; что съ нимъ случилось то, что̀ ежечасно случается съ другими людьми, менѣе извѣстными, въ кругу обыкновенной жизни, и что онъ осмѣлился намъ про это разсказать по вѣковѣчному обычаю писателей, питающихъ сознаніе своего значенія. Позабываютъ, что писатель, особенно писатель столь извѣстный—не частный человѣкъ; что ему скрыть свои новыя, задушевныя чувства, было не возможно и не должно, и что все дѣло состоитъ въ томъ, какъ онъ ихъ выразилъ; позабываютъ, что подлѣ нѣкоторыхъ страницъ слабыхъ, мелкихъ, и даже виновныхъ, есть въ этой книгѣ страницы красоты изумительной, страницы такія, что, читая ихъ, радуешься и гордишься, что говоришь на томъ языкѣ, на которомъ такія вещи говорятся. Вы одни съ любовью относитесь о книгѣ и авторѣ. Спасибо вамъ! День ото дня источникъ любви

болѣе и болѣе у насъ изсякаетъ, по крайней мѣрѣ въ мірѣ печатномъ; и такъ, спасибо вамъ, еще разъ! На меня находитъ невыразимая грусть, когда я вижу всю эту злобу, возникшую противъ любимаго писателя, доставившаго намъ столько слезныхъ радостей, за то только, что онъ пересталъ насъ тѣшить, и съ чувствомъ скорби и убѣжденія исповѣдуется предъ нами и старается, по силамъ, намъ сказать доброе и поучительное слово. Все что̀ мнѣ бы желалось вамъ объ этомъ сказать, вы уже сами сказали несравненно лучше, нежели какъ бы мнѣ удалось то выразить особенно на языкѣ, которымъ столь безсильно владѣю; но одно, о чемъ уже говорилъ въ первыхъ своихъ строкахъ, вы, кажется, упустили изъ виду, а именно высокомѣрный тонъ нѣкоторыхъ изъ этихъ писемъ. Я уже сказалъ, какому вліянію приписываю этотъ тонъ; но нельзя же и самого Гоголя въ немъ оправдать, особенно при томъ стремленіи, которое въ его книгѣ обнаруживается. Это вещь, по моему мнѣнію, очень важная. Мы искони были люди смирные и умы смиренные. Такъ воспитала насъ наша Церковь. Горе намъ, если мы измѣнимъ ея мудрому уче-

нію: ему обязаны мы своими лучшими народными свойствами, своимъ величіемъ, своимъ значеніемъ въ мірѣ. Къ сожалѣнію, новое направленіе избраннѣйшихъ умовъ нашихъ, именно къ тому клонится, и не льзя не признаться, что и нашъ милый Гоголь, тотъ самый, который столь рѣзко намъ выказалъ нашу грѣшную сторону, этому вліянію подчинился. Пути наши не тѣ, по которымъ идутъ другіе народы. Мы конечно достигнемъ всего того, изъ чего они бьются, но по сіе время мы столь мало еще содѣйствовали къ общему дѣлу человѣческому, что безумно намъ величаться предъ старшими братьями нашими. Они не лучше насъ, но они опытнѣе насъ. Ваша дѣловая, Петербургская жизнь заглушаетъ васъ; вамъ не все слышно что̀ творится на землѣ Русской. Прислушайтесь къ глаголамъ нашимъ; они вамъ повѣдаютъ дивныя вещи. Въ первой половинѣ вашей статьи вы сказали нѣсколько умныхъ словъ о нашей новоизобрѣтенной народности, но ни слова не упомянули о томъ, что мы невидимо стремимся къ искаженію народнаго характера. Помыслите объ этомъ. Не повѣрите, до какой степени личности людей въ

нашемъ краю измѣнились, съ тѣхъ поръ, какъ мы облеклись этой народною гордынею, невѣдомой отцамъ нашимъ. Вотъ что̀ меня всего болѣе поразило въ книгѣ Гоголя, и чего вы, кажется, не замѣтили. Во всемъ прочемъ, я съ вами за одно. Прошу васъ сохранить ко мнѣ ваше благорасположеніе и вѣрить моей сердечной преданности.

Петръ Чаадаевъ.

Это письмо уже было сообщено самимъ Чадаевымъ въ книгѣ Н. В. Сушкова: Университ. Благ. Пансіонъ.

Отд. оттискъ изъ №№ 2, 3, 6 и 7, Ж. «Русскій Архивъ» за 1866 г.

Дозволено цензурой. Москва, 7 іюля 1866 года.

Въ типографіи Грачева и К. у Пречистенск. вор. д. Милякова.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Письма 1812 года.
II. Литературныя Арзамазскія шалости.
III. Письма Д. В. Дашкова.
IV. Письма Сильвіо Пеллико и Варнгагена фонъ Энзе.
V. Письмо К. Н. Батюшкова.
VI. Письма Жуковскаго (въ стихахъ).
VII. Письма А. И. Тургенева.
VIII. Письма Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго.
IX. Письма Д. В. Давыдова.
X. Три бумаги гр. С. С. Уварова.
XI. Письмо Плетнева.
XII. Письмо Жуковскаго.
XIII. Письмо Гоголя.
XIV. Письмо Чадаева.